

**Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет РАН по фундаментальным вопросам
российской и зарубежной истории
Секция по проблемам аграрной истории
Институт российской истории РАН
Институт славяноведения РАН
Воронежский государственный университет**

**СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ДЕРЕВНИ X–XXI вв.:
ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ / ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ
И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ**

**XXXVII СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
Воронеж, 22–25 сентября 2020 г.

**Москва
2020**

ББК 63.3(2)
С 69

**XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы
проводится при финансовой поддержке РФФИ
Проект 20-09-22014**

Редакционная коллегия

А.А. Горский (отв. ред.), В.В. Кондрашин (отв. ред.),
О.В. Горбачев, В.А. Ильиных, М.Д. Карпачев, А.И. Комиссаренко,
Л.Н. Мазур, В.Д. Назаров, В.Н. Никулин,
Н.В. Соколова, Д.А. Хитров, Е.Н. Швейковская

**С 69 Социальный мир деревни X–XXI вв. : Земельные
собственники / землевладельцы и земледельцы :
XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории
Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений :
Воронеж, 22–25 сентября 2020 г. – Москва: ИРИ РАН,
2020. – 278 с.**

ISBN 978-5-8055-0384-0

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0384-0

© Коллектив авторов, 2020
© Программный комитет Симпозиума по
аграрной истории Восточной Европы, 2020

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ
Киевская Русь – середина XIX в.

М.Б. Свердлов¹

**Землевладелец и земледелец на Руси X–XII вв.
Антропологический фактор²**

Главной демографической проблемой Древней Руси была нехватка населения, точнее, некоторых его категорий, при достаточном количестве земли, особенно на первоначальных «межкняжеских» пограничьях. Тема данного симпозиума – взаимные отношения землевладельца и земледельца. Их социально-экономическим и правовым отношениям посвящена бесчисленная научная литература, содержащая самые разные гипотезы в данной связи. Поэтому важно определить их поземельные и имущественные отношения, а также понимание землевладельцем и земледельцем их содержания (антропологический фактор). При этом следует иметь в виду, что оба они являлись княжескими поданными, членами определенной социально-экономической, политической и правовой системы, а земледелец к тому же – членом соседской общины. Их отношения регулировались преимущественно нормами Краткой Правды Русской (конец 1040-х – начало 1050-х гг.; далее – КПр) и Пространной Правды Русской (1113–1125 или 1132 гг.; далее – ППр)³. Так называемая Древнейшая Правда или Правда Ярослава (КПр, ст. 1–17) была издана в

¹ *Свердлов Михаил Борисович*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, sverdlovmb@mail.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-09-00134.

³ *Свердлов М.Б.* От закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 21–26; то же с небольшими редакционными изменениями: *Свердлов М.Б.* 1) Прав-

связи с примирением Ярослава Мудрого с новгородцами после подавления их восстания против варягов. Домениальный устав или Правда Ярославичей (КПР, ст. 19–41) был издан после смерти Ярослава. Большая часть его норм была заимствована из устной системы права, Правды Русской, указанной как «закон русский» в русско-византийских договорах 911 и 944 гг. В Правде Ярославичей они были отредактированы для юридической защиты княжеского господского хозяйства. Эти наблюдения над историей текста КПР следует учитывать, поскольку нормы Правды Ярослава были предназначены для городской среды, а в Правде Ярославичей землевладельцем-господином являлся князь.

Основным назначением Правды Ярославичей являлась защита людей и имущества княжеского хозяйства. К их сельскому содержанию относится указание на уплату общиной-вервью виры за разбойное убийство огнищанина, управляющего княжеским господским хозяйством, если она не ищет убийцу (КПР, ст. 20). Постановлено также, что следует убить, «как собаку», убийцу огнищанина, который находился у объекта княжеской собственности (защита им клетки, коня, быка, коровы). За жизнь княжеского тиуна, управляющего хозяйством, и старшего конюха при стаде надо было уплатить судебный штраф, виру, в 80 гривен (КПР, ст. 21–23). За убийство сельского старосты и старосты, который руководит пахотными работами, следовало уплатить в княжеский суд продажу в 12 гривен (КПР, ст. 24). Далее указаны продажи за убийство княжеских зависимых людей, убийство или кражи скота, птицы и других объектов княжеской сельской собственности. При этом указаны разные судебные штрафы за коня князя и коня смерда, т. е. на одинаковые объекты владения перенесены различия в социальном статусе их собственников – соответственно 3 и 2 гривны. Особо назван судебный штраф в 12 гривен, если кто-то запашет межу или затешет межевой знак (КПР, ст. 34).

да Русская. История текста. Великий Новгород, 2015. С. 30–38; 2) Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб., 2017. С. 346–350.

Из содержания этих статей следует, что сакральность власти князя, провозглашаемая в церквах, не распространялась в сознании людей XI в. на объекты княжеской собственности в данных и других случаях. Но отношения княжих служилых людей, которые приезжали в общины-верви для сбора виры, сопровождались определенным ритуальным действием. В соответствии с постановлением Ярослава Мудрого вирник при въезде на территорию верви получал от ее членов самую значительную денежную единицу – гривну (КПР, ст. 42). Ее название в ППР, «съсадная гривна», раскрывает содержание этого ритуального действия. Когда вирник с помощником, отроком, въезжал на территорию верви, его встречали старейшины верви или ее население. Они вручали ему символический знак подданства и подчинения власти князя – «ссадную гривну». Но она имела также социально-экономическую функцию, поскольку входила в состав корма княжого человека как части его материального обеспечения за службу князю.

Ранее приведенные статьи КПР были включены частично и в отредактированном виде в ППР. В ней содержится также Устав о закупах – комплекс статей, регулирующих правоотношения землевладельцев и земледельцев (ППР, ст. 56–62, 64). Из их содержания следует, что у землевладельца есть кроме пашни земледельческие орудия, плуг и борона, хлев, где содержится скот, и деньги, часть которых он дает земледельцу под проценты и отработку долга (купа). Земледелец, который стал закупом, мог быть владельцем коня и отарицы – личной собственности, включая землю.

Попав в зависимость, закуп частично сохранял права свободного человека. Он мог открыто уйти от землевладельца-господина в поисках денег для возвращения купы, бежать от него к князю и к княжим служилым людям с судебными функциями для защиты от господских оскорблений. Если какое-либо господское имущество погибнет в его отсутствие, закуп не платит. То же происходит и в случае кражи скота из закрытого закупом хлева. Закон защищал закупа от произвола землевладельца. Он запрещал причинение вреда господином собственности закупа

и увеличение им купы, продажу господином закупа в холопы, избиение им закупа без вины. За эти правонарушения землевладелец должен был платить фиксированный штраф по решению княжеского суда. Но закон предоставлял господину также права внеэкономического принуждения по отношению к за купу: превращение его в полные холопы за бегство от господина, за кражу, разрешалось избиение закупа «за дело». Указана возможность денежных расчетов закупа с землевладельцем, если закуп ломает господские плуг или борону, которые ему даны, если погубит господский скот по своей вине.

Содержание этих правовых норм раскрывает не только конкретное социально-экономическое положение землевладельца и закупа, но также их ментальность. Землевладелец осмыслял себя полновластным господином закупа, а закуп – только зависимым человеком на время возвращения купы и ее отработки. Закон регулировал их экономические, социальные и правовые отношения, называя землевладельца «господином», но также защищая права за купов, свойственные свободным людям. Неизвестно, сопровождалась ли эти их отношения и судебные решения какими-либо ритуальными действиями. Об их существовании в древнерусской юридической системе свидетельствует церемония поступления в тиуны, управляющие господским хозяйством. Им можно было стать, привязав к поясу ключ от одного из объектов господского хозяйства. Этот ключ становился символом господского хозяйства и символом подчинения земледельца господину. Если договор между ними не заключался, такой тиун становился холопом, лишался личной свободы. Если договор заключался, то статус тиуна определялся его предварительными условиями (ППР, ст. 110).

Таким образом, отношения землевладельца и земледельца определялись их договорными отношениями, защитой господского княжеского и, шире, господского землевладельческого хозяйства, а также трудом земледельца-закупа на землевладельца. Антропологический фактор проявлялся в символических действиях членов общины-верви по отношению к княжескому вирнику (его

встреча членами верви и ссадная гривна), в частичном сохранении закупом прав свободного человека и в защите его прав княжеским судом, в юридическом ограничении прав землевладельца по отношению к закупу, а также в ритуальном поступлении земледельца на службу к землевладельцу в качестве тиуна и в символическом привязывании к его поясу ключа.

*А.А. Горский*¹

Вервь и погост (XI–XIII вв.)

Термин *вервь* традиционно принято считать древнерусским обозначением «сельской общины». Термин *погост* для периода XI–XIII вв. трактуется как обозначение населенного пункта, являющегося центром судебно-податного округа. Ряд исследователей (И.Н. Болтин, В.Н. Лешков, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Павлов-Сильванский, Л.В. Черепнин) высказывали предположения о близости этих двух понятий, но такие суждения не подкреплялись аргументацией и поддержки в историографии не встретили. Между тем есть основания для предположения, что *вервь* и *погост* являлись понятиями не просто близкими, но фактически синонимическими.

В источниках термины *вервь* и *погост* никогда не встречаются вместе. *Вервь* упоминается только в Русской Правде – в одной статье Краткой редакции (в составе т.н. Правды Ярославичей, ст. 20), и в шести статьях Пространной (ст. 3–6, 19, 70). Из этих данных следует, что «вервью» назывался округ, жители которого («люди») несут коллективную ответственность в случае совершения преступлений на его территории: если преступник не найден, то они должны платить в складчину «дикую виру». При этом нет никаких указаний, что *вервь* – объединение именно и только сельских жителей. Преступления, о которых идет речь в статьях, упоминающих «вервь», могли произойти как в сельской местности, так и в городе и городской округе; по прямому смыслу норм Русской Правды, «вервью» именовался судебный округ вообще.

¹ *Горский Антон Анатольевич*, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, gor-ks@yandex.ru, Россия, г. Москва.

Термин *погост* в Русской Правде не фигурирует. Он встречается в ряде иных источников: Повести временных лет (известия об установлении погостов княгиней Ольгой в середине X в., о погостах, по которым шли участники восстания в районе Ярославля – Белоозера в 1070-е гг.), киевском летописании XII в. (воспоминание о захвате полоцким князем Всеславом новгородских погостов в 1060-е гг.), владимирском летописании XIII в. (известие о взятии монголами в 1238 г. в Суздальской земле «городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ»), церковном Уставе Владимира Святославича конца X – начала XI в. («по всем городомъ даль есмь и по погостомъ и по свободамъ»), уставной грамоте Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича (1136 г., содержит перечень городов и погостов Смоленской земли с росписью размеров податей с каждого), уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г. Новгородской епископии на поступления податей от прионежских и заволочских владений Новгорода, жалованной грамоте Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю (между 1125 и 1136 гг.; жалуется «Терпужьскыи погост Ляховичи»), договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем (конец 1260-х гг.), четырех новгородских берестяных грамотах XII – начала XIII в. Погостом именуется центральное поселение территориально-административного (податного и судебного) округа, а в некоторых случаях и сам округ, с которого поступают государственные подати: дань и судебные штрафы. Ни в одном из перечисленных источников нет упоминаний «верви».

Таким образом, оба термина выступают в одном значении – административный округ, с которого идут государственные повинности. При этом «погосты» упоминаются в источниках разных видов, в том числе относящихся и к Руси в целом (Устав Владимира), и к отдельным регионам: Северо-Восточная Русь (летописные известия 1071 и 1238 гг.), Смоленская земля (уставная грамота Ростислава), Новгородская земля (известия новгородских источников). «Верьвь» же фигурирует только в двух связанных между собой правовых памятниках, созданных во второй половине XI – начале XII в. в Киеве. Скорее всего, речь идет о двух обозначениях одного и того

же – судебно-податного округа. «Погост» было его общепринятым обозначением (по главному поселению, в котором концентрировались подати), а при составлении Правды Ярославичей и затем Пространной редакции Русской Правды для обозначения такого округа предпочтен был термин «вервь». Возможно, это было сделано потому, что в нормах Правды подразумевались не только сельские, но и городские округа, а погосты были обозначением только сельских округов и их центров – города с прилегающей к ним территорией от «погостов» в источниках всегда отделяются.

Можно допустить, что при создании судебно-податных округов княжеская власть преимущественно ориентировалась на сложившиеся поземельные связи местного населения. Однако для установившейся в историографии точки зрения о «верви» как обозначении «сельской общины» имеющихся данных явно недостаточно. Скорее это термин, примененный в общерусском судебнике специально как обобщающее название для административных единиц и не получивший распространения именно потому, что в общепринятом словоупотреблении города с их округой продолжали именоваться городами, а погосты с их сельской округой – погостами.

Ю.В. Селезнёв¹

Количество сельского населения в Новгородской земле в конце XIV – XV в.

Установленный монголо-татарами принцип взимания дани основывался на налогообложении экономических единиц – хозяйств. С них взимался 10-ти процентный подоходный налог. Такой универсальный принцип позволяет нам проследить основы налогообложения в исторической перспективе XIII–XV вв. – времени господства на Руси Золотой (затем Большой) Орды, а также выявить численный порядок хозяйств в тех или иных землях Руси и численность населения данных земель. Разумеется, такая возможность появляется при имеющейся информации о размерах

¹ *Селезнёв Юрий Васильевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, orda1359@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

ордынского «выхода». В отношении Новгорода и Новгородской земли прямых указаний на размер «ордынского выхода» нет. Однако косвенные свидетельства позволяют реконструировать количество хозяйств, их налоговое бремя, демографическое состояние и мобилизационный потенциал Новгородской земли, применительно, главным образом, к первой трети XV в.

Сохранение в XV в. принципа взимания налогов по хозяйствам подтверждается свидетельствами духовных и договорных грамот. В частности, в духовных грамотах великого князя Василия I отмечается, что его дети и вдова «положат на них дань по людем, по силе». В духовной великого князя Василия II (1462 г.) говорится о взимании дани «по сохам и по людем».

Принцип взимания дани «по сохам» отмечается в послании эмира Едигея великому князю Василию I. Среди обвинений в ряде проступков, которые вызвали поход ордынских войск на русские княжества зимой 1408 г., упоминается следующее: «...а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся деваете?». При сборе дани в 1384 г. выход брался «со всякие деревни по плтине». Данные документы приравнивают друг к другу деревню и соху. С.М. Каштанов отмечает: «поскольку новгородская гривна XIII в. превратилась в рубль, под полугривной можно понимать половину рубля, то есть полтину». Таким образом, основой налогообложения выступает «соха».

Как установил С.М. Каштанов, ордынский «выход» представлял собой часть дани, собранной для князя. При вторжении на Русь в 1237 г. монголо-татары требовали «десятины во всем». Условие выделения «десятины и тамги» содержалось при переписи ордынцами в 1257–1259 гг. Новгородской земли. Т. о., при становлении государства Золотой Орды с завоеванных территорий устанавливалась дань в размере 10 % от общих доходов хозяйства. Надо полагать, что данное соотношение «выхода» к общим доходам княжеств сохранялось на всем протяжении существования ордынского государства в XIII–XV вв.

Система взимание ордынского выхода позволяет сделать предположение о количестве народонаселения в русских землях в

конце XIV – второй половине XV в. Основой взимания «выхода» была «посошная система». Таким образом, количество сох и приравненных к ним хозяйственных единиц может нам помочь высчитать количество населения. По данным новгородской вечевой грамоты о предоставлении московскому князю черного бора (около 1448–1461 гг.) на протяжении XIII–XV вв. «соха» состояла из одинакового числа людей: «а в соху 2 мужи работники» или «А в соху два коня, а третье припряжь». Никоновский свод, повествуя о событиях 1478 г., отмечает состав новгородской сохи. Она представляла собой «три обжи...а обже один человек на одной лошади орет, а кто на трех лошадях и сам третьей орет, ино то соха». Итак, на протяжении XIII–XV вв. соха состояла их 2–3 взрослых мужчин-работников. Каждый из них должен был иметь семью. Б.Ц. Урланис определяет для средневековья «число членов семьи не более 5–6 человек».

О числе хозяйственных единиц в Новгородской земле может свидетельствовать упоминание о сборе и выплате контрибуции великому князю Витовту в 1428 г.: «И ту приеха владыка Еуфимий... и докончаша другую 5000 сребра... а то серебро браша на всихъ волостех Новгородцкихъ и за Волоком, с десяти человекъ по рублю». Данный расклад показывает, что к этому времени в Новгородской земле (включая заволоцкие владения) существовало 50000 хозяйств, несущих бремя налогообложения. Данная статистика позволяет предполагать, что численность населения Новгородской земли составляла в это время 250000–400000 (50000 сох умножить на 2 работника и на 5/6 человек его семьи) либо 375000–600000 (50000 сох умножить на 3 работника и на 5/6 человек). Это количество составляло половину от численности хозяйств и населения Владимирского великого княжества. Ордынский выход – черный бор московского князя – составлял 2500 рублей, что в 2 с половиной раза превышало количество серебра, собиравшегося в великокняжескую казну с территории Московского княжества. Мобилизационный потенциал Новгородской земли, исходя из количества хозяйств и населения, можно определить в 5000–12500 человек: по сведениям, относящимся к концу

XV в., известно, что с псковских земель собрали в 1480 г. для войны с ливонцами с 4-х сох по коню и человеку, в 1495 г. для войны со шведами с 10-ти сох по коню и человеку, в 1500 г. для войны с литовцами с 10-ти сох коня, с сорока рублей – коня и человека в доспехе, а бобыли составили пеший отряд. Любопытно, что мобилизация одного человека с 10-ти хозяйств четко соответствовала нормам Монгольской империи, установленным для комплектования армии еще при кагане Угедее. В то же время, если учитывать мнение военного историка Е.А. Разина о мобилизационном напряжении в 10 % как высоком и предельном, но возможном, то Новгородская земля могла выставить в среднем 40625 человек. Показательно, что эту цифру – 40000 новгородского ополчения – указывают летописцы при описании событий 1471 г.: «Новгородские посадники и тысячские, купцы и житьи люди, и мастера всякие, спроста рещи плотници и горичары, и прочии, которой родився на лошади не бываль <...> сами бо глаголаху яко было ихъ сорокъ тысячъ на бою томъ».

Итак, свидетельства о размерах сборов выплат по контрибуции в пользу великого литовского князя Витовта позволяют нам реконструировать количественный состав хозяйств Новгородской земли, что, в свою очередь, позволяет определить порядок численности населения и мобилизационные возможности Новгородской земли.

А.Л. Грязнов¹

Монастыри на Белоозере, в Пошехонье и Вологде. Причины возникновения и выбор расположения²

На протяжении длительного периода российской истории монастыри являлись одними из необходимых элементов организации сельского пространства. Определение причин и обстоятельств возникновения монастырей, критериев при выборе расположения,

¹ Грязнов Анатолий Леонидович, НП «НИЦ «Древности», rubicon-2@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Вологодской области в рамках научного проекта 19-49-350001.

выявление связи между датой и местом основания и функциями монастыря позволит уловить процессы, протекавшие в аграрном обществе в XIV–XVII вв.

Самые первые монастыри в регионе возникали в ближайшей округе городов. В первую очередь это Троицкий Усть-Шехонский монастырь, основание которого местное предание относит к XIII в. Вологодский Троицкий монастырь по преданию был основан в XII в. Позднее, уже в XIV в. рядом с Вологдой был основан Спасо-Прилуцкий монастырь. К пригородным монастырям, возникшим в XIV в., можно отнести Череповецкий Воскресенский, располагавшийся недалеко от крупнейшего поселения Средней Шексны – Луковесь. Обстоятельства возникновения этих монастырей совершенно различны, тем не менее, это древнейшие монастыри регионов и располагались они в пределах 1–2 км от городов. Монастыри были без сомнения ориентированы именно на эти города и являлись неотъемлемым и важным атрибутом настоящего средневекового города.

Феномен монастырей в удельных центрах характерен для довольно краткого периода конца XIV – середины XV в. В это время генеалогическая ситуация среди князей Северо-Восточной Руси привела к тому, что при разделе «отчины» большинство из них получали только волости, и владельческим центром нового политического образования становилось село, как правило, удаленное от города. В такой ситуации князя, очевидно, предпринимали ряд действий, направленных на обустройство своей резиденции и превращение ее в полноценную столицу. Одним из возможных и наиболее четко фиксируемых аспектов этой деятельности являлось создание и покровительство монастыря в ближайшей округе новой столицы.

К особенностям таких монастырей можно отнести то, что инициативу в их основании проявляли местные князья, они же были первыми и важнейшими покровителями и вкладчиками. Монастырь располагался на некотором расстоянии от удельного центра, притом, что в самом княжеском селе уже была церковь. Вотчины на раннем этапе небольшие, несколько разрозненных деревень.

К монастырям этого типа на основании прямых сведений источников можно отнести Дионисиево-Глушицкий и Александро-Ку-

штский. К ним же, судя по всему, относился Спасо-Каменный монастырь, основание которого приписывается белозерскому князю Глебу Васильковичу, но покровителями этого монастыря в XV в. были князья Ярославской династии, во владениях которых находился как сам монастырь, так и его вотчины. К числу таких монастырей, судя по расположению, времени возникновения и географии вотчин, относились Спасо-Песочный (во владениях кн. Кубенских), Никитский (во владениях кнг. Федосьи Белозерской) и, возможно, Ефимьев-Сямженский (во владениях кн. Голениных).

Дробление княжеских вотчин на протяжении XV–XVI вв. уже не оставляло большинству представителей княжеских родов возможностей для претензий на владение крупным уделом, одним из атрибутов которого был монастырь. Тем не менее, несмотря на наличие храмов непосредственно в селах, у некоторых линий Белозерских князей на общих землях существовали свои монастырьки. Они упоминаются во владениях кн. Ухтомских, кн. Согорских и кн. Шелешпальских. Кроме коммеморативной функции, которая возлагалась на эти монастыри, они могли служить родовой усыпальницей.

Самая большая категория монастырей – это построенные по инициативе основателей монастырей. Здесь в выборе времени и места основания монастыря решающую роль играет личность основателя. Как правило, декларируется стремление обосноваться в удаленных («пустынных») местах. И, действительно, вновь учреждаемые монастыри никогда не располагаются близко от уже существующих (со временем из-за возрастания плотности монастырской сети это расстояние уменьшается). Уже через довольно короткий промежуток времени монастырь становится центром сельскохозяйственной округи. К числу таких монастырей можно отнести: Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Павло-Обнорский, Корнилиево-Комельский, Кирилло-Новоезерский, Николо-Озерский монастыри, Воронину пустынь.

Особняком стоит сравнительно немногочисленная категория монастырей, возникших в XVI в. Они связаны с волостной организацией черной волости и выполняли важную социальную функцию, находясь на обеспечении крестьянской общины, которая и являлась ини-

циатором их создания. К их числу относились Никольский Курдюжский, Пятницкий в Вожбахте, Никольский на Ножеме, Успения Богородицы на Устье Андоги монастыри, Одигириева пустынь.

Два монастыря (Никольский на Ковже и Никольский Святолуцкий) не были привязаны ни к городским центрам, ни к центрам уделов или волостей. Особенность их расположения – на берегах крупнейших озер региона, в устье рек (в одном случае при истоке реки из озера, а в другом – при впадении в озеро), на важнейших торговых путях. Основаны эти монастыри в конце XIV – начале XV в. на землях Ростовской епархии как филиалы Ростовского Борисоглебского монастыря. Эти общие черты позволяют видеть в основании обеих монастырей элементы общей программы по монастырской колонизации Ростовской епархии в период, когда на обширном пространстве ее северных провинций за пределами городской округи монастыри отсутствовали.

На протяжении XIII–XVII вв. монастырская сеть постоянно усложнялась и уплотнялась. С изменением политической и социальной ситуации, менялись инициаторы создания монастырей, их локализация и функции. Смещаясь от городских центров (к которым были привязаны самые ранние монастыри в XIII–XIV вв.) к крупнейшим локальным центрам в XV в., волостям в XVI в. и глухим уголкам в XVII в., монастыри маркируют освоенность территории и становятся символом глубокого освоения сельского пространства.

Е.Н. Швейковская¹

**Роль сервитутов в землевладении и землепользовании
российской деревни XVI – первой четверти XVIII в.:
к постановке вопроса**

Сельское расселение в любой из исторических периодов – первостепенный показатель земледельческого освоения пригодных для него территорий и аграрного развития в целом. Оно формировалось в поселенческие системы из разномерных локусов, что зависело от различных природно-зональных и пространственных условий, следуя

¹ Швейковская Елена Николаевна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, inslav@inslav.ru, Россия, г. Москва.

ландшафтным особенностям и конкретной микроландшафтной специфике; социально-экономические факторы также влияли на расселение. Эти процессы, совершавшиеся на протяжении веков, отразили данные археологии IX–XIII вв. и, разумеется, письменные источники с рубежа XIV–XV вв. В Центральном и Северо-Западном регионах Руси во второй половине XV – XVI в. происходило интенсивное становление и развитие частновладельческих вотчин – церковных и светских, а также поместий. Этот поступательный и неуклонный процесс оказал существенное влияние как на аграрное развитие в целом, так и на составляющие его компоненты, а именно системы расселения и землепользования. Эволюционные изменения по пути доминирования частно-феодалного землевладения были в свое время освещены в историографии второй половины XX – XXI в. (С.Б. Веселовский, Л.В. Черепнин, А.Д. Горский, А.А. Зимин, В.Л. Янин, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Ю.Г. Алексеев, И.Я. Фроянов, Л.В. Данилова, Л.И. Ивина, В.Д. Назаров, А.А. Юшко, С.З. Чернов, Н.А. Макаров и многие другие). Эти изменения свидетельствовали о модификации социального устройства и аграрного развития, которое все больше ориентировалось на формирующиеся частновладельческие вотчины с хозяйствующими центрами – господскими селами. Численно и масштабно растущие земельные комплексы привилегированных частных и корпоративных (патриарших, монастырских) владельцев сосуществовали наряду с черными и дворцовыми землями, прирастая за их счет. В ходе данного процесса совершалось коренное управленческо-хозяйственное замещение, при котором общинные центры теряли свою организационную функцию, и она переходила к господским селам с их руководящей ролью. Со второй половины XVI в. частное вотчинное и поместное землевладение, как известно, стало преобладающим в Центре и на Северо-Западе страны, вытеснив черносошное на северо-восточную периферию (Русский Север). Этот огромный регион отличало от Центра и Северо-Запада доминирование землевладения черносошных крестьян, лично не закрепощенных. На Русском Севере почти не существовало таких видов частного землевладения как светская вотчина и, тем более, поместье (монастырские владения были минимальны).

Разумеется, экономическим фундаментом аграрного хозяйствования была земля, главным образом, обрабатываемая крестьянами и приносящая доход, как в частновотчинных, так и в черносошных владениях. В последних земледельцы потомственно возделывали участки «государевой» земли, в которых был аккумулирован трудовой вклад семейных поколений. Крестьяне, независимо от социальной принадлежности к поместно-вотчинной или черносошной категории, обладали наделом / участком пахотной и сенокосной земли. Они были в их индивидуально-подворном пользовании / владении и располагались в деревенской округе большего или меньшего размера, в которой также находились выгоны, выпасы, водопои и другие угодья. Округа пространственно включала в себя окрестности каждой деревни или совокупности нескольких близлежащих деревень.

Площади же культивируемых земледельцами угодий, как соседствующих, так и удаленных, постепенно слагались в пространственные массивы на территории волости, будь она черносошная или внутривотчинная. В ходе земледельческого освоения (а в целом оно происходило одновременно, неравномерно, прерывисто, с сохранением выпаханых участков в перелог, а то и полным их забрасыванием) формировалась сложная сеть полей и угодий. Часто их геометрически неправильная конфигурация зависела от свойств ландшафтного комплекса, а конкретные формы были представлены различными землями: полями, полями, полосами, закраинами, лоскутами, репищами, пожнями неодинакового размера. Естественно, что с течением времени в волостном микрорайоне границы возделываемых участков, принадлежавших крестьянам разных деревень или даже различных землевладельцев, могли стать сопредельными. Такое сближение на уровне соседства, дополнительно усугубленное многолетним пользованием одной из сторон и/или вторжением в смежные угодья, приводило к земельным спорам, правовым и судебным конфликтам. Выходом из них было обновление имевшихся межей и/или их установление вновь, то есть меры, известные по судебным актам XV–XVI вв.

Однако вопрос, регулировались ли подобные отношения в досудебном порядке, с какого времени, какими способами, в нашей литературе специально не ставился. Несомненно, он заслуживает исследовательского внимания. Случавшиеся конфликты, предположительно, могли разрешаться как на законодательной, так и на обычноправовой основе. Важно задаться и такими вопросами, бытовали ли в землепользовании некие порядки, как они действовали в случаях регулирования взаимоотношений между соседями, причем на разных владельческо-хозяйственных уровнях: а) между волостными крестьянами, б) между частными землевладельцами разных рангов, в) между черносошными крестьянами и вотчинником (помещиком), г) между зависимыми крестьянами разных земельных владельцев и т.п. При дальнейшем рассуждении в этом направлении возникает твердое убеждение в необходимости сосредоточить внимание на важной для аграрной сферы теме, а именно, на возможности существования сервитутных отношений.

Сервитуты в современном понимании – это пользование чужим имуществом в определенных пределах, признаваемое законодательством и регулируемое правом. Сервитутное пользование появилось еще в Древнем Риме и шлифовалось в римском праве. В России сервитутные отношения начали складываться после отмены крепостничества, а активно с конца XIX в., тогда же формировалась и судебная практика в этой правовой сфере. Однако, в гражданском законодательстве того времени общее положение о сервитутах отсутствовало, хотя на практике оно было остро необходимо.

Сведения для исследования такой многоаспектной темы как сервитуты в период с XVI по середину XVIII в. могут содержать источники актового, законодательного характера, кадастровые материалы – как указы писцам, так и книги писцовые, межевые, возможно отдельные, а также другие. В разнovidовой источниковой совокупности необходимые сведения могут содержаться как прямо, так опосредованно, что потребует от исследователя тщательного просеивания данных для выявления латентной информации особенно во втором варианте.

Ю.В. Степанова, П.В. Гаврилов¹

**Локализация землевладений Тверской половины
Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г.²**

Территория Бежецкой пятины Новгородской земли в XV–XVII вв. занимает восточную и юго-восточную часть Новгородской земли и граничит на юге с Новоторжским и Тверским уездами, на востоке – с Бежецким Верхом, на севере – с Обонежской пятиной, на западе – с Деревской пятиной. Локализация центров погостов Бежецкой пятины производилась К.А. Неволиным (1853), А.А. Фроловым и И.Ю. Анкудиновым (2011). Авторами настоящего сообщения была проведена локализация территорий погостов Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г. (2019).

Территория Бежецкой пятины XVI–XVII вв. рассматривалась в контексте аграрной истории России и развития поместного землевладения Г.В. Абрамовичем (1974). Состав землевладельцев Бежецкой пятины XV–XVI вв. рассматривался В.Л. Яниным (1981), Л.А. Бассальго (2009), М.М. Бенциановым (2000). Размещение же территорий погостов и землевладений остается слабо изученным.

Писцовая книга 1545 г. письма И.Д. Вельяминова и А.Г. Соловцова описывает погосты Тверской половины Бежецкой пятины. Это самый полный из наиболее ранних источник. Книга включает описания только поместных земель.

В рамках исследования была произведена локализация землевладений Тверской половины Бежецкой пятины с применением ГИС-технологий. Для географической локализации средневековых местностей были использованы материалы Генерального и Специального межеваний, картографические и статистические источники второй половины XVIII – XIX в.

¹ *Степанова Юлия Владимировна*, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, m000142@mail.ru, Россия, г. Тверь; *Гаврилов Павел Владимирович*, Тверской государственный университет, pashagavrilov98@mail.ru, Россия, г. Тверь.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-09-00278.

В писцовой книге 1545 г. дано описание территорий погостов, волостей в рамках погостов и поместий внутри волостей. В описания поместий включены данные о населенных пунктах и пустошах. В оглавлении источника в его издании выделено в общей сложности 49 разделов, в том числе 40 погостов. Анализ содержания позволяет говорить, что в книге описаны земли, входившие в 47 погостов, к территории которых относятся отдельные волости и слободки.

Структура описания позволяет выделить три группы землевладельцев:

— представители новгородского боярства и духовенства, последние владельцы земли накануне или вскоре после вхождения Новгородской республики в состав Московского государства (им соответствуют территории крупных волостей);

— представители служилого класса, получившие землю после 1478 г. – в начале XVI в. после конфискации земли у новгородских землевладельцев великим князем московским;

— владельцы поместий на момент описания начала 1540-х гг.; как правило, это потомки предшественников.

Среди землевладельцев первой группы (новгородских) – представители крупного новгородского боярства: Есиповы, Овиновы, Лошинские, Грузовы, Посохновы, Юрьевы, Доможировы, Скомантовы и др.; новгородские монастыри (Аркажский и Спаский Хутынский) и архиепископ новгородский.

Среди землевладельцев второй и третьей групп – князья и дети боярские, служившие московскому великому князю: Мещерские, Пужбольские, Кавские, Черкасские, Загряжские, Кутузовы, Кандауровы, ЮрENEвы, Забелины, Родичевы и др. Среди них – перешедшие на службу в Москву представители аристократии Тверского княжества (кн. Дорогобужские, кн. Холмские) и служилых родов из Бежецкого Верха (Оплечуевы, Волынцовы, Курцовы и др.).

В рамках рубрикации по погостам группировка по владельцам является приоритетной. Землевладения одного владельца зачастую располагаются анклавами в разных погостах.

Созданный в ГИС точечный слой с поселениями и пустошами поместных владений показывает характер распределения этого типа землевладения на территории Тверской половины Бежецкой пятины и косвенно отражает и размещение других типов землевладения.

Локализация топонимики писцовой книги 1545 г. позволила определить расположение землевладений разновременных групп: как новгородского боярства конца XV в., так и служилых землевладельцев Московского государства первой половины XVI в. Полученные картографические материалы отражают значительное дробление крупных новгородских землевладений в результате поместных раздач XVI в.

Результаты исследования позволят более детально изучить сельское расселение и динамику землевладения на территории Тверской половины Бежецкой пятины в XVI в.

С.С. Кутаков¹

Развитие землевладения в Тверском уезде в XVI в. по данным писцовых книг²

На территории Тверского уезда в XVI в. значительное место занимало вотчинное землевладение, часть которого была связана со старой тверской знатью. Часть тверской элиты перешла на московскую службу до падения тверской независимости (А.А. Зимин). Например, в 1485 г. накануне падения Твери, на московскую службу перешли кн. А.Б. Микулинский и кн. О.А. Дорогобужский. Их «отъезд» должен был повлечь за собой потерю их тверских вотчин. Однако, очень скоро Тверь была аннексирована и, судя по всему, московское правительство возвратило им их тверские владения.

Писцовые материалы упоминают обширные владения Дорогобужских в Тверском уезде. Вероятно, эти владения можно связывать с землями кн. О.А. Дорогобужского, потерянными во время «отъез-

¹ *Кутаков Сергей Сергеевич*, Старицкий краеведческий музей, k_sergei_s@mail.ru, Россия, г. Старица.

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-31-01074-ОГН.

да» от Михаила Борисовича, великого князя Тверского. По-видимому, эти земли были возвращены ему после падения тверской независимости. Впоследствии они были унаследованы его сыном – Иваном Порошей, погибшим под Казанью в 1530 г., и внуком, кн. И.И. Дорогобужским. Писцовая книга 1539/1540 г. и дозорная книга 1551–1554 гг. фиксируют вотчины кн. И.И. Дорогобужского в волостях Кушалино (сс. Кушалино, Бели с деревнями), Шестка (с. Ивановское с деревнями) и Узкий Угол (три деревни). Владения кнг. Арины Дорогобужской располагались в волости Шестка (сс. Городище, Бокшино, Родионовское с деревнями) и Кушалино (с. Погорелицы с деревнями). В 1547 г. кн. И.И. Дорогобужский был казнен, а кушалинские его владения уже в 1548 г. были пожалованы в вотчину кн. И.Ф. Мстиславскому. В 1580 г. эти села окажутся среди тверских владений зятя И.Ф. Мстиславского – Симеона Бекбулатовича. Владения кн. И.И. Дорогобужского в Шестке перешли его жене кнг. Марии. Ей же была пожалована часть владений кнг. Арины Дорогобужской (с. Городище). Остальные ее вотчины были розданы в поместья: сельцо Родивоново – В.С. Сназину; Бокшино в 1548 г. – кнг. Авдотье, жене кн. И.В. Чернятинского.

Возвращаясь к реалиям конца XV в., отметим, что кн. А.Б. Микулинский вернул себе Микулин. Вероятно, что в конце 1485 или начале 1486 г. он скончался (М.А. Зинько). Он оставил своим сыновьям в Микулинском уезде крупные вотчинные комплексы. По данным тверских писцовых материалов фиксируются три вотчины трех его сыновей: с. Городище – кн. Владимира; с. Новое – кн. Юрия; с. Лотошино – кн. Василия. Род князей Микулинских пресекался в середине XVI в. Их владения перешли в дворцовое ведомство, а частично были розданы в поместья.

После ликвидации самостоятельности Тверского великого княжества в 1485 г. земли в округе столицы бывшего княжения вошли в состав дворцовых владений в большом объеме. Впоследствии они пополнялись за счет родовых выморочных и конфискованных земель. Из обширного фонда черных и дворцовых земель раздавались поместья, что хорошо показывает писцовая книга Тверского уезда 1539/1540 г. Первые поместья были розданы во время правления в

Твери соправителя великого князя Ивана III Васильевича его сына великого князя Ивана Ивановича (внука по матери великого князя Тверского Бориса Александровича). При Василии III поместные раздачи активизировались. Основные этапы поместных раздач в Тверском уезде были прослежены В.Б. Кобриным. Они восстанавливаются благодаря упоминаниям грамот, подтверждающих права на владение поместьями в дозорной книге Тверского уезда 1551–1554 гг. К середине XVI в. черных земель в Тверском уезде практически не осталось, по крайней мере, в источнике они упомянуты один раз: 36 деревень в Захожье. Дворцовые же земли сохранялись, а временами даже увеличивали свою долю в сравнении с другими формами земельной собственности на территории уезда. По-видимому, оно стало основой реконструкции тверского удела, когда в 1575 г. Симеон Бекбулатович был пожалован великим княжением Тверским.

Тверские владения Симеона Бекбулатовича описаны в писцовой книге 1580 г. Основные центры земельных владений Симеона – это дворцовые земли Тверского уезда, к тому времени включавшие в себя бывшие вотчины кн. Микулинских (сс. Городище, Новое, Лотошино) и другие крупные села (например, сс. Единоново, Мигайлово, Черкас). Часть тверских владений Симеона Бекбулатовича может быть связана с его тестем И.Ф. Мстиславским и расцениваться как приданное его дочери – это сс. Кушалино и Бели. Впоследствии между 1580 и 1588 гг. Симеон был лишен своих тверских владений, а земли принадлежавшие ему, стали фигурировать как дворцовые и отделялись в поместья, что отразилось в отдельной книге Тверского уезда 1588 г. Примечательно, что сс. Кушалино и Бели среди них не отыскиваются.

Д.Е. Гневашев¹

К истории ямского строения в Вологодском уезде во второй половине XVI в.

Максимально быстрое, дешевое и безопасное перемещение людей, грузов, капитала и информации было и остается залогом эффек-

¹ *Гневашев Дмитрий Евгеньевич*, Государственный архив Российской Федерации, gnevashev@bk.ru, Россия, г. Москва.

тивности управления, роста экономики, политического, экономического, социокультурного единства любой страны. В особенности актуально это требование времени звучало для того огромного, с массой местных различий, географического пространства, на котором строилось в XVI в. Московское царство. Верховная власть осознавала задачу связности страны во всех названных измерениях. Ее решение в условиях ограничений, налагаемых уровнем технического прогресса и развития производительных сил, могло проводиться только за счет более-менее эффективного использования уже известной в государстве с XIV в. системы ямской гоньбы – натуральной извозной повинности тяглого населения, эксплуатировавшего рукотворные и естественные коммуникации (сухопутные и водные пути) и традиционные виды транспорта (гузовой и водный).

Малоизученным остается вопрос включения протяженных территорий Русского Севера в общегосударственную систему ямской гоньбы во всей конкретике действий власти и ямских сообществ (выбор маршрутов и обустройство ямских дорог, строение ямских слобод, ресурсное обеспечение ямской гоньбы, источники землевладения ямщиков и корпоративный характер их службы, взаимодействие ямских миров с окружающим социумом по разным вопросам и т.д.). На примере ямского строения в Вологодском уезде во второй половине XVI в. можно отчасти сформулировать ответы на заданные выше вопросы.

Наличие в уезде ямов как пунктов на больших дорогах для перемещения лошадей в конце XV – середине XVI в. гипотетически выводится из данных документальных источников, прежде всего жалованных грамот, освобождающих грамотчиков от ямщины и подводной повинности. Первое упоминание конкретных ямов (Комельского и Обнорского) относится к 1557 г. Оба они лежали на пути из Вологды в Москву. Связь Вологды с Устюгом и Холмогорами была преимущественно по воде. На пути из Вологды в Белоозеро ближайший ям стоял, видимо, на Словенском волочке.

Выявленные источники позволяют выделить два значимых этапа в истории ямского строения в уезде в этот период. Они достаточно точно определяются хронологически:

— [1567 – 1568 гг.] – устройство в окрестностях Вологды 300 ямских охотников в двух ямских слободах по Московской и Кирилловской дорогам, а также организация на месте старых ямов Комельской и Обнорской слобод;

— [1586 – 1587 г.] – разукрупнение вышеназванных слобод, а также создание Шуйской ямской слободы на 25 охотников.

Системно изучать реализацию ямской реформы середины XVI в. на вологодской земле нельзя из-за крайне скудного количества источниковой информации. Но можно полагать, что набор мероприятий власти укладывался в общую логику преобразований в этой области, известную по другим уездам, в том числе по укреплению северного направления гоньбы, ставшего актуальным после установления регулярных сношений с Западом через порт на Белом море.

Значительно больше источников, освещающих этап развития ямского дела в уезде, хронологически совпавший с любопытнейшим «опричным» периодом вологодской истории. В этой связи преобразования в столь важной сфере, очевидно, следует рассматривать в общем контексте опричного переустройства Вологодского уезда. Создание Московской и Кирилловской слобод на 300 охотников – факт, красноречиво говорящий о серьезности намерений Ивана IV наладить бесперебойную доставку грузов, документов, посольств, гонцов *из и в* свою новую ставку. Скорее всего, такое значительное количество ямщиков было обусловлено расчетом на постепенное увеличение потребностей в ямской гоньбе, с запасом на будущее; реальные нужды в конце 1560-х гг., надо думать, были скромнее.

Устройство слобод на этих направлениях объяснимо. Московская и следующие за ней Комельская и Обнорская слободы обеспечивали связь с городами центра (Ярославль, Ростов, Переславль, Александрова слобода, опричная столица, Троице-Сергиев монастырь, сама Москва). Кирилловская же слобода гарантировала связи с имевшим большое значение для царской семьи и царя лично Кирилло-Белозерским монастырем, Белоозером, а далее – с Тихвином и Новгородом. При этом «устужско-холмогорское» направление гоньбы не получило развития

на этом этапе (очевидно, сообщение Вологды с Холмогорами, как и во время путешествия Э. Дженкинсона в 1557 г., шло водным путем).

Ситуация поменялась в середине 1580-х гг., когда в ходе ревизии итогов земельной политики Грозного (в том числе в части ямских земель) штат ямских охотников Московской и Кирилловской слобод был сокращен почти вчетверо (с 300 до 80 человек), видимо, до реальных потребностей ямского разгона в Вологодском уезде по этим маршрутам. Комельская слобода, вероятно, была сформирована полностью. Ставшие избыточными для обслуживания деятельности слобод земли были пущены в поместную раздачу. Одновременно с этим в 1587 г. была устроена Шуйская ямская слобода (при слиянии рек Шуи и Сухоны) на 25 охотников. В 1621 г. штат охотников в ней был уже 40 человек.

Устроение слобод в 1560-х гг. потребовало значительного земельного фонда. В этой связи любопытна тактика правительства в выборе источников земельного обеспечения ямщиков.

Так, к Московской слободе были прирезаны земли пригородного дворцового села Горки с деревнями и конфискованная у вологодского епископа смежно лежавшая вотчина (всего не менее 1580 дес.). Кирилловская слобода также получила земли другого пригородного дворцового комплекса – село Говорово с деревнями и, вероятно, несколько соседних черносошных деревень (не менее 1880 дес.). Для Комельской и Обнорской слобод были выделены земли из черных одноименных волостей. При устройении Шуйского яма правительство задействовало уже иной источник земли – фонд порозжих поместий в Авнежской волости.

Создаваемые в целях решения насущных государственных задач или в связи с личными проектами государя ямские слободы в силу своего особого финансово-податного статуса и профессионального профиля их жителей к концу XVI в. сформировались в обособленные территориальные образования общинного типа. Их появление в той или иной волости уезда вольно или невольно «взламывало» устоявшуюся структуру поземельных и владельческих отношений.

М.С. Черкасова¹

Севернорусские порядные XVI–XVII вв.: социально-правовые аспекты

Порядные грамоты/записи в большом количестве дошли до нас в составе архивов духовных корпораций (вологодского Спасо-Прилуцкого, устюжских Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского, сольвычегодского Николо-Коряжемского, важского Богословского, двинских Михайло-Архангельского и Антоньево-Сийского монастырей). В научной литературе накоплен продуктивный опыт их изучения (Ю.С. Васильев, Б.Д. Греков, Г.В. Демчук, М.А. Дьяконов, М.В. Клочков, А.И. Копанев, Г.П. Лохтева, З.А. Огризко, Г.Н. Образцов, М.А. Островская, Л.С. Прокофьева и др.). Меньше внимания специалисты обращали на порядные из архивов имевших земли городских соборных и крупных приходских церквей. Десятки их известны по Успенскому собору, Мироносицкой и Троице-Варварской церквям Великого Устюга. Подобными записями оформлялось исполнение различных работ устюжанами (городскими либо деревенскими жителями) в храмовом земледельческом хозяйстве – пригородном или уездном. Еще одна совокупность порядных отразила поступление работников в «крупные крестьянские хозяйства» (А.И. Копанев). Порядные С.М. Каштанов определяет как частные акты договорного вида. Ю.С. Васильев называл их монастырско-крестьянскими, поскольку в важском Богословском монастыре они составлялись по противням².

Если взглянуть на порядные через призму поземельных отношений, то их субъектами выступали, с одной стороны, церковно-монастырские корпорации (олицетворяемые «игуменом с братиею»; «протопопом (или соборным ключарем) с братиею»; «церковным старостой с клирошаны и прихожаны»), а с другой – представители разных

¹ *Черкасова Марина Сергеевна*, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, mscherkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

² *Васильев Ю.С.* Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в. // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 82–88; *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 152.

социальных категорий – крестьяне, посадские люди, пашенные бобыли, половники. Последний термин можно понимать как собирательный, поскольку человек поряжался обычно на половину такой-то деревни (монастырской, соборной, церковной, хозяйской) на определенный надел (выражаемый обычно в окладной единице – «к полуторе лошади»). Работы, вменяемые ему в обязанность, рисуют деревню как полный комплекс хозяйственных угодий: подворная-огородная-полевая-запольная земля плюс пожни/наволоки/луга/леса, включая порой даже «огородцы под окошками». И хотя в начале порядных поименно назывался один человек (чаще всего определяемый как половник), далее нередко речь шла о том, что действует он совместно со «складником» / или «складники» (2–3 чел., иногда – братья). Складничество на севере было распространенной формой организации труда и хозяйственной деятельности, а складнические правоотношения регулировались в ст. 20 Краткой и ст. 160 Пространной редакций Судебника 1589 г. Трудовое сотоварищество порядчика со складниками отражено в их обязанности выполнять большой объем строительных и ремонтных работ («приряда») совместно «с людьми», под которыми можно понимать однодеревенцев-односельчан-волощан¹.

В порядных XVII – начала XVIII в. отражен классический (а ныне в научном дискурсе почти угасший) сюжет истории русского крестьянства – «О христианском отказе», Юрьеве дне и «пожилом». Поряды совершались с «подмогой» (денежной и/или хлебной) и на определенный срок (2–3–4 года), «ряд и выряд (вариант – выезд/выход) один – Егорьев день осенной». «Вместо прияду» (иногда его могло и не быть), предусматривалась выплата пожилого (вариант: «постенного», а в ст. 178–179 Пространной редакции Судебника 1589 г. – «подворного», плюс еще «пожилой копны») в размере 1,2 (=40 алтын) – 1,5 – 2 руб. за год. Наблюдаются и другие величины пожилого за год в меньшую и несколько большую сторону. Подписями на обороте порядных ежегодные факты таких выплат фиксировались. Указанные размеры годовых «пожилых денег» в 4,5 раза (и более) превосходят «пожилое» Судебников

¹ ПРП. Вып. 4. М., 1956. С. 436, 461–468 и др.

1550 и 1589 гг. – 1 руб. 2 алт. за 4 года. Порядные записи нередко пролонгировались и переоформлялись в течение длительного времени, особенно отработанной эта практика была в монастырском делопроизводстве у старцев-«порядчиков». Они систематически составляли порядные книги, в которых вели записи приема подможных и пожилых денег, постепенного выполнения «приряда», а то и штрафных взиманий с половников-работников за нарушение условий порядных.

Явно сеньориальные интонации звучат в порядных, когда говорится: «...А куде пошлют церковной староста (варианты: игумен/келарь/старец-порядчик/ключарь Феодор/хозяин) на церковные зделья, и нам, половником, самем ходити и с коньми ездити без ослушания». В церковных порядных была предусмотрена повинность порядчиков «крылошаном сеять лну по решетку на человека» и снабжать приходскую церковь в городе дровами. Старинный «повоз» напоминает обязанность порядчиков доставлять в монастырь или церковь половину «приполонного хлеба» на своих подводах или на лодках по рекам. В порядных из архива Николо-Коряжемского монастыря фигурирует статья об обязанности «на посельщика коня кормить, дрова поставлять, капусту садить по гряде на год», а вот «корову доить полтора года, рубашки мыти, хлеб петчи и стряпати» наверняка должны были жены половников («коровницы-половницы»). Отработочно-личностная, повинностная направленность подобных работ несомненна. В случае смерти половника обязанность по невыплаченной «подмоге в отдачу» переводилась на его вдову и детей (Троице-Гледенский монастырь), что едва ли не напоминает участь семьи умершего изорника по ПСГ.

Севернорусские порядные можно рассматривать как договорно-правовую форму феодальных (а в ряде случаев – межкрестьянских) отношений, способа организации труда у землевладельцев разного социального статуса и масштаба с учетом природных условий обширного региона. Последние обусловили незначительность и нецелесообразность наращивания домениально-барщинного сегмента в северных вотчинах и некоторые особенности функционирующей таким образом модели аграрного строя.

А.Н. Гуслистова, А.Л. Грязнов¹

**Эволюция сети сельских храмов
в Белозерско-Вологодском регионе в XVI–XVII вв.²**

Различные кадастровые материалы являются главным источником при изучении аграрного социума XVI–XVII вв. К сожалению, по большинству уездов кадастры XVII в. еще не опубликованы и введение в научный оборот содержащихся в них сведений требует чрезвычайно больших усилий. Тем не менее, источники церковного происхождения, например, окладные книги, дают информацию, которая может в некоторой степени восполнить пробелы и дать новый ракурс для рассмотрения проблемы пространственной типологии расселения, ее эволюции и трансформации в отдельных уездах Московского государства в XVI–XVII вв.

Храм – маркер поселения более высокого ранга (село, погост) по сравнению с рядовыми аграрными поселениями (деревня, починок). Соответственно, локализация храмов позволяет выявить пространственные закономерности размещения сел, направления эволюции и закономерности трансформации аграрного социума, системы расселения. На географию размещения сел и маркирующих их храмов оказывали влияние экономические и демографические процессы. Само такое исследование может проходить по двум направлениям – изучение статичной картины, как отражение фундаментальных процессов и особенностей региона, и выявление динамики и причин трансформации.

Сеть храмов более консервативна по сравнению с сетью сельских поселений, а развитие этой сети следует за демографией и изменением поселенческой структуры. Кроме того, храмы – признак владельческого центра – села. Чем больше феодальных владений в микрорегионе, тем больше сел, а, значит, и храмов. Следовательно, для районов с высоким числом вотчин должно быть характерно и вы-

¹ *Гуслистова Анна Николаевна*, НП «НИЦ «Древности», annavalentina@mail.ru, Россия, г. Вологда; *Грязнов Анатолий Леонидович*, НП «НИЦ «Древности», rubicon-2@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Вологодской области в рамках научного проекта 19-49-350001.

сокое число сел с храмами. Если в этом ракурсе рассматривать Белозерско-Вологодский регион, то видна его неоднородность. Например, очень редкая сеть храмов в Заозерской половине Вологодского уезда. Иногда по одному храму на волость. Значит, здесь в XVI в. не было владельческих центров. Часть этих волостей в первой половине XVI в. принадлежала князьям Пенковым. Отсутствие признаков каких-либо владельческих центров в этих волостях свидетельствует, что в этом районе в XVI в. не было вотчин нетитулованных землевладельцев. С другой стороны, меновная кн. Александра Федоровича со Спасо-Каменным монастырем говорит о том, что в начале XV в. в этом районе были землевладельцы, самостоятельно распоряжавшиеся своими вотчинами. Значит, в первой половине XV в. частное землевладение в Заозерье существовало, но не получило развития, а владельческие центры здесь не сформировались и не переросли в села, поскольку вотчины между началом XV в. и началом XVI в. перешли во владение князей Пенковых. Эта ситуация напоминает ситуацию, когда на территории уделов Белозерских князей в XV в. фиксируются небольшие вотчины нетитулованных землевладельцев, но к концу XV в. здесь таких вотчин уже нет и все земли принадлежат непосредственно князьям. Такую трансформацию можно связать с изменением статуса владений местных князей (Белозерских и Пенковых) после их включения в состав единого государства и пожалования родовых вотчин в качестве вотчин служилых князей.

Гораздо выше плотность храмов была в ближайших к Вологде волостях, которая свидетельствует о большом числе владельческих центров, существовавших в середине – второй половине XVI в. Это косвенная информация тем более важна, что прямых данных о светском землевладении на Вологде в первой половине XVI в. сохранилось мало, а к XVII в. вотчинный фонд старинных вологодских фамилий был ничтожно мал.

По некоторым районам Белозерья расположение храмов дает возможность выяснить число владельческих комплексов и их примерную территорию. В частности, в районах крупного вотчинного землевладения можно наблюдать сравнительно редкую сеть храмов. Наиболее показательным в этом плане центральное Белозерье,

где располагались вотчины Монастыревых. Во владениях Белозерских князей в Пошехонье дробление вотчин достигло большей глубины, соответственно, здесь видны вотчины меньшего размера и более высокая плотность храмов.

Для районов на восточном и северном берегах Белого озера характерна другая особенность в организации пространства вотчины при ее дроблении. Усадьбы владельцев оставались в одном селе или группе сел в одном кусте, а к этим владельческим центрам тянули отдельные участки или доли вотчины, которые могли располагаться как вблизи владельческого центра, так и вдали от него.

Если говорить о динамике, которую можно проследить на материалах, связанных с храмами, то, как строительство храмов связано с появлением новых сел, возникновение которых, в свою очередь, вызвано дроблением вотчины, видно на примере князей Кемских. В конце XV в. в Кеме всего два села – Никольское и Ильинское. На протяжении нескольких следующих десятилетий вотчина дробится и возникает еще 13 владельческих центров. Почти в каждом из них располагается храм.

В ходе Смуты часть храмов региона была разрушена. Сведения о некоторых сохранялись в окладных книгах с отметками «пустая церковь» или «церковное место». Они, как правило, восстановлены не были, но дополняют данные о приходской структуре в XVI в.

Значительная часть погибших в Смуту поселений не возрождается, а население концентрируется в оставшихся функционировать поселениях. В дальнейшем, на протяжении XVII в. продолжают происходить изменения в системе расселения. Массовые перемещения в Вологодском и Белозерском уездах привели к образованию большого количества новых владельческих центров. Именно в некоторых из них строятся новые храмы. Меняется подход в организации пространства и приходской структуры и в крупных монастырских вотчинах. Например, если в XVI в. в Кеме все храмы были сосредоточены в одном кусте, то в XVII в. на территории вотчины появляются новые храмы, ориентированные на кусты поселений в отдельных микрорегионах. Сходная картина наблюдается и в вотчине Дионисиево-Глушицкого монастыря.

Д.А. Хитров¹

О размещении поместного фонда Московского уезда в 1620-х гг.²

Проблема того, как сосуществовали и взаимодействовали разные формы светского феодального землевладения в Московском государстве, поставлена в науке давно. С одной стороны, еще ученые XIX в. обратили внимание на проницаемость границ между ними: поместья нередко, особенно в тяжелые годы после Смуты, жаловались в вотчину, а вотчины, при их конфискации в пользу государства, нередко впоследствии шли в поместную раздачу. С другой, Л.В. Милов в работе 1978 г. на материалах валового письма 1620-х гг. показал, что различия между этими формами землевладения не были чисто юридическими, они касались самых основ их экономической жизни, поскольку на них по-разному действовали факторы общественного развития. Вопрос о причинах этих различий, однако, далек от окончательного разрешения.

Как известно, логика управления поместным фондом предполагала постоянное перераспределение земли между помещиками: смена поколений и, соответственно, изменение размера поместных окладов должны были приводить и к перераспределению земель. Соответственно, фонд поместных земель в каждом уезде, будучи разделен между множеством землевладельцев, в известной мере управлялся как единое целое. Поместный приказ рассматривал его как совокупность территорий, которые могут использоваться для обеспечения определенных категорий служилых людей. Наиболее зримое воплощение это взгляд на вещи имеет в писцовых книгах. Как известно, писцовые бригады работали в уезде последовательно, описание обычно начиналось от города и затем двигалось постепенно расширяющимися кругами. Однако при составлении книги материалы описания получали иную организа-

¹ *Хитров Дмитрий Алексеевич*, кандидат исторических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, dkh@bk.ru, Россия, г. Москва.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-09-00303.

цию: они делились по станам и волостям, а затем – по формам землевладения. Таким образом, все поместные и порозжие земли в каждом стане оказывались собраны вместе, писец подводил общий итог по ним, и служащие Поместного приказа могли ясно видеть, какими земельными и людскими ресурсами располагает поместный фонд на данной территории.

Однако были ли поместные земли на самом деле расположены компактно? Обычно считается, что поместные и вотчинные земли лежали исключительно чересполосно. Это, несомненно, верно, когда речь идет о землях, недавно изменивших свой статус, особенно о массовых выслугах начала XVII в., вотчинных пожалованиях «за царя Василия московское осадное сиденье» и «за осадное сиденье королевичева приходу». Однако вопрос о компактности расположения основного поместного фонда имеет смысл дополнительно уточнить.

Для этого требуется локализовать основные топонимы, упоминаемые в определенной книге, и составить карты расположения поместного фонда на определенных территориях. В настоящем сообщении речь идет о материалах валового письма 1620-х гг. по нескольким станам Замосковной половины Московского уезда. Московский уезд, как район наиболее привилегированного землевладения в государстве, в значительной степени контролировался дворцом и крупнейшими монастырями, так что относительно небольшой поместный фонд был предметом острого соперничества при дворе.

Задача локализации упоминаемых в писцовом делопроизводстве топонимов является непростой. Благодаря тому, что в Московской провинции Генеральное межевание было проведено очень рано, в 1760-х гг., мы располагаем превосходными ранними материалами, позволяющими надежно локализовать большую часть упоминаемых в писцовых книгах топонимов. Во-первых, это детальные карты, сохранившие «старое», существовавшее до реформы 1775 г. и восходящее к Средневековью, административное деление¹. Во-вторых, это первичные материалы межевания, систе-

¹ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 101.

матизированные, обработанные и картографированные В.С. Кусовым, который опубликовал по ним детальный справочник.

В докладе будут представлены карты помещтного фонда и разобран вопрос о том, каким образом могло осуществляться перераспределение землевладения на этой территории.

П.В. Чеченков¹

Светское землевладение и земледельцы Нижегородского уезда 1620-х гг. в свете иерархии служилого «города»

На предыдущих сессиях Симпозиума уже приходилось обращаться к анализу служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. Материалом для этого послужили писцовые книги, созданные в результате работы комиссии во главе с дьяком Дементием Образцовым с 1621/22 по 1623/24 г. Источник зафиксировал сведения о каждой даче, включающие в себя информацию о ее владельце, правовом обеспечении, экономическом состоянии, зависимом населении. В результате был получен ряд общих количественных параметров.

В тоже время известно, что провинциальные дворяне и дети боярские были организованы в уездные корпорации – «города». Представляется перспективным рассмотреть особенности светского землевладения в уезде с точки зрения чиновно-окладной структуры, фиксируемой документами Разрядного приказа.

Обычно на пути такого анализа стоит два препятствия. Во-первых, несовпадение состава землевладельцев и состава «города». С одной стороны, члены корпорации могли иметь владения в иных уездах. С другой стороны, на территории уезда могли быть значительные владения представителей иных корпораций. Во-вторых, неполнота документального материала, асинхронность писцовых и разрядных данных.

В случае с Нижегородским уездом 1620-х гг. исследователь имеет редкую возможность избежать этих затруднений, поскольку

¹ Чеченков Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, chechenkoff@yandex.ru, Россия, г. Нижний Новгород.

одновременно с писцовым описанием князем А.В. Лобановым-Ростовским и дьяком Воином Трескиным в Нижнем Новгороде был проведен смотр служилых людей и составлена информативная разборная десятина. В ней можно найти такие данные, как чин, земельный и денежный оклад, оценка годности к службе, конность, людность, оружность, вид службы (дальняя, ближняя, городская), оценка поместья, его размер, количество крестьян, бобылей, указание на родственников-совладельцев. Кроме того, изучение нижегородского служилого «города» показало, что землевладение его членов было полностью локализовано в родном уезде, в котором к началу XVII в. и доминировало.

Предварительные наблюдения сводятся к следующему. Насколько позволяют судить результаты корреляционного анализа, земельная статистика писцовой книги Нижегородского уезда отличается очень высокой степенью точности. Сведения о «пашне паханой» четко согласуются с количеством дворов зависимого населения во владении.

Анализ их размеров показывает, что Нижегородский уезд был районом полного преобладания мелкого поместного землевладения. Средний размер дачи был равен 122 четям в поле. Малые размеры четвертной пашни большинства владений дополнялись и слабой их заселенностью. Примерно в половине дач было не более 5 крестьянских и бобыльских дворов. В поместьях находилась и большая часть крестьянских дворов (82,3 %), и почти вся четвертная пашня (90,7 %). При этом в среднем вотчина в несколько раз лучше обеспечена рабочими руками, что позволяло распахивать гораздо больше земли.

Средний размер владения, составляя 325 чети у «выбора» (высший городской чин), стабильно снижается по мере уменьшения оклада и достигает своего минимума в 44,5 чети у детей боярских, переведенных на облегченную форму службы – городскую.

Во всех группах (выборные дворяне, дворовые дети боярские, городские дети боярские с высоким, средним и низшим окладом, новики со средним и низшим окладом), кроме двух высших чинов, есть владения совсем без населения. Отдельные наиболее обеспе-

ченные рабочими руками поместья и вотчины встречаются не у верхушки «города», а среди городских и новиков со средними окладами. Однако средние общие показатели свидетельствуют, что в наилучшем положении находились выборные и дворовые, а в наихудшем городские с низшими окладами.

Беспоместным был всего 31 человек и подавляющее большинство из них – новики. С этой стороны корпорация выглядела относительно благополучно. Гораздо хуже обстояло дело с наличием у ее членов возможности использовать крестьянский труд. Треть из них была ее лишена: почти все записанные в городскую службу, половина новиков, значительная часть городских. Новики, обеспечивавшиеся за счет отцовских поместий, почти все могли явиться на службу конно и оружно. Но лишенным родительской поддержки и поместий новикам на службу было явиться не с чем, хотя почти все они признаны «добрыми», «средними» и «обычными» воинами. Почти 6 десятков человек не имели возможности собраться на службу, поскольку их поместья в большинстве случаев меньше 100 четей, как правило, запустели, разорены или заросли лесом.

На противоположном полюсе благосостояния корпорации находились немногочисленные вотчинники (20 человек из почти трех с половиной сотен). Их положение отличалось наибольшей устойчивостью. Средняя населенность их владений 9 дворов на 100 четей при том, что общий показатель по корпорации составлял 4.

И.В. Пугач¹

**К вопросу о критериях устойчивости
социально-экономического развития на Русском Севере
(по материалам сметных списков первой половины XVII в.)²**

Одним из важнейших критериев стабильного и устойчивого социально-экономического положения черносошных уездов Русского Севера было исправное и своевременное исполнение крестьянами

¹ Пугач Иван Васильевич, кандидат исторических наук, Вологодский государственный университет, pugachivan@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00350 А.

налоговых обязательств и разнородных сборов, шедших в государственную казну. Появление же недоимок свидетельствовало о наличии проблем в демографической или хозяйственной сферах. Номенклатура налогов, сборов и пошлин, их объем, состав имели свои отличия и особенности в каждом из уездов Русского Севера, что определялось, как правило, итогами валовых описаний. На основании сошного оклада разверстывались и чрезвычайные сборы, которые со временем превращались в постоянные.

«Доимочные деньги» были повседневной реальностью административно-финансовой жизни в 30–40-е годы XVII в. и отмечены повсеместно. Так, в Устюжском уезде недоимки по сошному окладу зафиксированы с 1632/33 г., за «сибирские хлебные запасы» – с 1633/34 г., а за «деньги украинских городов на строенье и ратным людям на жалованье» – за 1637/38 г. Это были значительные суммы, за 10 лет с 1632/33 по 1641/42 г. недоимки составили более 7809 руб. Во избежание дальнейших социальных последствий их праваж по челобитью местных духовных и земских властей был отложен «до тех мест, пока писцы уезд дозрят». Иная ситуация была с недоимками по сбору денег «московским стрельцам на жалование». Недоимки стрелецких денег появились с 1637/38 г. и за первые 5 лет составили около 3925 руб., которые необходимо было выплатить в течение 10 лет, начиная с 1642/43 г., по 392 руб. 49 коп.

В Соли Вычегодской и Усольском уезде за 12 лет (с 1633/34 по 1644/45 г.) доимочные деньги, составлявшие сумму более 7914 руб., предписывалось взыскать в течение 20 лет, погодно, «на посадских и уездных людях свально по окладу». В Тотемском уезде, где за 10 лет (с 1634/35 по 1643/44 г.) доимочных сошных денег накопилось более 4575 руб., предписывалось взыскать в течение пяти лет все сполна, потому что сыск, проведенный воеводой И. Малыгиным, выявил на посаде и в уезде более 300 жилых дворов, которые до этого числились пустыми. Аналогичная ситуация была и в Устьянских волостях, где доимочные стрелецкие деньги за 1637/38–1645/46 гг. составили более 4788 руб., а их оклад исчислялся по сошному окладу еще 1564/65 г., итоги которого были более чем на 3,5 сохи меньше реального.

Таким образом, правительство в своих фискальных действиях по сбору и праважу недоимок по сошному окладу учитывало конкретную ситуацию в уездах и принимало разные меры, как по обеспечению собственных финансовых интересов, так и по стабилизации социально-экономической ситуации в регионе.

Не менее ярким свидетельством социально-экономической обстановки в регионе были таможенные сборы и кабацкая прибыль. Таможенная и кабацкая сеть Русского Севера к середине XVII в. охватывала все города, уезды и наиболее крупные волости. Это были наиболее доходные статьи государственного бюджета. Только кабацкая прибыль составляла более 37 % дохода, а в уездах с крупными торгово-промышленными центрами – Вологда, Великий Устюг, Соль Вычегодская, Каргополь, она составляла от 47 до 55 %.

Недобор таможенных пошлин или кабацкой прибыли, особенно в значительных размерах, всегда вызывал пристальное внимание центрального правительства. Как правило, проводился сыск, в ходе которого выяснялись его причины. Наиболее важные – снижение хозяйственной активности в уезде и значительный рост налогового бремени.

Так, на Вятке в 1627–1629 гг. сокращение кабацких сборов было вызвано тем, что «посадцкие люди и волостные крестьяня и всякие торговые люди ходили для торговли летом водяным путем в Пермь и в Казань, и в Астрохань, и к Архангелскому городу со всякими товары, а зимним путем в Сибирь и на Устюг Великой и на Вятку ... и на кабаках пропивали рублев по сту, и по полутора, и болши, а ныне ... животы своими оскудели и обнищали, и на кабаках пити не почали», а таможенных сборов тем, что «посадцкие люди и волостные крестьяня с своим пашенным хлебом не езживали ... оскудели и обнищали, и розбрелись врознь». В 1633 г. значительный недобор торговых пошлин был потому, что «збирали пятинные денги, и торговые люди с Вятки летом никуда не поехали, и таможенных пошлин имать было не с чего», а на Двине собирали «пятинные денги двои, и для тех пятинных денег и многих податей колмогорцы и уездные люди на двинских кабаках перед прошлым годом пили мало».

Вторым весомым фактором были неблагоприятные природно-климатические условия. В 1644 г. Каргополе и уезде «хлебной недород был великой, и от хлебные скудости крестьяне оскудели, и на кабаках пили мало, а иные от хлебные скудости дворы свои и тяглые деревни покиня в пусто, розбрелись врознь».

Таким образом, общий объем государственных доходов, собираемых на местах, их структура, зависели от демографических и социально-экономических параметров жизни отдельных уездов. Важнейшими показателями, которые определяли размер сошного оклада, были плотность аграрного расселения и степень хозяйственного освоения территории. Огромную роль в формировании «бюджета» играл уездный центр, прежде всего его торгово-промышленный потенциал, который определял объем таможенных и кабацких сборов. Финансовые параметры жизни уезда или волости, а точнее возможность своевременного и полного исполнения тяглых обязательств местным населением, выступают важнейшим критерием, который точно определяет реальное состояние социально-экономического облика отдельных регионов Русского Севера, уровень их стабильности и устойчивости или проблемы развития.

А.И. Папков¹

Кадастровый учет церковных земель в Воронежском уезде в первой половине XVII в.²

Церковь, как любой общественный институт, для своей деятельности нуждается в материальных средствах. В России XVII в. основным источником получения дохода была эксплуатация земли. Данное обстоятельство диктует необходимость изучения вопросов, связанных с церковным землевладением. Воронежский уезд является, пожалуй, самым крупным уездом на южной, «по-

¹ Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, papkov@bsu.edu.ru, Россия, г. Белгород.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А.

льской» окраине России первой половины XVII в. Документы кадастрового учета, прежде всего материалы писцовых описаний, позволяют изучить процесс наделения земель храмов и монастырей. Видовой состав источников данной группы применительно к территории Воронежского уезда первой половины XVII в. представлен тремя книгами. Первая – «Дозорная книга Воронежского уезда письма Григория Киреевского 7123 (1614/15) года (приправочный список 1626 г.)»¹. Вторая – «Писцовая и межевая книга Воронежского уезда письма Романа Киреевского и подьячего Леонтия Недовескова 1627–1629 гг.»². Определенный объем дополнительных сведений содержится в «Переписной книге Воронежского уезда письма Осипа Михайловича Юшкова и подьячего Григория Жданова 1646 г. (список 1669–1674 гг.)»³.

В 1615 г. в Воронеже была соборная Благовещенская церковь с приделом, 6 храмов в слободах и приходской храм в Успенском монастыре. Собору принадлежало 40 четвертей (из расчета по 20 четвертей на каждый престол) земли в поле, а в дву по тому ж (здесь и далее размеры земельных владений приводятся исходя из принятой в условиях трехпольного севооборота системы, когда измерялся один участок из трех, имевших одинаковую площадь) и сенокосов на 300 копен. Успенская монастырская церковь владела 60 четвертями земли, сенокосами на 150 копен. Земельные владения приходских храмов, стоявших в слободах Воронежа, распределялись, в основном, из расчета 20 четвертей на престол, сенокосы – от 100 до 150 копен (исключением является Дмитриевская церковь – 14 четвертей) (Воронежские ПК. С. 23–24). Земельные владения уездных цер-

¹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. Т. II. С. 1–141. Далее – Воронежские ПК.

² Частично опубликована: Воронежские ПК. С. 189–261; подлинник: РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 76. Ч. I. Л. 1–560; Ч. II. Л. 561–1104.

³ Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. Воронеж, 1998. С. 27–162. Далее – ПК ВУ.

квей характеризуются следующими размерами (по Воронежским ПК. С. 30–125): 5 храмов владели каждый 15 четвертями земли и сенокосами на 50 копен, 3 – 15 четвертями и сенокосами на 30 копен, 2 – 10 четвертями и сенокосами на 20 копен, 1 – 20 четвертями и сенокосами на 50 копен, 1 – 30 четвертями и сенокосами на 30 копен. У 3 церквей количество сенокосов не указано, а земельные наделы определены в 10, 15, 20 четвертей.

К 1615 г. в Воронежском уезде находились земли трех воронежских монастырей: Успенского, Борщевского и Карачунского (описаны: Воронежские ПК. С. 133–230). Каждому монастырю, в пересчете на «добрую землю с наддачею», было выделено 300 четвертей в поле. Физические размеры земель были самыми большими у Успенского монастыря. За ним числилось «пашни паханые худые и дикого поля худые земли» 500 четвертей. Сенокосов было выделено на 600 копен. Борщевский монастырь имел «худой земли и дикого поля худые земли» 164 четверти, «доброй пашни и дикого поля» – 198 четвертей, сенокосов – на 700 копен. Карачунский монастырь владел 300 четвертями, из которых только 20 четвертей «доброй земли», сенокосами – на 850 копен.

В 1629 г. за Успенским монастырем указано: «пашни паханые, перелогу и дикого поля на пашню, худые земли» – 450 четвертей (доброю землею с наддачей – 300 четвертей в поле), сенокосов на 800 копен. Владения Карачунского монастыря, как и в 1615 г., определены в 300 четвертей, сенокосов указано на 850 копен. А вот размеры пашни Борщевского монастыря увеличились: всего 400 четвертей в поле, а сенокосов – на 700 копен. За Акатовым монастырем в 1629 г. указаны «доброю землею, с наддачею» 300 четвертей. Размер угодий, выделенных для сенокоса, точно не определен.

К 1629 г. в Воронеже действовали соборная Благовещенская церковь с приделом, 9 храмов в слободах. Владения собора не изменились. Земли приходских храмов, стоявших в слободах Воронежа, распределялись преимущественно по 20 четвертей (исключение – церковь во имя царевича Дмитрия – 50 четвертей), сенокосы от 100 до 150 копен (исключение – Никольская церковь – 50 копен). В период между дозором 1615 г. и описани-

ем 1629 г. возникли три храма на посаде Воронежа. Это Троицкая церковь с пределом в Чижовской слободе и Никольская церковь. К этим церквям, с учетом наличия второго придела, было выделено «дикого поля на пашню» 55 четвертей и сенокосных угодий на 150 копен. В Чижовской слободе указана еще одна церковь, Рождественская с пределом, но земли ей не было выделено (Воронежские ПК. С. 231–236).

В 1646 г. в Воронеже действовали: соборная Благовещенская церковь с двумя приделами, 13 храмов в слободах. В Борщевском стане указаны 3 церкви. В Борщевском стане находился Троицкий Борщев монастырь, отмечено наличие слободки, в которой указаны 110 крестьянских дворов, 23 двора бобылей и вдов с детьми. В этом же стане располагалась вотчина Воронежского Покровского женского монастыря сельцо Избыльское, в нем находилось 40 дворов бобылей и вдов. Указана единственная церковная вотчина, принадлежавшая Воронежской Ильинской церкви – жеребей в с. Устье (Песковатая поляна), насчитывавший 3 крестьянских и 2 бобыльских двора (ПК ВУ. С. 51–56). В Усманском стане – 9 храмов, в том числе 2, имевших на церковной земле по 2 бобыльских двора: церкви в с. Собакино и в с. Телечино. В этом же стане располагалась две вотчины воронежских монастырей. Вотчина Алексеевского Акатова монастыря – деревня, «что был починок в Трегубовой поляне», в ней насчитывалось 3 крестьянских двора и 8 бобыльских. Вотчина Успенского монастыря – слободка Климентьевская, имевшая 16 крестьянских и 4 бобыльских двора (ПК ВУ. С. 56–97). В Чертовицком стане значатся 6 храмов, в одном на церковной земле имелись 2 двора бобылей (с. Чертовицкое) (ПК ВУ. С. 97–110). В Карачунском стане указаны 3 церкви и 1 часовня, в Богоявленской церкви (с. Белколодезь) на церковной земле имелись 5 дворов бобылей и 2 двора вдов. Карачунский монастырь, располагавшийся в этом стане, имел слободу, насчитывавшую 5 крестьянских дворов и 18 бобыльских дворов (ПК ВУ. С. 125–161).

Обобщая все вышеизложенное, можно утверждать, что практически все церкви и духовенство обеспечивались землей, и им отводилось определенное количество сена (сенокосов).

*В.Н. Глазьев*¹

Дворовладельцы Воронежского уезда по материалам переписной книги 1646 г.²

Воронежский уезд формировался с начала XVII в. на южной окраине Российского государства. В 1646 г. была проведена перепись землевладельцев и податного населения уезда³. Перепись преследовала две основные цели: с одной стороны, определить число плательщиков податей – сошных людей, с другой – прикрепить посадских людей к тяглу, крестьян и бобылей – к поместьям и вотчинам.

Согласно переписной книге 1646 г., поместьями и вотчинами в Воронежском уезде владели служилые люди «по отечеству» – дворяне и дети боярские, поместные атаманы и казаки, слободские атаманы, монастыри. В поместье (вотчине) за служилым человеком могло находиться все село или деревня или их части – жеребьи.

Материалы предыдущего писцового описания Воронежского уезда 1627–1629 гг. проанализированы Е.В. Камараули. Согласно ее наблюдениям, численность земельных владений в тот период составляла 859⁴.

По нашим подсчетам, в переписной книге 1646 г. в Воронежском уезде отмечено 559 светских землевладельцев. Служилые люди имели жеребьи в разных населенных пунктах или только в одном месте. Кроме того в уезде находилось 5 монастырских и

¹ *Глазьев Владимир Николаевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, bob60_12@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 180900313 А.

³ Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / Подг. текста, вступ. статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998.

⁴ *Камараули Е.В.* Вовлечение южного русского «дикого поля» в орбиту служилого землевладения в первой половине XVII в. (По материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 41.

одна церковная вотчина. Позже, в 1678 г. составители переписной книги насчитали 405 помещиков, 3 вдовы, 16 вотчинников и 5 монастырей, всего 429 землевладельцев¹. Как можно заметить, число землевладельцев в Воронежском уезде с 1627–1629 гг. по 1678 г. уменьшалось.

С точки зрения дворовладения все помещики и вотчинники уезда подразделялись на две части: владельцы крестьянских и бобыльских дворов и пустопоместные (однодворцы). Последние перечислены с характерной записью: «Крестьян и бобылей за ним нет».

По нашим подсчетам, в Воронежском уезде в 1646 г. 437 помещиков и вотчинников являлись дворовладельцами, что составляет 78 % от всех светских землевладельцев уезда. В 1638 г. в целом в стране средние размеры дворовладения городских дворян и детей боярских, вдов и недорослей составляли 5,6 двора².

В Воронежском уезде в 1646 г. насчитывалось 73 светских землевладельца с числом крестьянских и бобыльских дворов шесть и выше. Самым крупным дворовладельцем уезда считался сын боярский П.М. Шишкин, которому принадлежали поместья в нескольких населенных пунктах и 69 крестьянских и бобыльских дворов. Вероятно, его материальное положение укреплялось в связи с более чем двадцатилетней службой в качестве воронежского осадного головы, при этом одна из его обязанностей – участие в отделах поместной и вотчинной земли. Среди крупных дворовладельцев находились испомещенные в Воронежском уезде бывший донской атаман Б.И. Конинский, выехавшие из Речи Посполитой иноземцы, несколько поместных казаков, записанные впоследствии «по выбору» дворяне И.Т. Михнев и В.М. Струков.

Основную часть дворовладельцев Воронежского уезда составляли лица, имевшие на своих землях от одного до пяти крес-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 12286. Л. 224 об.–225.

² Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2019. Т. 1. С. 752.

тьянских и бобыльских дворов. Их насчитывалось 364, что составляет 65 %. Из них 31 человек владели по пяти дворов, 39 – по четыре, 56 – по три, 105 – по два, 133 – по одному крестьянскому и бобыльскому двору. Эти дворовладельцы принадлежали к числу детей боярских, поместных казаков, слободских атаманов, а также вдов и недорослей, происходящих из названных сословных категорий.

Таковую же сословную принадлежность имели и однодворцы, число которых составляло 122 человека (22 %). Однодворцы имели право на использование труда зависимых людей, но фактически крестьян и бобылей не имели, жили «одним двором». В XVII в. слово «однодворец» имело хозяйственно-бытовое, а не правовое значение. Оформление юридического статуса однодворцев было осуществлено в ходе податной реформы Петра I.

Кроме названных однодворцами по переписной книге 1646 г. считались 108 поселенных драгун городка Костенка, 45 поместных черкас. В Переписной книге 1646 г. не зафиксированы приборные служилые люди: полковые казаки, стрельцы, пушкари и затынщики. В качестве жалования правительство выделяло им землю под пашню в ближних окрестностях городов. Правительством устанавливалась численность приборных служилых людей для каждого города, размеры отводимых им земельных наделов. Стрельцам, полковым казакам, пушкарям пашня отводилась в общей меже в отличие от служилых людей «по отечеству» – детей боярских, получавших землю порознь. Земельное жалование приборных служилых людей включало не только пашню, но и места под дворы, луга, лес, рыбные ловли. Фактически они также являлись однодворцами.

Распространение однодворчества как социальное явление было вызвано высокой степенью подвижности населения в южных заселявшихся уездах России. Крестьяне и бобыли переходили от одного владельца к другому, укрываясь от сыска. Возможности уйти на вольный Дон, записаться в служилые люди строящихся городов-крепостей не способствовали закреплению за небогатыми помещиками и вотчинниками зависимых людей.

Н.В. Башнин¹

**Обмен землями как источник роста вотчины
Вологодского архиерейского дома
во второй половине XVII в.²**

Сокращение экономических привилегий Церкви началось при Иване III и продолжилось в XVI–XVII вв.³ Приобретение земель монастырям и церковным иерархам окончательно было запрещено статьей 42 главы XVII «О вотчинах» Соборного уложения 1649 г.⁴

Обратимся к переписным книгам вотчины Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг., в которых имеются упоминания о «новоприобретенных» землях. После обработки этих сообщений источника становится ясно, что Вологодский дом Св. Софии приобрел новые земли в 4 волостях Вологодского уезда (Ракульская, Лоскомская, Брюховская, Лежский Волок) и Корежской волости Галицкого уезда. В период с 1688 по 1700 г. сделки были совершены с 21 собственником относительно 35 земельных участков. В результате этих сделок архиерейский дом получил 80 дворов, в которых проживало 260 людей м.п. Сведения о земельных приобретениях кафедр также сохранились в актах⁵.

Всего за 1652–1700 гг. известно 76 меновных грамот Вологодского архиерейского дома: за время архиерейства Маркелла (1645–1663) было совершено 4 сделки, при архиепископе Симоне (1664–1684) – 22 сделки, а при архиепископе Гаврииле (1684–1707)

¹ *Башнин Никита Викторович*, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, nvbashnin@gmail.com, Россия, г. Санкт-Петербург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-09-42013.

³ *Павлов А.С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871; *Колычева Е.И.* Православные монастыри второй половины XV – XVI века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 107–109.

⁴ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 90.

⁵ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ); Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1: А–И / Подг. А.В. Антонов. М., 2016. С. 468–590.

– 52 сделки. Подчеркнем, что уже в 1650-х гг. духовные лица дважды использовали для обмена со светскими землевладельцами один и тот же земельный участок – жеребий пустоши Ребячье в Засодимской волости. Когда архиепископом Вологодским и Белозерским стал Симон, для мены предназначались другие владения. Так, жеребий пустоши Терентьево в Лежском Волоке обменивали 5 раз и столько же раз меняли пустошь Лычное в Засодимской волости. При архиепископе Гаврииле вновь сменился земельный объект, предназначенный для обмена, но остался прежним и многократно был повторен принцип осуществления сделки, когда новые земельные владения получали взамен части одного и того же участка из вотчины архиерейского дома: жеребий пустоши Душегубово в Лежском Волоке меняли 46 раз! В 46 сделках участвовало 53 человека, а значит, каждому контрагенту Вологодской кафедры к началу XVIII в. принадлежало 1/53 пустоши Душегубово. Сведения об этом участке содержатся в писцовых книгах 1627–1630 гг.: «Пустошь Душегубово. Пашни лесом поросло средние земли тритцать восемь чети в поле, а в дву по тому же. Сена восемьдесят копен. Да луг отхожей Мохинской, да луг Горомищев на речке на Печелихе, сена девяносто пять копен. Лесу пять десятин»¹.

Очевидно, что подобные обмены были фикцией и в реальности совершалась покупка новых земельных владений Вологодским домом Св. Софии. Только один раз в акте от 2 мая 1681 г. сообщается, что Борис и Иван Елмаметевы по итогам сделки получили от кафедры 45 рублей, а срок передачи права пользования пустошами составил 30 лет.

На основании актов из ф. 281 в РГАДА был составлен перечень контрагентов Вологодского архиерейского дома. Всего в сделках обмена участвовало 78 землевладельцев, при этом некоторые из них совершили 2–3 сделки. В нескольких случаях контрагентами Вологодской архиерейской кафедры становились представители одной фамилии, например: Довларовы, Кашинцевы, Мизгиревы.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 14727. Л. 109–109 об.

Приведенный материал показал, что упрочение социально-экономического положения Вологодского архиерейского дома происходило традиционными для того времени способами – путем обмена (скрытой покупки) земель у светских собственников, а также припиской небольших обителей (Николо-Мокрый монастырь, Успенская Семигородняя пустынь и др.). Источники позволяют увидеть региональную специфику развития крупного духовного вотчинника на Русском Севере во второй половине XVII – начале XVIII в.¹, а также дают представление об общих тенденциях расширения церковно-монастырского землевладения вопреки запретам Соборного уложения 1649 г.

А.И. Савинова, Ю.В. Степанова²

**Взаимоотношения «корелян», землевладельцев
и государственной власти
на территории Верхневолжья в XVII в.**

История формирования субэтнической группы тверских карел или «корелян», как выходцы именовались в источниках второй половины XVII – начала XVIII в., с последних десятилетий XIX в. находится в фокусе научных исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Изучались направления миграции (А.Н. Жербин, В. Салохеймо), характер размещения выходцев на территории Новгородской земли и Бежецкого Верха (Ю.В. Готье), численность карельских переселенцев в XVII–XX вв. (А.Н. Вершинский), состав семьи и населенность двора (З.В. Дмитриева). В последнее десятилетие наметился интерес к изучению карельских дворцовых волостей и хозяйственного уклада жизни карельских переселенцев во второй половине XVII – начале XVIII в. (А.И. Комиссаренко, Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова).

¹ *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.

² *Степанова Юлия Владимировна*, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, m000142@mail.ru, Россия, г. Тверь; *Савинова Анна Игоревна*, Тверской государственный университет, nuta_savinova@mail.ru, Россия, г. Тверь.

Основными источниками для изучения взаимоотношений государственной власти, землевладельцев и переселенцев-«корелян» на территории Верхневолжья в XVII в. являются материалы писцового дела: переписные книги поместных и монастырских земель Бежецкого Верха и Тверского уезда (1646 и 1677–1678 гг.), специальные описания дворцовых земель Бежецкой и Деревской пятин Новгородской земли (1650–1690-е гг.). Привлечен актовый материал, отражающий найм «корелян» в поместьях, их перемещение из поместных и монастырских на дворцовые земли, обеспечение их земель, процесс регулирования расселения «корелян» государством.

Начальный этап характеризовался перемещением «корелян» на поместные и монастырские земли. Землевладельцы принимали «корелян», в первую очередь, для освоения пустошей. Так, боярин Б.И. Морозов в Тверском уезде принял в 1652 г. 9 семей. Описная книга 1667 г. этих же владений Б.И. Морозова свидетельствует, что численность «корелян» увеличилась. Размер оброка «корелян» и русского населения был приблизительно одинаковым.

При проведении переписей зачастую оказывалось, что землевладельцы утаивали «корелян». Положение проживающих на таких землях «корелян» становилось неопределенным. Так, в 1646 г. землевладельцы Морткины в Есеницком стане Бежецкого Верха отказались признать 8 деревень, населенных «корелянами», приобретенных у князя С.В. Прозоровского. Вероятно, со временем усиливалось давление помещиков на «корелян», результатом чего стали многочисленные побеги уже из поместий, зафиксированные в переписях 1710-х гг. В результате, в XVIII в. «кореляне» проживали, в основном, в дворцовых волостях, и лишь небольшая доля оставалась на поместных и монастырских (до секуляризации) землях.

В процессе расселения на начальном этапе среди карел была распространена практика аренды земельных участков у помещиков. Как правило, это были заболоченные или запущенные участки. После «селитьбы» помещики стремились захватить распаханые «корелянами» земли себе «в дачи».

В 1650–1690-х гг. в Верхневолжье формируются дворцовые волости, в которые государственная власть целенаправленно переселяла «корелян». Процесс регулирования их расселения государством на территории Новгородской земли и Бежецкого Верха отражен в именных указах, регулирующих взаимоотношения между государством, помещиками и зарубежными выходцами. В боярском приговоре 1698 г. «О Корелах, вышедших из-за Шведского рубежа, о приписании их к дворцовым селам, и о ведении оных в приказе Большого Дворца» представлена хронология официальных государственных переписей, проводимых с целью учета переселенцев и перевода их в новообразованные карельские дворцовые волости Бежецкого Верха.

В ходе вывоза и расселения корелян на дворцовых землях запрещалось пустоши давать в поместье и продавать в вотчину. Новгородским воеводам предписывалось отдавать такие земли дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам «в селитьбу» или на денежный оброк «как бы Великому Государю было прибыльнее, а крестьянам не в тягость». Тем не менее, процесс вывоза корелян на территорию дворцовых карельских волостей проходил весьма неоднозначно. Помимо повсеместного бегства с дворцовых земель в источниках часто описываются конфликты между посельными и карелами, которые зачастую оказывали физическое сопротивление («посельных людей бьют и рубят»).

В указе «О нетребовании с карельских дворцовых волостей доимки за беглых и о выборе в карельских селах десятских для надзора за корелянами и недопущении их к побегу» (1686 г.) отменялось взимание недоимок за беглых с карел, живущих на территории дворцовых волостей. Для дальнейшего регулирования подобных ситуаций предписывалось в карельских селах выбрать десятских, которые должны были пресекать попытки побега с дворцовых земель.

Одновременно наблюдаются и переходы «корелян» от помещиков на дворцовые земли. Стремление верхневолжских «корелян» переходить в дворцовые волости, вероятно, было связано с большей свободой хозяйственной деятельности, чем в помещичьих владени-

ях, а также с компактностью проживания в дворцовых волостях и использованием в быту тверского диалекта карельского языка.

В новообразованные дворцовые волости «кореляне» могли перемещаться как отдельными семьями, так и крупными коллективами. В частности, пустоши на оброк в Тверской половине Бежецкой пятины и в Деревской пятине получили 27 групп переселенцев. За 128 пустошей Заборовского погоста Деревской пятины был назначен оброк 6 рублей 20 алтын. Вероятно, размер оброка определялся в данном случае качеством угодий, ценность которых сверялась с данными предшествующих переписей.

Таким образом, на начальном этапе расселения сами переселенцы выражали свой «свободный статус», тогда как землевладельцы зачастую бесконтрольно распоряжались «корелянами» и получаемым с них доходом. Политика государства по переселению из поместных и монастырских в дворцовые земли поначалу тоже встречала сопротивление, однако предпринятые меры по учету и контролю карельского населения привели к тому, что большая часть «корелян» в XVIII в. оказалась на дворцовых землях.

В.М. Брезгунова¹

Черкасы в Воронежском крае в XVII в.: демографический аспект²

С конца 1630-х гг. в Воронежском крае началось размещение «нововыезжих черкас», которые переселялись в Россию с украинских земель Речи Посполитой. Они были поселены в различных населенных пунктах края – в городах, селах и деревнях – и постепенно стали частью служилого населения региона. При переходе в Россию черкасы присягали на верность русскому царю и потом, после размещения, поступали на городовую или полковую службу. Непосредственно в Воронежском крае большинство черкас служили в специ-

¹ *Брезгунова Виктория Михайловна*, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, bvm1792@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А.

ально созданном Острогожском черкасском казачьем полку. Историография изучения черкас Воронежского края достаточно обширна, но круг затрагиваемых ею тем практически не включает в себя изучение демографического аспекта, так как дореволюционных и советских исследователей в основном интересовали создание и устройство Острогожского полка. Первыми работами, которые касаются рассмотрения повседневно-бытовых и демографических аспектов, были исследования А.А. Гоголевой и А.И. Папкова. При этом необходимо отметить почти полное отсутствие и необходимость написания работ, в которых был бы проведен системный разбор факторов, которые влияли на численность черкасского населения в Воронежском крае. В исследовании о динамике изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг. (В.М. Брезгунова) внимание уделяется количественным показателям, которые, безусловно, ценны, в то время как качественные все еще требуют анализа.

При изучении демографической ситуации черкасского контингента Воронежского края сталкиваешься с интересным явлением: данные о составе черкасских семей малочисленны, но их все же можно найти и касаются они, как правило, тех семей, которые только приехали и размещаются здесь «на житье». Встретить подробный половозрастной состав тех семей черкас, которые, например, уже 10–20 лет прожили в Воронежском крае, чтобы сравнить с начальными показателями, нам, к сожалению, пока не удалось. В основном во всех источниках идет речь о черкасах уже после их размещения в крае, именно о числе взрослых мужчин, одиноких или глав семей, иногда упоминаются родственники мужского пола.

Одним из редких источников, который фиксирует состав семей черкас, является документ 1638 г. Это «ропись выездим черкасом, которые присланы из Бела города на Ворожаж на житье и сколко у ково в семье»¹. Они пришли «на Ворожаж» и были размещены в деревне Гвоздевке. Там упоминается 5 холостых и 18 семейных мужчин, всего 23 человека. С ними приехали 16 их жен и 54 ребенка, из которых 30 – мужского пола, 24 – женского. Лишь

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 99. Л. 45–47.

одна семья была бездетной, а в среднем на каждую семью приходилось по 3 ребенка или 3,4 на каждую женщину. Подсчеты показывают то, что вместе с 23 мужчинами в этой же группе в Воронежский край всего приехали еще 70 членов их семей, всего 93 человека, и на одного мужчину в среднем приходится по 3 члена его семьи. Таким образом, показавшаяся на первый взгляд совсем небольшой группа из 23 мужчин-черкас на самом деле представляла собой почти сотню новых жителей Воронежского края.

И.Н. Миклашевский в своем исследовании хозяйственного быта Московского государства приводит данные о составе переселенцев-черкас, которые пришли «на житье» в Острогожск в 1652 г. Он пишет о 880 мужчинах (разделения на женатых и холостых нет), с которыми пришли 826 их жен и 1839 детей, из которых 1072 – мужского пола, 767 – женского. Аналогичные подсчеты приводят к показателям о среднем количестве в 2 ребенка на семью или 2,2 на каждую женщину. Всего эта большая группа черкас насчитывает 3545 человек, на одного мужчину в среднем приходится по 3 члена его семьи. В том же труде Миклашевского содержатся сведения о размещении переселенцев в 1652 г. в Коротояке, куда прибыли 101 черкас, из них 94 было семейных и 7 холостых. С ними же пришло 80 жен и 182 ребенка, из которых 105 – мужского пола и 77 – женского. Снова подсчеты приводят к показателям о среднем количестве в 1,9 ребенка в семье и 2,2 на каждую женщину. Эта группа черкас насчитывает всего 363 человека, и на одного женатого мужчину в среднем приходится по 3 члена его семьи.

Как видим, средние показатели гвоздевских, острогожских и коротоякских переселенцев-черкас весьма близки – в каждой семье в среднем по 2 ребенка и на одного мужчину приходится по 3 члена его семьи соответственно. То есть для того, чтобы примерно представить общее количество черкас – мужчин, женщин и детей – в том или ином населенном пункте, нужно количество мужчин-черкас умножить на 4. Именно такой пропорцией можно пользоваться, если предположить, что среди черкас Воронежского края не было резких демографических спадов и подъемов, а сохранился

тот самый показатель, который был при переселении. Также нужно внести уточнение о том, что таким образом не учитываются те родственники черкас, которые могли проживать вместе с ними, но не являлись их женами и детьми – родители, свойственники и т.д. Подсчет родственников представляется особенно сложной задачей, так как в найденных нами документах они фиксируются редко.

Представленные данные о динамике изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630–1680-е гг. фиксируют количество состоящих на службе и поэтому отслеживаемых по источникам черкас и выглядят следующим образом: 1640 г. – 518 человек, 1650 г. – 402, 1660 г. – 2820, 1678 г. – 2215, 1685 г. – 3075. Если применить выдвинутую в данной работе гипотезу о том, что на 1 мужчину в черкасских семьях приходилось по 3 члена семьи, получается, что общее количество черкас в Воронежском крае предположительно составляло в 1640 г. – 2072 человека, в 1650 г. – 1608, в 1660 г. – 11280, в 1678 г. – 8860, в 1685 г. – 12300. Конечно, при этом необходимо отметить, что эти показатели требуют дальнейшего уточнения.

И.Л. Манькова¹

Церковное землевладение в Сибири XVII в.

Церковное землевладение в Европейской части России и статус церковных земель в XVI–XVII вв. основательно рассмотрены П.С. Стефановичем в монографии «Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках». На материалах Сибири XVII в. вопросы церковного землевладения не получили освещения в историографии. Вероятно, эта тема не вызывала интереса у историков, потому что земельные владения приходских церквей были незначительными. Вместе с тем, обращение к ней позволяет углубить представление о процессе освоения восточных территорий. Главной особенностью Сибири являлось отсутствие частных вотчин и поместий, доминирование черносошных земель.

¹ Манькова Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, ilman.08@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

Освоение территорий за Уральским хребтом началось со строительства городов-острогов в конце XVI в., вокруг которых сначала формировалась земледельческая округа из наделов жителей города. С 1620-х гг. развернулась крестьянская колонизация уездных земель. К 1680-м гг. в Верхотурском и Тобольском уездах сложилась слободская поселенческая система, в небольших Тюменском и Туринском уездах вместо слобод возникли села. Слободы являлись административно-территориальными единицами, в состав которых входили помимо слободы-поселения деревни и погосты. Села отличались от деревень большим количеством дворов. Церкви ставили в слободах-поселениях, селах и на погостах. Первые священники и причетники присылались в Сибирь по царским указам, им устанавливалось государственное хлебное, денежное и соляное жалование. В дозорных книгах 1623 и 1624 гг. приходские церкви указаны в крестьянских поселениях Верхотурского у. (3), Тобольского у. (2) и Тюменского у. (1), у четырех из них имелись церковные земли. Подобно ситуации в европейской России, главной целью наделения приходских церквей землей было жизнеобеспечение духовенства и причетников. В Сибири подобная практика была нацелена также на сокращение государственных расходов на содержание этой группы населения.

Самый ранний опыт замены руги выделением пахотной земли и покосов отмечен в писцовой книге Верхотурского у. 1621 г. Необычность ситуации заключается в том, что к Преображенской церкви на Тагиле были приписаны весьма значительные угодья: пашни 8,25 дес. в одном поле, залежной земли 1,25 дес. в одном поле и покосы на 700 копен. Это была типичная для раннего этапа колонизации ситуация, когда владельцем участка становился тот, кто его первым обработал. Согласно писцовой книге 1621 г., на этой земле пашню и покосы завел черный поп Авраамий, постфактум она была закреплена за Преображенской церковью. В 1621 г. архиепископ Киприан поручил Авраамию создать Рождественский монастырь там же на Тагиле, но упомянутые выше земли остались за Преображенской церковью и перешли во владение попу Ивану Артемьеву и его братьям, служившим при той же церкви причет-

никами. Артемьевы вели свое пашенное хозяйство, нанимая половников. К 1623 г. преображенские церковные земли сократились почти в 2 раза.

По данным переписей 1682 и 1684 гг. в Тобольском уезде насчитывалось 28 церквей, в которых служило 28 священников и 48 причетников. Пахотные наделы обрабатывало около 36 % священников и 25 % причетников. Покосы на церковной земле имели 82 % священников и 65 % причетников (от 20 до 300 копен). В переписной книге Верхотурского уезда 1680 г. зафиксировано 19 приходских церквей, в которых служили 19 священников и 31 причетник. Доля священников, пользовавшихся земельными наделами, была почти такой же как в Тобольском у. (37 %), но среди причетников занималось земледелием значительно меньше людей (16 %), причем их пахотные наделы не превышали 1 дес. в одном поле. Среди верхотурского духовенства и причта меньше было и пользователей санными угодьями. Имели покосы 68 % священников (от 10 до 300 копен) и 42 % причетников (от 10 до 150 копен). В переписной книге Тюменского у. 1685/86 г. указаны 4 села и погост, в которых имелись церкви, из них 3 были сначала ружными. В 1641/42 г. священнику Покровской церкви с. Каменского вместо хлебного оклада (5,125 ч ржи, 4 ч овса) отвели землю (1,5 дес. в одном поле пашни и покосы на 100 копен). В середине 1680-х гг. каменское духовенство продолжало обрабатывать землю, получать денежную и соляную ругу, дьячок и пономарь содержались прихожанами. В с. Малково попы и причетники Спасской церкви также получили в 1648/49 г. «на прокормление» вместо хлебной и денежной руги 2 дес. в одном поле пашни и 10 дес. перелога и пустошей. Согласно переписи 1685/86 г., священник «кормился» за счет мирской руги, а пашню по 1 дес. обрабатывали дьячок и пономарь. К тому времени за счет мирской руги содержались духовенство и причт еще трех тюменских церквей.

Таким образом, прослеживается следующая траектория развития церковного землевладения в Сибири: по мере освоения территории государство стремилось сократить казенные расходы на содержание духовенства и церковнослужителей, постепенно заме-

няя ругу отведением земельных угодий. В 1640–1660-е гг. эта тенденция стала общей практикой. Переписные книги начала 1680-х гг. фиксируют единичные случаи сохранения государственной руги. Однако церковное землевладение не получило дальнейшего развития, основным трендом в жизнеобеспечении приходского духовенства и причетников стала мирская руга и «кормление от церкви». В пользовании церковей в основном оставались сенокосные угодья. На наш взгляд, этому способствовали два обстоятельства: 1) сокращение фонда свободных земель в процессе активной крестьянской колонизации; 2) сами священно- и церковнослужители не стремились к сохранению и расширению своих пахотных хозяйств из-за служебной занятости, им приходилось окормлять паству, проживавшую на значительном удалении от церкви, а также часто выполнять различные административные поручения. В процессе освоения территории и увеличения численности населения приходские общины получили больше материальных возможностей обеспечивать своих священно- и церковнослужителей, что позволяло последним отказаться от занятий земледелием.

Э.Л. Дубман¹

**Пространственные особенности сельского расселения
и формирования сети поселений
Южного Средневолжья в XVII в.**

Интенсивное освоение Юга и Юго-Востока, начавшееся в конце XVI в. и получившее особый размах после неудачного завершения Смоленской войны, привело к включению в состав европейской России и земледельческо-промышленной колонизации уникального по плодородию лесостепного пространства. На всем его протяжении от границ с Речью Посполитой до Башкирии выделяется ряд регионов, отличающихся спецификой процессов заселения и использования природных ресурсов. Один из самых замеча-

¹ Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, dubmane@mail.ru, Россия, г. Самара.

тельных среди них располагался на Правобережье, между Волгой и Сурой, к югу от пространства бывшего Казанского ханства. В отличие от последнего, вошедшего в состав Московского государства в середине XVI в. с давно сложившимся оседлым населением, земли Южного Средневожья практически не имели постоянных поселений. Это было «Поле», богатые природные ресурсы которого лишь «наездом» эксплуатировались мордвой, чувашами, татарами и др., а также изредка появлявшимися здесь ногаями и калмыками. Особенностью региона являлось соседство с Волгой, сочетавшей уникальный транзитный путь на Восток с богатыми промыслами ценных сортов рыбы.

За исключением локальных территорий Самарского уезда и Надеинского Усолья, земледельческое и промысловое освоение Южного Средневожья началось только после сооружения в середине XVII в. Карсунской и Симбирской черт. Базовыми источниками для изучения этого процесса являются «книги»: строельные конца 1640-х – начала 1650-х гг., переписные – Самарского и Симбирского уездов 1646 и 1678 гг., писцовая – «внутреннего» Карсунского уезда 1685–1686 гг., приходо-расходная – Симбирска и уезда 1665–1667 гг., оброчных статей – Симбирского уезда начала XVIII в. и т.д.

Вплоть до рубежа XVII–XVIII вв. рассматриваемый регион являлся пограничьем, насыщенным ратными людьми. Так, по данным сметных списков Разрядного приказа первой половины 1660-х гг. Казанский, Симбирский и отчасти Саранский уезды имели наиболее крупные контингенты вооруженных сил по сравнению с другими уездами европейской России. Большей частью это были служилые люди по прибору. Изучение особенностей расселения, сложившейся системы слобод, хозяйственных занятий позволяет предположить, что в основном, приборных людей следует считать сельским населением. Именно им принадлежала задача начального земледельческого освоения территорий, прикрытых системой засечных черт. В пространстве, защищенном Карсунской линией, большинство из них принадлежало к коренным народам края – служилой мордве, чувашам, татарам; вдоль

Симбирской черты – расселились в основном русские. Зачастую слободы приборных людей располагались удаленно, до десяти и более верст от крепости или жилого острога, к гарнизону которого были приписаны. Сами слободы существенно различались по размерам и количеству дворов. Как правило, местные власти выделяли участки пашни и угодий на сотню или полусотню служилых людей. Если их в момент испомещения насчитывалось меньше, то предполагалось, что необходимое количество будет дополнительно «добрано». В конце XVII в., после перевода основной массы приборных казаков вместе с семьями на Юг, слободы, которые они занимали, перешли к новым владельцам. Сохранившиеся описания этого типа поселений позволяют более ясно представить особенности системы расселения и их внешний облик.

Еще одна группа – дети боярские и дворяне, составившие «служилый город» Симбирск, получила земли для своих крестьян в междуречье Волги и Барыша. Здесь сложился начальный анклав сравнительно небольших селений, средняя дворность которых составляла около 10 дворов. Он стал основой складывания дворянского землевладения в крае.

Среди нерусского тяглого населения региона выделялись чуваши, компактно расселявшиеся на севере Симбирского уезда, в пограничье со Свяжским, Алатырским и другими уездами. Состав их селений и дворовых строений можно воссоздать по описаниям отдельных чувашских селений. Ясачная и служилая мордва в основном осваивала земли к западу от р. Барыша, в так называемом, «внутреннем» Карсунском уезде. Систему расселения на его территории позволяет реконструировать писцовая книга этого уезда 1685–1686 гг. Особый интерес в ней представляют данные о том, как складывающиеся селения приборных людей (в том числе и мордвы) буквально «сминали» промысловые угодья ранее промышленлявших здесь «наездом» жителей Алатырского и других уездов.

Крупные по территории и числу населения владения гостей (Н. Светешникова и его семьи), церковных корпораций (Патриаршего Дома, Саввино-Сторожевского монастыря), Дворца (Арбугинская и Рождественская волости) начали появляться еще в

1620-х – начале 1630-х гг. на территориях, лежащих к югу от засечных черт, в «Поле». Границы, совокупность поселений, укрепленные городки и промысловые предприятия этих владений, переходя от одного собственника к другому, формировались на протяжении всего XVII в. и легко реконструируются по имеющимся описаниям, чертежам и т.д.

Отказ от законодательства «заказных городов», попытки сооружения новой Сызранской линии и локальных городов-крепостей привели к заселению территорий к югу от Карсунской и Симбирской черт. Интенсивное освоение новых земель способствовало формированию сети разнообразных поселений: слобод, заселенных ратными людьми (в том числе основанных служилой мордвой, чувашами и татарами), деревень помещичьих крестьян и ясачных людей. Но особый интерес в этом заселении представляет появление крупных владений центральных монастырей (московских Новодевичьего, Вознесенского, Чудова, подмосковного Воскресенского и т.д.), а также вотчин московской знати. Данные межевых книг, описаний и «чертежей» ряда этих владений, дают возможность реконструировать пространственные особенности расселения отдельных поселений.

Всю же систему расселения, сложившуюся к рубежу XVII–XVIII вв., позволяют представить хорошо сохранившиеся книги переписи оброчных статей по Симбирскому и другим уездам, в которых учтено более 300 селений.

Н.В. Соколова¹

**Сельский мир монастырской вотчины
в Дмитровском у. на рубеже XVII–XVIII вв.:
система расселения и структура общины**

В докладе представлены некоторые итоги исследования, целью которого было выявление и анализ факторов, влиявших на структуру крестьянской общины и компетенции мирских институ-

¹ *Соколова Наталья Викторовна*, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, natalia_sokolova@outlook.com, Россия, г. Москва.

тов (схода, старост и выборных). Одним из аспектов этой работы является изучение взаимозависимости между особенностями аграрного заселения конкретной территории, изменениями в системе расселения, с одной стороны, и структурой крестьянской общины, с другой. В рамках заявленной проблемы наибольший интерес представляют документы крестьянского происхождения, в частности, комплекс из архива Медведевой пустыни (Дмитровский у.), состоящий из 11 приходно-расходных книг мирских старост за 1695/1696–1705/1706 гг. и 63 «рописей», фиксирующих передачу им денежных платежей крестьянами-выборными в 1696–1702 гг. В исследовании использовались также описания владений Медведевой пустыни, прежде всего «Книга переписная Дмитровского уезда монастыря Медведевой пустыни, что приписан к Донскому монастырю, переписи стольника Луки Богданова сына Каблукова 1701 году и вотчинам того монастыря», а также вотчинная перепись 1709 г. и окладная книга 1718 г. Ретроспективное изучение расселения потребовало привлечения сохранившегося в виде сотной грамоты наиболее раннего писцового описания (1562 г.), писцовых и переписных книг XVII в., материалов Генерального межевания.

На рубеже XVII–XVIII вв. источники фиксируют в монастырской вотчине крестьянскую общину, во главе которой стоял ежегодно переизбираемый всевотчинный староста. В сохранившихся приходных книгах старост нашли отражение денежные сборы с 7 «вытей», из которых состоял данный «сельский мир». Приведем в качестве иллюстрации текст из «Книг старосты мирского Семена Титова приемных мирским денгам, что с которой выти принято» (1696/1697 г.): «Перваго гривеннаго збору принято Миневские выти у старосты Игнатия Фадеива с 32 полуосмаков 3 руб. 6 алт. 4 д., Новосельской выти у десяцкого Афонасия с 16 полуосмаков принято рубль 20 алт., Запазинские выти у десяцкого Федора Добычи с 18 полуосмаков с крошкой принято 1 руб. 31 алт. 4 д., Борцовской выти у десяцкого Гришки с 16 полуосмаков 1 руб. 20 алт., Полуденной выти у десяцкого Карпунки с 17 полуосмаков с четвертью принято 1 руб. 23 алт. 2 д., Васневские выти у старосты Тимофея з 12 полуосмаков принято 40 алт., Чернеивские выти у де-

сяцкого Семенки Любимова с 14 полуосмаков с крошкой принято 1 руб. 15 алт.». Отдельными статьями записаны платежи еще двух поселений, по-видимому, не входивших ни в одну из этих вытей («деревни Устья у Козмы с соседми с 2 осмаков принято 13 алт. 2 д.», «деревни Косилова у Ларки с соседом с полуосмака принято», «деревни Устья и Косилова зборщик Тарас Антропов»).

Как видим, некие «старосты» фигурируют в качестве плательщиков с двух из семи вытей (Минеивской и Васневской), что требует изучения внутренней структуры данной общины. Известно, что в зависимости от размеров и территориальной разбросанности владений монастыря сельские миры могли существовать не только как однородная община-волость, но и являться совокупностью нескольких самостоятельных крестьянских обществ, как правило, в границах той или иной части вотчины. Однако, расширение круга источников позволяет установить, что речь идет о гуменных (или житенных) старостах, которых в данной общине выбирали в тех вытях, где существовала монастырская запашка. Их основные функции, связанные с организацией производства хлеба и его учетом, были дополнены еще и финансово-фискальной, которую в прочих вытях исполняли десятские или сборщики.

Анализ всей совокупности мирских приходных книг выявил значительное неравенство числа полуосмаков в вытях. Например, в записях приходных книг о семи сборах старосты Лазаря Олферьева (1699/1700 г.) совокупное тягло Минеивской выти находилось в интервале 32–35 полуосмаков, в то время как Борцовская выть платила с 14,8–16 полуосмаков; Новосельская – с 10,0–15,7; Запозинская – с 19–20; Полуденная – с 16–19,4; Васневская – с 10–12,5; Чернеевская – с 10–14,5. Очевидно, что колебания в течение года может быть объяснено, например, изменением числа тяглецов в выти или недоимками. Однако столь существенное различие тягла разных вытей свидетельствует, что на рубеже XVII–XVIII вв. лексема «выть» в монастырской вотчине уже являлась лексико-семантическим архаизмом, то есть не имела значения единицы поземельного тяглового обложения, равной 16 полуосмакам. Результаты исследования позволяют верифицировать гипотезу о том, что такое

«вытное» деление крестьянского мира было обусловленности историей сельского расселения на данной территории.

Согласно описанию Луки Богданова сына Каблукова, в 1701 г. в вотчине Медведевой пустыни в Дмитровском у. насчитывалось 39 поселений, большую часть которых (35) удалось нанести на карту. Если названия большинства вытей, очевидно, происходят от ойконимов (Васнево, Чернеево, Минеиво, Новая и Борцово), то установить этимологию двух оставшихся – Запазинской и Полуденной – оказалось сложнее. Однако топонимы, дающие основания для, на мой взгляд, убедительной версии, выявлены в ходе ретроспективного картографирования.

Границы вытей могут быть нанесены на карту достаточно условно, поскольку источники не содержат перечня поселений, входящих в ту или иную выть. Однако некоторая информация может быть получена из упоминаний в документах мирских выборных, когда названа деревня и выть (например, в сообщениях приходных книг и «росписей» о том, кто платил за ту или иную выть). В ряде случаев лакуны удастся заполнить, идентифицировав выборного (старосту или десятского) как дворовладельца определенного поселения в описании 1701 г. Анализ показал, что при ротации всеотчинных старост размеры выти и вытная принадлежность поселения, где они жили, не учитывалась. Так, в рассматриваемые годы сельский сход избирал крестьян из деревень Липина и Ступина (Минеивская выть); Кузнечиха, Меленки и Дутьшева (Новосельская выть); Быкова (Запазинская выть); Карамышева и Куменова (Полуденная выть); Чернеево (Чернеевская выть). Как представляется, это является важным аргументом в пользу характеристики данного сельского мира как всеотчинного. Особенности же вытного деления в значительной мере объясняются существенными изменениями системы расселения в вотчине Медведевой пустыни к началу XVIII в., особенно наглядно выявляющимися при сопоставлении с данными сотной с писцовых книг князя И.А. Звенигородского и Д.М. Пивова (1562 г.). Можно думать, что следствием этих процессов стала и распространенность аренды земли (пустошей) крестьянами данной монастырской вотчины, детально изученная ранее

Н.А. Горской. Сохранение «традиционного» вытного деления – как инструмента осуществления финансово-фискальной и, возможно, административно-хозяйственной функций – не мешало ни структуризации сельского мира по иным основаниям (например, по церковным приходам), ни всеотчинному характеру института крестьянского самоуправления.

С.В. Черников¹

К вопросу об устойчивости фамильного состава дворянства в уездах Европейской России в XVII – начале XVIII в.²

В литературе сложилось прочное и аргументированное мнение о высокой мобильности земельных владений служилого класса. Сильнейшее воздействие на структуру собственности оказали события начала XVII в. Как писал Ю.В. Готье, «в некоторых местностях Московского государства за Смутное время произошла почти полная перемена всего служилого дворянства; не говоря уже о западных областях, где местами все население было буквально выметено Смутой, и в окрестностях столицы и к востоку от нее, там где разорение сказывалось значительно менее, мы встречаем одни и те же явления». По подсчетам того же автора, мобилизация собственности в уездах Замосковского края была относительно высокой и впоследствии: за 50–60 лет (время, прошедшее между составлением писцовых книг 1620-х гг. и переписями конца столетия) единокордцы сохранили в своих руках лишь около трети имений. Однако остается открытым вопрос: насколько устойчивым оставался фамильный состав владельцев в уездах в этот период?

Сопоставление родового состава владельцев на время I ревизии с писцовыми книгами 1620-х гг. и 1570–1590-х гг. дает следующие результаты (для сравнения были выбраны 17 уездов центра и северо-запада). Среди фамилий, представители которых владели

¹ Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, zserg72@gmail.com, Россия, г. Липецк.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00002 А.

имениями по I ревизии в Тульском, Рязанском, Алексинском, Суздальском, Угличском, Новоторжском, Нижегородском, Серпуховском, Дмитровском, Можайском и Гороховецком уездах, в материалах валового описания начала XVII в. было найдено от 27 % до 59 % родов. По I ревизии им принадлежали 41–81 % имений и 38–67 % крепостных. В Новгородском, Каширском, Тульском и Коломенском уездах доля фамилий, сохранивших собственность со времени составления писцовых книг конца XVI в., составляла от 32 % до 46 %. По I ревизии им принадлежало 56–76 % вотчин и 47–64 % крестьян. То есть, несмотря на значительные изменения в родовом составе собственников, «старые» фамилии, как по численности, так и по владельческим позициям, спустя 90–150 лет (!) по-прежнему играли в этих уездах заметную роль. В Московском уезде фамильный состав владельцев был менее устойчив, а в уездах, расположенных к западу от столицы, например, в Верейском и Звенигородском, он почти полностью сменился. Устойчивость родового состава новгородских помещиков уже отмечалась В.М. Воробьевым и А.Я. Дегтяревым, но, как видим, высокие показатели наблюдались не только на северо-западе, но и в ряде центральных уездов страны.

Замечу, что процентные данные о числе «старых» фамилий и принадлежавшей им собственности далеко не всегда позволяют адекватно оценить устойчивость родового состава владельцев. Для примера, сравним показатели по Тульскому и Новоторжскому уездам. Со времени валового описания 1620-х гг. до I ревизии собственность сохранили, соответственно, 48 % и 54 % фамилий, за ними числилось 78 % и 72 % владений, в которых проживало 67 % и 64 % крестьян. Но, несмотря на близость цифр, было бы ошибкой утверждать, что родовая структура собственности в этих уездах обладала одинаковой устойчивостью. В Смуту Новоторжский уезд пострадал намного сильнее Тульского: согласно писцовым книгам 1620-х гг., доля «живущей» (обрабатываемой) пашни в первом составляла лишь 2 %, а во втором – 46 %. То есть, восстановление, как хозяйственное, так и фамильной владельческой структуры, в Новоторжском уезде началось с гораздо более «низ-

кой точки», нежели в Тульском. Это подтверждается данными о среднем числе вотчин, приходившемся на один род по I ревизии: у «старых» фамилий в Тульском уезде показатели вдвое выше, чем в Новоторжском (5,5 и 2,7), а по всем родам – в 1,7 раза (3,4 и 2,0, соответственно). Вывод очевиден: тульское дворянство более тесно было связано со своим уездом.

Таким образом, для оценки устойчивости фамильной владельческой структуры лучше других подходит последний показатель: количество вотчин, в среднем, приходившихся на один род. Высокие показатели – следствие роста дворянских семейств, длительной, на протяжении нескольких поколений, практики наследования и дробления имений между родственниками, а также приобретения новых поместий и вотчин, включая «прииск» и освоение «порозжих» земель. Низкие показатели, напротив, отражают «подвижность» владельческого состава: из-за приобретения собственности представителями все новых и новых фамилий (в окраинных заселяемых уездах) или из-за ускоренной мобилизации дворянских имений и частого их перехода к инородцам (в староосвоенных районах).

Расчеты по 173 уездам Европейской России дают следующие результаты (среднее – 1,9 вотчин на фамилию; медиана – 1,8). Наиболее устойчивым владельческим составом обладал Новгородский уезд. Здесь на один род, в среднем, приходилось 8,5 владений, а по пятинам: в Деревской – 4,1, Водской – 4,5, Обонежской – 4,6, Шелонской – 4,7, Бежецкой – 5,6. Относительно высокими показатели были в соседних Пусторжевском (4,3), Великолуцком (3,9) и Островском (3,1) уездах. В центральном регионе наиболее высокие показатели (от 2,75 до 4,1) наблюдались в двух группах уездов. Первые располагались по реке Оке и к югу от нее: Болховский, Лихвинский, Алексинский, Тульский, Крапивенский, Каширский, Коломенский, Зарайский, Рязанский, Михайловский, Пронский, Ряжский, Шацкий и Кадомский уезды. Во вторую группу уездов, протянувшуюся из Замосковского края на север за Волгу, входили Суздальский, Ярославский, Романовский, Пошехонский,

Костромской, Галичский, Кадыйский, Вологодский и Белозерский. Для сравнения, к западу от Москвы (Клинский, Тверской, Старицкий, Волоколамский, Рузский, Звенигородский, Верейский уезды) показатели были ниже среднероссийских – 1,3–1,5 вотчины на род.

Ю.А.Мизис¹

Сельские населенные пункты в бассейнах рек Цны и Воронежа в XVII – первой половине XVIII в. (характер расселения)²

К бассейнам рек Воронеж и Цна русская колонизация вышла во второй половине XVI в. Можно выделить несколько этапов освоения этого региона:

1 период. Вторая половина XVI в. – 1634 г. Благоприятным фактором для этого стал распад Большой орды и уход кочевников на юг. Если р. Воронеж оставалась длительное время незаселенной, то в бассейне Цны находилась цнинская мордва-мокша, которая прослеживается здесь с XVI в. н.э. Она продолжала здесь находиться и после татаро-монгольского нашествия. Во второй половине XVI в. в Почежье сформировалась жалованная вотчина, принадлежащая татарским мурзам, находившимся на службе русского царя. Важным стратегическим фактором развития этой местности являлось наличие старинной торговой Ордобазарной дороги из нижнего Поволжья до Москвы. Решающим фактором освоения междуречья Цны и Воронежа в этом периоде сыграло строительство г. Шацка (1553 г.) и Воронежа (1585 г.), ставших опорными пунктами русской колонизации региона.

2 период. 1635–1696 гг. Строительство крепостей по Белгородской, Тамбовской чертам и формирование Тамбовского и Козловского уездов. Сооружение военных форпостов в виде крепостей и полевых укреплений, освоение северных от линий укрепле-

¹ *Мизис Юрий Александрович*, доктор исторических наук, ymizis49@yandex.ru, Россия, г. Тамбов.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А.

ний территорий, возникновение сельских поселений в виде сел, деревень, слобод.

3 период. С 1696 г. по 20-е гг. XVIII в. Время освоения и заселения южной территории от старой линии укреплений, строительство г. Борисоглебска, г. Павловска и возникновение новых населенных пунктов.

Основной массив населенных пунктов издревле располагался вдоль берегов р. Цна. Правый берег на протяжении всего русла оставался лесным, а левый берег в значительной мере находился в степной зоне. На первом этапе заселения края расположение населенных пунктов определялось основными занятиями местного населения: бортничеством, охотой, рыбной ловлей, а также угрозой постоянных татарских набегов. Они предопределили характер формирования поселений, которые в основной массе располагались на правом лесном берегу Цны. Это позволяло мордве использовать лес как зону своей хозяйственной деятельности и как традиционное укрытие от набегов кочевников. На рубеже XVI–XVII вв. в Почежье сформировалась Верхоценская волость. Она состояла из нескольких групп поселений: в нижнем течении, в основном на левом высоком берегу Цны, в центральной части – смешанный тип поселений на левом степном берегу и на правом лесном. Верхние села в основном размещались на правом лесном берегу. Возникновение ряда сел на левом высоком степном берегу Цны определялось появлением здесь русского населения, хозяйственная деятельность которого во многом основывалась на сельскохозяйственных занятиях. Характер развития поселенческой сети в этом районе определялся сначала возникновением базового населенного пункта, а затем от него отпочковывались на расстоянии 10–20 км соседние поселения. Всего в Верхоценской волости на 1623 г. насчитывалось 29 старых тягловых поселений и два присуда: Конобеевский и Верхоценский (40 поселений)¹. В 1636 г. вся территория Верхоценской волости разделилась на две части: одна осталась в Шацком у., а другая из 31 поселения – к

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 6034; Ф. 1166. Оп. 1. Кн. 1.

Тамбовскому у. Значительная часть сел и деревень Верхоценской волости продолжала располагаться на правом берегу Цны, что по-прежнему определялось угрозой нападения кочевников и сохранением хозяйственных традиций местного населения.

Другой очаг поселений возник после 1613 г. на территории будущего Козловского у. в бассейне р. Воронеж. Это была вотчина боярина князя Д.М. Пожарского. Он получил ее после избрания на царство М.Ф. Романова за заслуги перед новой династией. Она состояла из 4 населенных пунктов. Здесь же вблизи располагались поместья из 16 поселений и 937 дворов крестьян и бобылей братьев Вельяминовых, И. Бобрищева-Пушкина, а также Чудова и Новоспасского монастырей, относящихся к Лебедянскому у.

Строительство крепостей Козлов и Тамбов, образование двух уездов, Козловского и Тамбовского, привели к быстрому заселению новых территорий. В Козловском у. на 1651 г. насчитывалось 68 поселений служилых людей (казаков, детей боярских, черкас). В Тамбовском у. в 1676–1678 гг. имелись 85 поселений: 50 сел дворцовой Верхоценской волости, 16 поселений служилых людей, 19 – монастырских¹. Всего в Козловском у. насчитывалось 10,5 тыс., в Тамбовском – 19,5 тыс. человек. По численности населения эти два уезда значительно превосходили все другие уезды по Белгородской черте.

Оба уезда осваивались в основном по берегам небольших и малых рек. Тамбовский у. заселялся по притокам Цны: Челновой, Серпа, Козловский: Лесной и Польной Воронеж, Иловой и др. То есть осваивались земли близко расположенные к водоемам и лесу. Междуречные пространства в XVII в. практически не затрагивались хозяйственной деятельностью.

Кроме заселенной части двух уездов существовала хозяйственная зона. Она простиралась до р. Хопра и его притока Ворони. Здесь местное население активно занималось бортным промыслом, охотой и рыбной ловлей. Постоянного населения не было вплоть до конца XVII в.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1015; Архив СПбИИ РАН. Ф. 2. Кн. 119.

Следующий период освоения территории начался после взятия Азова в 1696 г. Население Тамбовского и Козловского у., прекрасно зная южную часть территории, начало стремительно заселять и осваивать новые земли. Использовались земли в Козловском у. по рекам Матыра, Токай, Савала, Воронеж, Битюг, Сурена, в Тамбовском – Лесной Тамбов, Липовица, Кариан, Керша, Ворона. Уже к 1704 г. в южной части Тамбовского у. возникло 25 новых поселений служилых людей и крестьян¹. К 1744 г. в Козловском у. насчитывалось всего 132 поселения. Новые села на старых землях практически не появились, и прирост шел за счет освоения южных территорий. Здесь население столкнулось с проблемой отсутствия значительных лесных угодий. Поэтому те немногие лесные массивы, которые имелись, были быстро истощены, так как использовались для строительства жилья и отопления. Военно-географическая экспедиция под руководством князя и воеводы М.Ф. Шейдякова в 1685 г. должна была определить место строительства новой линии укреплений по р. Битюгу². Осмотр местности показал только наличие альтернативного выбора: строить укрепления, либо создавать населенные пункты. Запасы леса по Битюгу не позволяли сразу решить обе проблемы. В результате черту так и не построили, а с конца XVII в. по берегам Битюга стали возникать села и деревни новопоселенцев. Таким образом, видно, что возникновение населенных пунктов на этой территории определялись следующими факторами: наличием плодородных черноземов, близостью водных ресурсов и леса, безопасностью от набегов кочевников, возможностью заниматься промысловой деятельностью.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1142.

² *Загоровский В.П.* Материалы южнорусских военно-географических экспедиций XVII в. как историко-географический источник // Основные проблемы исторической географии России на современном этапе. М., 1980. С. 28–29; *Мизис Ю.А.* Военно-географическая экспедиция в Тамбовском крае // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж. 1989. С. 50–56.

А.И. Комиссаренко¹

Роль Вятского края в поставке сельскохозяйственной продукции на всероссийский и европейские рынки в XVIII в.

В XVIII в. Вятская провинция Казанской губернии с центром в городе Хлынове представляла собой крупный хлебопроизводящий регион. Основной чертой хлыновской торговли являлись поставки хлеба и другой продукции земледелия в Русское Поморье. Купцы городов Хлынов, Слободской, Котельнич скупали на волостных, уездных и городских торгах зерновые и животноводческие продукты и в зимний период отправляли их к Ношульской пристани на реке Луза, откуда «в высокие весенние воды ... ходили барки и дощаники ... в Северную Двину» к морскому порту города Архангельска, где существовал большой международный торг. Сюда стекались грузопотоки из российских северных районов – Вятки, Вологды, Сибири. Среди них преобладал хлеб (рожь, ячмень, овес, мука – ржаная, овсянка, гороховая, крупчатая, толокно). До 1762 г. русский хлеб попадал за границу исключительно через Архангельск. Помимо названных продовольственных грузов к Архангельску привозили этим путем говяжье сало, постное и коровье масло, солонину, овощи, льняное семя. Из ремесленно-промышленных товаров преобладали пенька, пеньковая пряжа, пакля, смола, рогожа, кожа, пушнина, мыло, свечи, красная медь, деготь, воск и другие. Для оснастки военных кораблей и торговых судов Великобритании, Нидерландов, Дании, Швеции и других европейских стран на Архангельский торг поступали из Вятки, а также из Вологды и Устюга Великого парусина, холсты, канаты, шерсть, бочки, мачтовая древесина. Российские товары привлекали в Архангельск иностранных негоциантов. Только в 1779 г. в Архангельском порту загрузались 74 корабля (13 английских, 8 датских, 24 нидерландских, 28 из Северных немецких государств и городов). В следующем 1780 г. в Архангельск прибыло 119 иностранных судов.

¹ *Комиссаренко Аркадий Иванович*, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, arkadiy109@rambler.ru, Россия, г. Москва.

Роль Вятского региона в этом грузопотоке весьма заметна. Источники фондов РГАДА свидетельствуют о том, что в 1741 г. к Ношульской пристани вятские (хлыновские и слободские) купцы поставили 26526 четвертей ржи, 9580 четвертей семени льняного, 572 куля муки ржаной и других продуктов вятского земледелия и животноводства общей стоимостью в 60000 рублей. В следующем 1742 г. 8 хлыновских купцов вывезли к Ношульской пристани к погрузке на суда, идущие к Архангельску, 644 четвертей ржи, 4039 четвертей семени льняного, 40 кулей крупы овсяной, 2497 кулей муки ржаной, 656 «лагунов» сала.

подавляющая часть вывозных товаров приобреталась у крестьян и местных (волостных) скупщиков в Хлыновском, Слободском, Котельническом уездах. Используя выгодные водные пути в Поморье и сухопутные тракты Казань-Хлынов, Ярославль-Хлынов, Тобольск-Хлынов, вятские купцы скупали в российских регионах Волги и Сибири пушнину, хлеб, рыбу, а затем отправляли их в поморские города Великий Устюг, Каргополь. Часть этих товаров вывозилась в Архангельск. В 1740 г., например, Хлыновский рынок имел связи с 18 городами, куда были предназначены товары на 21 тыс. рублей.

Закупки зерна и муки втягивали в товарно-денежные отношения основное население Вятского края – крестьянство. Волостная торговля велась во всех 21 волостях и станах. Купцы и «домовитые» крестьяне в середине XVIII в. активно действовали на таких торжках. В 1747 г., к примеру, из 1498 четвертей ржи, закупленных на этих торжках, 1382 четверти зимними обозами были вывезены к реке Летке на Ношульскую пристань, чтобы весной по вскрытии льда на Северной Двине на дощаниках отправить этот груз к Архангельскому порту. Показателем развитых скупческих отношений служит тот факт, что в 1751 г. более четверти рыночных операций находилось в руках купеческих приказчиков, плативших особую «перекупную» пошлину. Широкий размах приобрела практика скупки продуктов земледелия и животноводства сельских жителей. Ею занимались, как правило, «домовитые» крестьяне. Наибольшую активность они проявляли на торжках в волостях Березовской, Воздвиженской, Куменской,

Кыржинской, Кырчанской, Летской, Ошланской, Налинской, Сунской, Филипповской слободки и других. Установившаяся устойчивость рыночных отношений толкала вятское крестьянство к требованию полной свободы торговли в Уложенной комиссии 1767 г.

Роль Северного Поморья в системе торговых связей России с северными государствами Европы в XVIII в. четко прослеживается по материалам нидерландской Дирекции Московской и Восточной коммерции (*Directie van de Moskovische en Oostersche Handel*) и состоявшей при ней Комиссии о хлебном торге при директорах Яне Тиммермане (1718–1748 гг.), Питере Фрие (1749–1776 гг.), Питере де Смета (1781–1797 гг.).

Эти учреждения контролировали торговлю с Россией и странами Балтийского побережья – Швецией, Данией, Пруссией, Речью Посполитой, ганзейскими городами Любеком, Данцигом, Гамбургом. Их административные распоряжения, хранящиеся в Городском архиве г. Амстердама, позволяют проследить историю торговых контактов амстердамского купечества в XVIII в. Так, в десяти письмах архангельского нидерландского консула сообщается о закупках в Холмогорах, Коле, Архангельске хлебопродуктов, кож, сала, пеньки, муки. Архивные документы свидетельствуют, что, несмотря на жесткие меры, предпринятые правительством Петра I в 1712–1719 гг. по перероентации внешнего торгового оборота из Архангельска в Петербург, роль Севера России оставалась значимой как для Русского государства, так и для стран скандинавских и балтийских. Нидерланды обеспечивали транзит вывозимых через Архангельский порт товаров и способствовали развитию внешнеторгового оборота в Европе.

А.Г. Иванов¹

**Социальный мир государственной марийской деревни
(по материалам крестьянских наказов
в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)**

Крестьянские наказы, поданные в Уложенную комиссию 1767–1768 гг., содержат ценнейшие материалы о социальном мире

¹ *Иванов Ананий Герасимович*, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, anani@marsu.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

государственной марийской деревни. Анализ текста наказов марийских крестьян из числа «новокрещен» Галицкой дороги Казанского и Уржумского уездов; Царевококшайского, Кокшайского, Козьмодемьянского (совместно с чувашскими крестьянами) уездов; «старокрещен» Яранского и Царевосанчурского уездов; некрещеных «ясашных черемис» Алатской, Галицкой и Арской дорог Казанского уезда Казанской губернии позволяет утверждать, что они были очень «разномасштабные»¹. Наказы марийских крестьян выражали мнение от нескольких сотен (Кокшайский уезд) до двух десятков тысяч человек (Казанский уезд). Каждая группа крестьян, принадлежавшая к определенной конфессиональной группе, выдвигала и отстаивала свои нужды и чаяния, в которых, однако, было много общего для всех государственных марийских крестьян.

Согласно наказам, основным хозяйственным занятием жителей марийской деревни являлось хлебопашество. Типичным в этой связи представляется утверждение марийских крестьян Царевосанчурского уезда о том, что «ныне, так и в будущее время» необходимо проявлять всемерную заботу «о размножении хлебопашества», являвшегося «наиглавнейшей надобностью рода человеческого» и средством «к поправлению государственных податей». Между тем состояние земледельческого производства вызывало особую тревогу. Из-за закрепления за Казанской адмиралтейской конторой значительных площадей общинных лесов нарушалась традиционная «лесопольная» система земледелия; все более стал ощущаться «земельный голод». В этой связи марийские крестьяне просили разрешить им расчищать леса в своих общинных владениях под пашню и сенокосы не в ущерб «к корабельному строению и казенным надобностям». Тем более, что немалые площади общинных земель к этому времени подверглись расхищению со стороны дворян, чиновников, купцов и представителей других сословий.

Одновременно наказания нарисовали яркую картину тяжелого социального положения. Как и все разновидности государственных крестьян, марийцы сильно страдали от непосильных подушных

¹ Сб. РИО. СПб., 1903. Т. 115. С. 381–383, 388–392, 434–445.

податей, размеры которых резко возросли в 60-х гг. XVIII в. Обременительными были оброчные денежные сборы, рекрутская, подводная и другие многочисленные натуральные повинности. Негодование крестьян вызывали произвол и беззаконие, творимые гражданскими и воинскими чинами, смотрителями лесов, купцами и другими притеснителями. От всего этого, как с горечью отмечали марийские крестьяне, они «пришли в крайнее разорение».

В условиях безудержного произвола чиновничества и «лихоимства», марийские крестьяне естественной защитницей своих интересов считали сельскую общину. В их наказах содержится комплекс предложений, призванных укрепить позиции крестьянской общины и защитить ее земли; внести изменения в существовавшую судебную практику, передав ряд функций чиновников выборным и подконтрольным общине сотникам; выдвигалось требование снять взимание подушных платежей с нетрудоспособных, отданных в рекруты, беглых и «умерших душ», а также оброчных денег за «пустовые» мельницы и сенокосы. Выдвигаемые предложения опирались на знание марийскими крестьянами традиционных норм обычного права и важнейших законодательных актов, затрагивавших их интересы. Они ясно осознавали свою принадлежность к категории государственных крестьян, своеобразие своих прав и обязанностей по сравнению с приписными и крепостными.

Крестьянские наказания свидетельствуют и о том, что в марийской деревне имело место имущественное неравенство. Деревенская зажиточная верхушка из числа новокрещен Казанского и Уржумского уездов настаивала на том, чтобы даже незначительные денежные долги своих сородичей «по черемиским за рукою должников письмам» взыскивать через чиновников присутственных мест. Здесь их интересы приходили в явное противоречие с интересами основной массы крестьян, стремившихся по возможности все спорные дела улаживать внутри общины. Скупщики-марийцы требовали своевременной уплаты денег торговцами и другими людьми за поставку им «вещей для продажи или в домашние потребности». Зажиточные настаивали на том, чтобы запретить досрочный уход кабального наемного работника от своего хозяина и

разрешить работнику уходить от них лишь тогда, когда «согласен будет хозяин его». Нарекания у «добрых людей» вызывали действия дворян, отпускаявших «нарочным образом» наниматься в новокрещенских жительствох своих крепостных крестьян. Через своих приказчиков они насильно взыскивали несравненно большую сумму, чем оговаривалось в условиях найма между зажиточным мари́йцем и крепостным. Беспокóйство вызывали и беглые крепостные, нанимавшиеся на работу. В случае их розыска и возврата владельцу за них необходимо было внести прожиточные подушные деньги. Все это не могло не повлиять на то, что в содержании наказа появилось требование: «дабы не причинилось нам разорение», пойманных беглых крестьян «отдавать в зачет рекрут» или «на каторгу», а для распознавания предлагалось «положить какой бы ни есть на наружном члене явной знак, чем нам признать их было можно». Как видно, часть зажиточных мари́йских крестьян была не прочь использовать в своем хозяйстве и труд «неведомых» людей, даже из числа русских крепостных. Однако меры «безопасности», предлагаемые по сохранению своего имущества, мало чем отличались от крепостнических методов.

Особо следует обратить внимание на содержание одного из пунктов наказа новокрещен Казанского и Уржумского уездов, где затрагивались отношения между представителями разных конфессиональных групп внутри мари́йской общины. Зная основные положения указа от 11 сентября 1740 г. о массовом крещении нерусских народов, где в ряде статей запрещался найм новокрещеных к иноверцам в качестве работников, составители наказа решились на то, чтобы предложить разрешить новокрещеным мари́йцам быть «в наймех» у зажиточных, придерживавшихся языческих верований. Мотивировалось это тем, что деревенские богатеи «новокрещены» нанимают «на собственные свои нужды из иноверцов», заводчики и «протчие крестьяне имеют у себя работников». Часть мари́йских крестьян в поисках средств для уплаты подушных денег нанималась на заводы, зачастую отстоявшие на несколько сот верст. Из-за этого срывались своевременные подушные платежи. Как писали составители, была бы «большая польза нашим обыва-

телям» от зажиточных иноверцев, если бы разрешили наниматься к ним новокрещеным. Тем более, что они живут поблизости и можно будет своевременно взыскивать подушные деньги. При этом хозяева-иноверцы «отнюдь нашему греческому закону противности не чинят».

Характерно, что во взаимоотношениях внутри марийской общины между представителями разных конфессиональных групп, в отношениях с людьми разных сословных групп и народов провозглашался принцип взаимного уважения и терпимости. Несмотря на наличие имущественного неравенства, вся крестьянская община выступала как единая сила, призванная обеспечить устойчивую систему жизнеобеспечения марийской деревни.

Д.А. Черненко¹

Земли городов Курской губернии в конце XVIII в.: население, размеры, структура²

Особенность исторического развития российского общества заключалась в том, что в аграрный сектор общественного производства было включено не только сельское, но и значительная часть городского населения. Данное исследование является продолжением исследования городского хозяйства Российской империи на материалах Экономических примечаний к Генеральному межеванию, создававшихся преимущественно в конце XVIII – начале XIX в. Поскольку город в ходе Генерального межевания получал свой собственный план и воспринимался межевщиками как своеобразная земельная дача, именно эти материалы, являвшиеся статистическими и текстовыми приложениями к межевым планам, как никакие другие отразили аграрную составляющую городского хозяйства.

В данном исследовании анализируются сведения примечаний по Курской губернии. Время проведения Генерального межевания здесь

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, dmitcher@mail.ru, Россия, г. Москва.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00462 А.

– 1782–1797 гг. (по П.И. Иванову и В.И. Семевскому) или 1781–1785 (по «Таблице 1787 года»), датировка завершения составления Экономических примечаний к Генеральному межеванию Курской губернии (в двух вариантах) – 1788 и 1791 гг. (по Л.В. Милову). Последняя датировка подтверждается наличием в описаниях городов Курской губернии сведений о населении и по третьей, и по четвертой ревизиям. При этом сохранившиеся в фонде № 1355 РГАДА материалы по 15 городам губернии могут иметь и более позднее происхождение.

Структура описаний земель, примежеванных к городам Курской губернии, стандартная и включает в себя: буквенное обозначение пригородной дачи на плане, тип (село, слобода, пустошь и т.п.), состав владельцев, количество населения (дворов и душ по ревизии), площадь усадебной и пашенной земли, сенокосов, лесов, «неудобных мест», а также общий итог по «градской округе».

С точки зрения населенности, размеров и состава пригородных земель города Курской губернии конца XVIII в. могут быть распределены на две группы, наиболее показательные примеры по каждой из которых приведены ниже.

Группа 1. Старые города, населенные как однодворцами, так и (в большинстве, хотя и не во всех случаях) мещанами и купцами. К этим городам не были примежеваны населенные дачи (слободы, села, деревни), за счет которых увеличивалось население и земельные угодья городов. Размер пригородных земель относительно небольшой (по меркам региона) – до 1 тыс. дес., причем далеко не всегда это пашня. Приведем некоторые примеры.

Белгород. Население – 3,8 тыс., 23 % – однодворцы и отставные солдаты, 32 % – мещане, 17 % – купцы. Городские земли насчитывали 802,5 дес., из них половину (445,5 дес.) составили сенокосы, остальное почти все – «заселенная городская земля».

Путивль. Население – 4,9 тыс., 59 % – однодворцы, 28 % – мещане, 10 % – купцы. Примежеванных дач нет, городская заселенная земля и «неудобья» – 219 дес.

Рыльск. Население – 3,9 тыс., 33 % – однодворцы, 48 % – мещане, 19 % – купцы. «Градская выгонная земля города Рыльска владения купцов и мещан» – 827 дес., из них 654 – лес.

Группа 2. Новообразованные города, населенные в основном однодворцами и крестьянами примежеванных к городу сельских населенных пунктов. За счет этой меры население этих, как правило, небольших городов могло быть увеличено в несколько раз. К ним также были примежеваны значительные массивы пашенных земель, в основном находившихся в сложном совладении. При этом большую часть примежеванной пашни пахали на себя именно жившие в городской меже однодворцы, а не крепостные помещиков. Наиболее характерны следующие примеры.

Богатый. Население – 0,8 тыс. чел. (95 % – однодворцы). К городу была примежевана слобода Венгеровка, находившаяся в совладении 4 помещиков (включая князя Д.Ю. Трубецкого) и «того города однодворцов», в которой было 4,1 тыс. дес. земли (75 % – пашня). Большая часть этой земли (3,1 тыс. дес.) «обрабатывается обще онаго города со однодворцами вся на себя».

Льгов. Население – 1,4 тыс. чел., 80 % относились к примежеванным к городу 1 селу и 2 деревням. Пригородные земли составили 4,7 тыс. дес., из которых 2,5 тыс. дес. – пашня, а 1,4 тыс. дес. – лес.

Щигры. Население – 2,8 тыс. чел., однако в самом городе жили лишь 44 % (преимущественно однодворцы), остальные относились к конгломерату неразмежеванных поселений, состоявшему из 7 селец, 4 деревень и 2 хуторов, «общаго владения» 16 помещиков и однодворцев соседних поселений. Количество примежеванных земель – 10,2 тыс. дес.

Фатеж. Население – 564 однодворца. Примежевано бывшее однодворческое село, на момент межевания представлявшее собой ненаселенную дачу 7 совладельцев (включая княгиню Д.М. Трубецкую) площадью 1,68 тыс. дес., из которых 86 % – пашня.

Аналогичную картину можно видеть, хотя и существенно реже, в дореформенном административном центре, например, в г. Короча. Здесь население составляло 5,6 тыс. чел., но население собственно города – лишь 45 % от этого числа. Остальное – население группы неразмежеванных поселений, в которую входили 3 слободы и 37 хуторов «общего владения» 11 частных лиц разных сословий и «войсковых обывателей с выделенною церковною зем-

лею». В итоге к городу были примежеваны почти 25 тыс. дес. земли, а еще почти 28 тыс. дес. находились в 6 спорных с соседними владениями участках.

Таким образом, ко всем городам Курской губернии в конце XVIII в. были примежеваны различные массивы земельных угодий – от нескольких сотен до нескольких десятков тыс. десятин. Удельный вес этих пригородных дач в хозяйственно-демографическом развитии городов региона определялся, в первую очередь, давностью существования города в своем административном статусе.

В.В. Канищев¹

**Особенности расселенческих процессов
на завершающей стадии освоения (Тамбовская губерния,
конец XVIII – первая половина XIX в.)²**

Процессы первоначального заселения зоны южнорусского фронта в конце XVI – XVIII в. весьма хорошо изучены, в т.ч. и тамбовскими историками³. В 2010-е годы эти проблемы тамбовскими историками вместе с коллегами из Белгорода, Воронежа, Ельца, Самары, Уфы, ряда других городов стали изучаться в контексте освоения южнорусского фронта. Результаты этих исследований опубликованы в 2-х специальных номерах «Вестника Тамбовского университета»⁴.

¹ *Канищев Валерий Владимирович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, valcan@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А.

³ *Аврех А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г.* Формирование и развитие сети сельских населенных пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII–XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 3–16.

⁴ Вестник Тамбовского университета. 2015. Т. 20. Вып. 10; 2019. Т. 24. № 182.

Наименее изученным остается последний этап освоения фронтальной территории в конце XVIII – первой половине XIX в., хотя источниковая база для этого периода представлена не только письменными, но и картографическими материалами (планы Генерального межевания и межевания Менде, материалы Редакционных комиссий, уставные грамоты начала 1860-х гг. и другие массовые источники). Изучение разных видов источников, отразивших процесс окончательного заселения южной части Тамбовской губернии, выявило несколько вариантов расселенческих процессов.

В первые десятилетия XIX в. завершается процесс переселения в сельскую местность жителей городских слобод города Тамбова, потомков служилых людей, в то время однодворцев. Так появляются села с названиями Пушкари и Стрельцы. Подобные процессы были типичными для многих губернских и уездных городов лесостепной полосы, бывших крепостей со слободами. В тамбовском случае остается непонятным переселение недавних городских жителей на территории, недостаточно приемлемые для земледелия (суходольные и безлесные). Вероятно, те жившие в городах крестьяне, которые желали продолжать земледельческие занятия, готовы были переселяться на такие земли. Во-первых, они ранее осваивали их наездом, еще живя в Тамбове. Во-вторых, ведение сельского хозяйства рядом с большим городом всегда экономически было выгодно. Изучение планов межеваний показывает, что жители новых пригородных сел «пристроились» к отвершкам р. Большая Липовица, а затем построили пруды. Дополнительную информацию об особенностях освоения вновь заселенной пригородной среды мы начинаем получать путем использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Установленные на них анализаторы позволяют определить антропогенные изменения первоначальной, «девственной» природной среды (рельефа, очертаний водоемов, растительного покрова и др.).

Образование новых пригородных сел создало проблему для развития, в смысле освоения новых окрестных земель, для старинных государственных сел. В частности, это заметно сказалось на состоянии с. Бокино Тамбовского уезда. Возможности роста его

земельных владений были ограничены уже в XVIII в. Жившие там служилые люди изначально получили максимально возможные наделы. А рядом стали появляться новые земельные дачи опять-таки государственных поселений. В таких условиях часть крестьян села была переселена на сравнительно отдаленные (более 100 км) свободные государственные земли в южной части Тамбовской губернии. Переселенцы основали село и деревню с одноименным названием в Борисоглебском уезде.

Переселение государственных крестьян на новые земли было типичным для Тамбовской губернии явлением. Предварительно мы называем порядок цифр – десятки новых казенных поселений. Более точное определение их числа требует существенного уточнения опубликованных ранее данных, авторы которых зачастую не учитывали фактов передачи частей или полностью государственных сел во владения помещиков (вплоть до эпохи Павла I – в Тамбовской губернии было основано несколько Павлодаров) и почти никогда не брали во внимание факты принятия в казну некоторых помещичьих владений.

Можно достаточно определенно сказать, что большинство новых поселений первой половины XIX в. (ок. 300) было основано помещиками. Это был тип выселения частей крестьян из крупных, перенаселенных сел на ближайшие земли, в природном отношении межречные плакорные территории. В настоящее время с помощью различных междисциплинарных подходов этот вариант расселения мы детально изучаем на материалах деревень Измайловка, Малая и Большая Александровка, Ивановка, выделившихся из большого села Знаменка, принадлежавшего до середины XIX в. роду Загряжских, а затем графов Строгановых. С точки зрения освоения природной среды этот вариант расселения был классическим: выделение из старинного села, стоящего на большой реке, новых поселений на маленькие степные речушки, отвершки или даже колодцы. К середине XIX в. таких поселений было уже около четверти населенных пунктов Тамбовской губернии.

Таким образом, завершающий этап заселения зоны южнорусского фронта в большей мере проходил не путем продвижения

на новые территории, а путем более плотного освоения ранее заселенных земель, приспособления населения к специфическим природным условиям лесостепной полосы.

Л.Г. Степанова¹

**Освоение южных территорий Российской империи
в конце XVIII – первой половине XIX в.:
структуроформирующие факторы расселения²**

После присоединения во второй половине XVIII в. к Российской империи Северного Причерноморья, Крымского полуострова и Тамани встал вопрос о хозяйственном освоении южных территорий. На протяжении веков неосвоенными оставались территории Дикого поля, служившего своеобразным буфером между Крымским ханством и Российским государством. Несмотря на раннюю колонизацию этих земель ко второй половине XVIII в. они оставались малозаселенными. После присоединения Крыма к России в конце XVIII в. на территории полуострова значительно сократилось число местного населения за счет миграции крымских татар в Османскую империю. Неосвоенные степные просторы и плодородные почвы были пригодны для развития скотоводства и земледелия, разведения огородов, садов, виноградников и привлекали переселенцев из других регионов России.

Южные территории, образовавшие новый регион Российской империи – Новороссию, нуждались в объективной оценке и, как и земли многих других российских территорий, в конце XVIII – первой половине XIX в. были охвачены процессом Генерального межевания. В Новороссийской губернии Генеральное межевание началось в 1797 г. На этой территории, разделенной впоследствии на Таврическую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии, оно продолжалось более сорока лет. Генеральное межевание Крыма

¹ *Степанова Лилия Геннадьевна*, кандидат исторических наук, Кубанский государственный университет, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00236 А.

началось в 1798 г., но через несколько лет было отложено и возобновилось только в 1829 г. При проведении межевых работ землемерам приходилось учитывать особенности колонизации земель, связанные с наблюдавшимися здесь одновременными процессами формирования дворянского землевладения, заселением региона и его хозяйственным освоением.

Массовые сведения Экономических примечаний к Генеральному межеванию и полевые записки землемеров, имеющиеся по различным уездам Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерний, позволяют оценить не только хозяйственное положение отдельных земельных владений, но и имевшиеся демографические ресурсы, складывающуюся структуру землепользования. Это в свою очередь предоставляет возможность выявить степень освоенности территории и структуроформирующие факторы – устойчивые условия, влияющие на систему расселения и размеры поселений на конкретной территории. Для изучения процесса освоения территории Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерний были составлены электронные базы данных, содержащие сведения о количестве и качестве различных категорий земельных угодий, грунте земли и его плодородии, составе леса, животного мира, рыбных ресурсов, количестве поселений, дворов, мужских и женских душ.

При межевании южных губерний землемеры выделяли не только землю под поселениями, пашню, лес, сенокосные угодья, неудобные места, но и степь, годную к хлебопашеству и скотоводству, которая являлась потенциальным земельным фондом для освоения новых территорий. К неудобным местам относились песчаный берег, солонцы, болотистые места, горная местность. Большую роль для занятия земледелием и скотоводством играло наличие пресных источников воды и непересыхающих речек и других водных источников. Несомненно, выбор конкретного места поселения зависел от природных особенностей местности, для развития земледелия большую роль играл состав земельного грунта и его потенциальное плодородие, для развития скотоводства – богатый растительный покров.

Однако кроме выявления местных природных особенностей, влиявших на выбор места поселения, важными факторами стали исторические особенности хозяйствования, как бытовавшие ранее на данной территории, так и более привычные для переселенцев. Особенностью хозяйственного освоения новых южных территорий России в конце XVIII – первой половине XIX в. стало также влияние этнического фактора и связанные с ним национально-бытовые особенности хозяйствования. Так, на территории Крымского полуострова в поселениях крымских татар нередко значилась только степь, пригодная для развития скотоводства, пашня не фиксировалась. В немецких колониях на территории Мелитопольского уезда Таврической губернии помимо достаточно большого количества сенокосных угодий, необходимых для разведения скота, уже в 30-е гг. XIX в. имелись большие площади пашенных угодий с плодородными черноземными почвами. Экономические примечания к материалам Генерального межевания и полевые записки землемеров фиксировали и неудачные случаи освоения новых территорий, земля которых не давала хороших урожаев, и переселенцы обращались с просьбой вернуться на прежнее место жительства.

Структура расселения в южных губерниях Российской империи формировалась постепенно с учетом уже имевшихся ранее на этой территории поселений и освоенной земли. Поселенцам приходилось адаптироваться к природным условиям, влиявшим на их условия хозяйствования, учитывать рельеф местности, состав грунта, растительный покров. С увеличением количества населения стала наблюдаться распашка земель, не освоенных на более ранних этапах. Сведения баз данных предоставили возможность оценить имеющиеся демографические ресурсы и состояние землепользования на изучаемой территории, уровень распаханности земли, ее лесистости, степень преемственности землепользования и вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель. Это позволило более реально оценить степень освоенности южных территорий России в конце XVIII – первой половине XIX в. и влияние различных факторов на процессы расселения и размеры поселений.

А.И. Акманов¹

Землевладение башкир в период Генерального межевания Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX вв.

Во второй половине XVI в. башкиры добровольно вошли в состав Русского государства. Правительство царя Ивана IV признало за ними вотчинное право на их земли, обещало сохранить традиционную систему самоуправления. В свою очередь, башкиры обязались платить поземельный налог и выполнять военную службу за свой счет по охране границ Русского государства. Таким образом, стороны оформили договорные отношения, так как вышеуказанные условия были прописаны в официальных документах между царским правительством и руководителями башкирских племен. В последующее время на протяжении XVII – первой трети XVIII в. власти в целом придерживались курса на сохранение земельных угодий края за башкирами. Однако рост численности населения страны обусловил изменение государственной политики в сфере земельных отношений. С 30-х гг. XVIII в. царское правительство начинает процесс перераспределения части земельных угодий башкир для основания крепостей, строительства горных заводов, обеспечения дворян, чиновников, крестьян-переселенцев. Этот курс стал вызывать конфликты между башкирами и различными группами переселенцев.

Крупнейшим мероприятием царского правительства в стране с середины 60-х гг. XVIII в. для определения перспектив использования земельных ресурсов и урегулирования конфликтов в этой сфере стало проведение Генерального межевания. Цели, принципы и формы проведения этого мероприятия для жителей страны были изложены в ряде законодательных актов 1765–1766 гг., согласно которым провозглашался курс на юридическое закрепление сложившегося землевладения. Ключевым принципом Генерального межевания являлось проведение земельных измерений на основе условных территориальных единиц – «межевых дач»,

¹ *Акманов Айтуган Ирекович*, доктор исторических наук, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, aytuganakmanov@gmail.com, Россия, г. Уфа.

которые могли охватывать земли как одного, так и нескольких населенных пунктов. «Дачей» могли быть как отдельное дворянское поместье, частный завод, так и несколько дворянских поместий, заводов или волость государственных крестьян. К концу XVIII в. башкирские земли оказались в составе нескольких территориально-административных единиц – Оренбургской, Пермской, частично Саратовской, Вятской губерний. Согласно межевому законодательству, отдельная башкирская волость обычно составляла дачу Генерального межевания. Однако здесь были и исключения, когда в состав башкирской дачи мог входить отдельный населенный пункт или же группа волостей. Следует отметить, что при определении межевых границ дач землемеры стремились учитывать географические особенности и хозяйственные традиции конкретных башкирских общин.

Основным занятием башкир на рубеже XVIII–XIX вв. являлось полукочевое скотоводство – содержание лошадей, мелкого и крупного рогатого скота. В северо-западных волостях края к концу XVIII в. земледелие становится основным занятием башкир, а на юге и востоке сохранялось полукочевое скотоводство. К началу XIX в. в крае сложилось три хозяйственных района. В частности, земледельческий район охватывал территории северо-западных башкирских волостей, где основным направлением являлось развитие зернового хозяйства, которое сочеталось со скотоводством и промысловыми занятиями в виде охоты, пчеловодства. Для этой части края было характерно присутствие достаточно большого количества припущенников-арендаторов. На территории северного Зауралья и юго-западного Башкортостана динамично развивались как земледелие, так и скотоводство, а численность припущенников была достаточно стабильной. Ареал хозяйственной деятельности юго-восточных волостей был преимущественно связан с развитием полукочевого скотоводства. Здесь количество припущенников было весьма ограниченным.

Состав и населенность башкирских межевых дач, согласно губернским Экономическим примечаниям к Генеральному меж-

еванию земель, были различны, что видно из итоговых ведомостей Генерального межевания. Данные документы дают представление относительно земельной обеспеченности по 137 башкирским межевым дачам, где проживали, наряду с башкирами-вотчинниками, также представители припущенников-арендаторов различного этнического и социального происхождения. На территории 59 дач, которые находились в северо-западной части края, проживала большая часть припущенников края, которые на договорной основе жили в башкирских вотчинах. В юго-западной части края припущенники были зарегистрированы в 14 дачах. В восточной части небольшие группы припущенников проживали в 64 межевых дачах. Вышеуказанные ведомости показывают и размещение населения по 20 дачам, которые были сконцентрированы преимущественно в восточной части края. Здесь, наряду с башкирами-вотчинниками, проживали и припущенники из числа башкир, которые в силу различных обстоятельств потеряли право собственности на землю. Кроме того, были зарегистрированы 44 межевые дачи, населенные только башкирами-вотчинниками.

По итогам Генерального межевания к середине XIX в. за башкирскими дачами Оренбургской губернии было закреплено 12,8 млн десятин. Из этой площади около 3,2 млн десятин находилось в распоряжении 41117 башкир. Остальные 9,6 млн десятин находились в совместном владении 113724 башкир-вотчинников, 4336 башкир-припущенников и 144957 припущенников небашкирского происхождения.

Проведение Генерального межевания на башкирских землях Оренбургской губернии было осуществлено в два этапа. В ходе первого этапа (1797–1805 гг.) основным направлением работы была организация измерений земельных угодий. На втором этапе с 1806 до конца 40-х гг. XIX в. чиновники занимались преимущественно разрешением спорных дел, окончательным оформлением документации, выдачей документов в виде планов и межевых книг владельцам. Данное мероприятие позволило стабилизировать земельные отношения в крае.

А.А. Даутов¹

**Сенаторская ревизия Оренбургской губернии в 1799–1800 гг.
(по материалам межевых учреждений
Оренбургской губернии)**

Сенаторские ревизии сыграли важную роль в укреплении и развитии российской государственности. Они являлись своеобразными органами чрезвычайного надзора за деятельностью органов государственной власти, сельского самоуправления и судебных инстанций Российской империи. Эти проверки позволили обратить внимание руководства страны на необходимость поддержки соответствующих отраслей хозяйства, выделить приоритетные направления среди них. Одной из таких масштабных проверок деятельности государственных учреждений Урало-Поволжья стала ревизия Вятской, Казанской, Оренбургской губерний, проведенная сенаторами М.Г. Спиридовым и И.В. Лопухиным в период с 1 декабря 1799 по 7 августа 1800 г. Проведение данного мероприятия совпало по времени с организацией Генерального межевания земель в одноименных губерниях. Ревизоры изучили и дали оценку деятельности межевых учреждений, на которые возлагалось определение принадлежности площади различных угодий в этих губерниях по владельцам. Примеры взаимодействия ревизоров и межевщиков можно показать по материалам Оренбургской губернии.

Материалы по сенаторским ревизиям не могли остаться незамеченными исследователями. Историки часто обращаются к данной проблеме, но в основном в контексте изучения истории управления. О роли ревизий в межевых работах сказано мало, хотя они были важны, так как межевые учреждения были неподконтрольны местным властям. Из дореволюционных исследователей нужно выделить А.Э. Нольдэ, который в своей работе описал подготовку и ход ревизии, опираясь на законодательные материалы. Из советских авторов этой проблемой занимался В.Н. Бочкарев, который впервые обозначил связь между губернской реформой Павла и сенаторской ревизией. В 60-е годы

¹ *Даутов Азат Алтынбаевич*, Академия наук Республики Башкортостан, Sattar88@yandex.ru, Россия, г. Уфа.

XX в Э.С. Паина посвятила свою работу анализу комплекса архивных материалов по сенаторским ревизиям. Из современных авторов можно отметить Н.Л. Семенову, у которой есть специальная работа по сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1800 г. Также представляют интерес работы А.И. Акманова, где дается характеристика ревизии на территории Оренбургской губернии по изучению документации Межевой конторы, которую проводили сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин.

Одним из важнейших принципов измерений являлось деление территории края на сеть условно-территориальных единиц – «межевых дач». Практическую работу по формированию границ дач обеспечивал персонал Оренбургской межевой конторы, который официально приступил к работе с лета 1797 г., когда Сенатом было принято решение об организации измерений в губернии. При этом своеобразным центром межевания стал не губернский город Оренбург, а один из уездных городов – Уфа, так как располагался в географическом центре края и здесь имелось много присутственных зданий, которые являлись своеобразным наследием прежней системы провинциального управления. В частности, при обсуждении вопроса о дислокации межевой конторы было обращено внимание на ограниченность ассортимента жилых строений в Оренбурге и более широкий спектр домов в Уфе для возможного размещения персонала. С мая 1798 г. именно отсюда стали осуществляться практические измерения с выездом членов землемерных команд на местность для определения границ межевых дач.

При организации ревизии сенаторы обратили внимание на порядок решения спорных дел и общее состояние документооборота. Одно из первых замечаний по деятельности межевого ведомства было связано с необходимостью более раннего направления членов землемерных команд для проведения практического межевания на местности. Было обращено внимание на потребность фиксации по дням и часам всех действий межевщиков в случае длительного рассмотрения обстоятельств конкретного дела. Другое важное пожелание было связано с необходимостью соблюдать интересы нерусских народов данной губернии.

Большую ценность представляет информация о деятельности Оренбургской межевой конторы, представленная на утверждение ревизорам летом 1800 г. Здесь показано общее количество измеренных дач за полевые сезоны 1798, 1799 и за май-июнь 1800 гг., общая протяженность движения землемерных команд по границам измеренных дач в верстах и саженьях, площадь измеренных дач, количество подготовленных планов и межевых книг. В целом эти показатели показывают большой объем проделанной работы, так как по Оренбургской губернии к 1800 г. была измерена площадь 460 дач, которые включали площадь в 3308214 десятин 1765 саженьей. Однако официально утвержденные планы и межевые книги получили всего 5 владельцев дач. Следует отметить, что постепенно росло количество дел, связанных с проведением земельных измерений. Так, в 1798 г. было зарегистрировано 508 дела по Оренбургской межевой конторе, в 1799 г. – 719, в 1800 г. – 412. Появление ревизоров мобилизовало землемеров и к июлю 1800 г. оставалось уже 148 нерешенных дела. Заслуживают внимания причины, по которым затягивалось принятие конкретного решения. Среди них 21 дело являлось спорным, т.е. были зарегистрированы две и более сторон конфликта, которые не могли найти компромиссного решения. Другими причинами, которые затягивали принятие межевых вердиктов являлись попытки апелляции – 35 дел, соседство с казенными угодьями – 26 дел, превосходство над 15-десятинной пропорцией земли из расчета на количество крестьянского населения – 54 дела, размещение селений казенных крестьян на дворянских землях – 5 дел, ограничения, поступившие из различных присутственных мест – 7 дел.

Выводы относительно работы Оренбургской межевой конторы ревизоры представили в письме от 6 августа 1800 г. к главному директору Межевой Канцелярии Н. Маслову. Принципиальным недостатком работы межевого учреждения являлось отсутствие оперативности в оформлении как текущих делопроизводственных материалов, так и правоустанавливающих документов для совладельцев дач. При этом обращается внимание на «...недеятельность губернской межевой конторы в делах по жалобам на землемеров и

всегда в обиде на каких-нибудь безгласных и безграмотных башкирцев, мешчеряков и прочих в пользу какого-либо богатого заводчика или помещика». После этого ревизоры отмечают наличие определенного негативного имиджа среди местного населения применительно к межевщикам. Одним из вариантов решения данной проблемы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин видят в усилении властных полномочий губернской администрации над персоналом Оренбургской межевой конторы. Следует отметить, что деятельность ревизоров в определенной мере ускорила работу персонала межевой конторы в последующие годы. Об этом свидетельствует завершение большей части полевых измерений к 1806 г.

Ю.Н. Смирнов¹

**Вопрос о землях башкир в Степном Заволжье
в конце XVIII – первой половине XIX в.**

В заселении Заволжья к югу от р. Самары наряду с другими народами приняли участие башкиры. По протекающим тут степным рекам башкир этой группы называют иргизско-камеликскими. Их земли в современных Самарской и Саратовской областях являются самыми западными, где компактно проживает башкирское население.

Изучение вопроса о наделении их этими землями в конце XVIII – первой половине XIX в. обеспечено документами Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, статистическими справочниками, сочинениями краеведов и этнографов. Среди источников следует выделить два. Официальная позиция властей показана в деле, возникшем по докладу комиссии генерал-майора Черкасова и полковника Бутовского (1834–1839). На него возразил В.А. Перовский 29 мая 1840 г., подав «Мнение Оренбургского генерал-губернатора о заключении Комиссии, Высочайше утвержденной для размежевания Саратовских башкир, Букеевских киргиз и Уральских казаков». Наблюдения современника отражены

¹ *Смирнов Юрий Николаевич*, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

в очерке «Башкирцы». Его написал в 1854 г. казачий офицер и историк И.И. Железнов.

Железнов среди старожилов встретил только переселенцев, пришедших сюда на рубеже XVIII–XIX вв., а потому справедливо отнес к этому времени появление здесь башкирского населения. Оно появилось на землях, покинутых калмыками во время исхода из России в 1771 г. Первоначально занятые башкирами степи тянулись на 400 верст от верховьев Иргиза до Узеней и Камыш-Самарских озер. Не обошлось без конфликтов с потоком переселенцев, состоявшим из русских и украинцев. Началась долгая судебная тяжба.

Во время проведения Генерального межевания в 1806 г. башкиры подали претензии на «Приузенские, Чижинские и Иргизские земли» тогдашней Саратовской губернии. В доказательство своих прав они предъявили вотчинные грамоты царей на владение земель, которые оказались к делу не относящимися, поскольку касались иных территорий. Оренбургская межевая контора (1825), столичная Межевая канцелярия (1826) и Межевой Департамент Сената (1831) отвергли законность земельных претензий башкир. Однако с учетом «долговременного жительства их на сих землях и неудобности переселения башкир в отдаленные вотчины» сочли возможным наделить их из расчета 206 дес. на душу м.п. В то время русский крестьянин-переселенец мог получить 15 дес., украинский чумака-солевозчик – 30 дес. на душу м.п.

Первоначально речь шла о наделении земель 762 душ м.п. Однако к 1840 г. численность башкир в завожской степи выросла до 1790 душ м.п., включая 11 семей присоединившихся каракалпаков.

Другим предметом спора стало место земельного отвода. Сенат хотел расселить башкир «на вершинах Иргиза и Каралыка». Башкиры же желали остаться в прежних местах жительства, в т.ч. при Чижых и Узенях, утверждая, что повсеместно переходят к земледелию и оседлости. Они строили деревни и в них мечети, полагая, что из постоянных поселков выселять их не будут, и земли, таким образом, останутся за ними.

В 1832 г. их перечислили из Башкирского в Уральское казачье войско. По роду и месту новой службы башкиры получили допол-

нительные основания для закрепления степных земель. В 1834 г. Николай I утвердил решение Комитета Министров о временной передаче каждому башкирскому зимовью по 10 тыс. дес. Комиссия Черкасова – Бутовского в 1839 г. сочла за лучшее оставить за башкирами земли и по южным речкам, считая в тягость переселение всех на Иргиз и Каралык.

С возражениями выступил оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский. Оба главных козыря башкир в земельном споре, оседлость и служба, ставились под сомнение. Сельскохозяйственные занятия башкир, как правило, ограничивались кошением нескольких стогов сена для двух-трех коней и коров. Остальной скот находился круглый год в степи, добывал корм зимой из-под снега, иногда погибая от бескормицы. Посев обычно составлял 1–2 дес. проса. Луга и земли при этом не лежали втуне, но приносили пользу не башкирам. Многие русские крестьяне и купцы разбогатели на аренде башкирских земель, торгуя собранным на них хлебом и перепродавая распаханые участки за гораздо большую плату.

Среди башкир выделялись своим достатком те, кто всерьез занялся хлебопашеством, имел волов, на которых распахивал землю. Однако большинство башкир распашку, уборку хлеба и заготовку сена производили наймом крестьян. Хозяйство заволжских башкир не смогло еще приблизиться к уровню русских и украинских соседей. Обширные угодья башкир уходили в чужие руки. Это видели власти, нуждавшиеся в пополнении фонда казенных земель для увеличения доходов от аренды и для переселения государственных крестьян. По отчету комиссии Райского (1843), земли, на которые претендовали башкиры, составляли свыше 650 тыс. дес., в т.ч. 440 тыс. дес. удобных сельскохозяйственного угодий. На них можно было водворить более 34 тыс. душ м.п. крестьян, а в Башкирском отделении Уральского войска в 1846 г. числилось 2382 мужчины, 2507 женщин, всего 4889 душ об. п.

Все меньше учитывалась властями служба башкир, поскольку ее объем был невелик. В 1863 г. башкиры вообще перестали считаться военным сословием. Из южного Новоузенского уезда их переселили в 1865–1868 гг. севернее в Николаевский уезд к однопле-

менникам, жившим на берегах Иргиза и Камелика. Это не привело ни к ликвидации, ни к заметному стеснению самых западных башкир России. Отведенные им угодья в целом соответствовали хозяйственным потребностям наличных жителей. Две волости, Имилевская и Кузьябаевская, были составлены в основном по национальному признаку. Фактически в рамках обычного волостного самоуправления башкиры получили некоторую национальную автономию. Эта возможность сохранить культуру и самосознание наряду с развитием хозяйственной жизни была иргизско-камеликскими башкирами успешно реализована в дальнейшем.

А.Н. Долгих¹

**Дворовые люди дореформенной эпохи
глазами российского дворянства (1796–1855 гг.)**

Одним из важных и недостаточно изученных до настоящего времени источников по социальной истории России дореформенного периода являются дворянские проекты решения крестьянского вопроса, поступавшие в различные высшие, центральные и местные структуры империи, а также мнения и высказывания по данной проблематике государственных и общественных деятелей, представителей тогдашнего «общества». В течение ряда лет нами проводился поиск подобных свидетельств по эпохе 1796–1855 гг., то есть по периоду правлений Павла I, Александра I и Николая I. К настоящему времени нами собрано 1603 таких документа или мнения, представляющие примерно 2921 лицо (по самым скромным прикидкам, не менее 95 % авторов этих проектов были потомственными дворянами: вопрос об этом важен, так как не всегда легко определить принадлежность того или иного автора к тому или иному сословию или сословной группе). В целом, существующие данные позволяют говорить о совокупной позиции именно этой ведущей категории, элиты правящего сословия. Многие из этих дворянских проектов были опубликованы нами в 11 томах

¹ Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, adonli@mail.ru, Россия, г. Липецк.

сборников документов по данной тематике, вышедших за последние 20 лет – с 1999 по 2016 гг.

Абсолютные цифры здесь не столь важны, так как они носят в ряде случаев приблизительный характер, а вот цифры, представляющие разного рода соотношения внутри этого массива документов, действительно, дают нам новое знание, в частности, применительно к отношению их авторов к одной из категорий владельческого крестьянства той поры – дворовым людям (выполнявшим разного рода работы по обслуге помещика и др.). Особенно они показательны в сравнении с подобными выкладками в отношении собственно владельческих крестьян, то есть «сидящих на земле». Эти данные удобно исследовать по 29-летиям (царствование Павла и Александра вместе и отдельно царствование Николая – и там, и там периоды примерно по 29 лет), что позволяет лучше выявить наличие здесь определенных тенденций в отношении позиций дворянства по данному вопросу.

Остановимся здесь на сопоставимых цифрах. Например, критика авторами проектов в отношении существования продажи людей без земли (как одного из крайних проявлений крепостнического «рабства») в отношении собственно крестьян и дворовых дает примерно одни и те же цифры – 299 против 250, или 3 к 2,5 (108+191 и 81+169). Здесь стоит иметь в виду, что без земли как раз преимущественно и продавали дворовых людей, но это, правда, не всегда бросалось в глаза авторам проектов, обращавшим больше внимания именно на крестьян, своих «кормильцев», а данные о продаже дворовых часто можно выяснить лишь косвенно, поэтому цифры в отношении их достаточно примерны. Но очевидно, что именно критика данного явления авторами проектов в отношениях помещиков-землевладельцев и этих разных категорий владельческой деревни выглядит примерно одинаково.

Но вот все другие параметры выглядят иначе. Так, наказания помещиками крестьян и дворовых рассматриваются авторами проектов по-разному. Данные здесь соотносятся примерно как 3,5 к 1 (277 к 89: 84+93 и 18+71). В отношении мер контроля за жестокими помещиками данное соотношение выглядит как 2,3 к 1 (365 к

170: 113+252 и 23 и 147). И в том, и в другом случае налицо резкое отставание дворовых от собственно крестьян. С другой стороны, явно заметен рост внимания дворянства к урегулированию отношений помещиков и дворовых именно в николаевскую эпоху, в которую и вообще-то больше внимания уделялось смягчению крепостного права и ограничению его крайностей.

Сложно говорить о таком вопросе как сравнение цифр возможного и действительного освобождения собственно крестьян и дворовых в этом массиве документов. Абсолютные цифры здесь обескураживают: соотношение между ними выглядит как 10 к 1 (544 к 23 (287+257 и 21+32)). Даже если мы примем во внимание, что в большинстве случаев, особенно в александровское время, прожектеры о многих параметрах освобождения говорили вообще, без детализации, все равно разрыв здесь слишком велик. Однако общая тенденция тем не менее ясна: помещики-дворяне в меньшей степени хотели освободиться от дворовых, без которых не могли обходиться из-за барских привычек, сложившихся за много десятилетий крепостничества; крестьян же определенное число их готово было освободить или совсем без земли, или на условиях, напоминающих указ об обязанных крестьянах 1842 г. (правда, желание освободить крестьян в последние предреформенные десятилетия по этому указу высказали не многие из них, но здесь были вполне объективные причины, прежде всего, отсутствие гарантий в этом государственном акте в плане воздействия помещиков на их «подданных» в случае нарушения последними своих обязательств по договорам).

Также показательны и данные по дворовым в сравнении указанных нами выше двух периодов. Так, в отношении ограничения их числа за первые 29 лет было 27 упоминаний, за вторые – 138 (всего 165), в отношении запрета перевода крестьян во двор – 23 и 139 (всего 162), приписки в цехи – 5 и 13 (всего 18). Остальные данные, с нашей точки зрения, малопродуктивны для анализа.

Что же нам дает анализ данного массива документов? Очевидно, что потомственное дворянство России в это полустолетие перед реформой с гораздо большим вниманием относилось к оконча-

тельному решению проблемы крепостного права в отношении крестьян, нежели дворовых (хотя, казалось бы, в отношении последних это сделать было проще). Причиной этого были, кроме сложившегося бытового уклада дворян, и разное отношение к собственно крестьянам-кормильцам в духе тезиса «отцы и дети» и дворовым – лукавым бездельникам, что в той или иной степени получило отражение и в русской литературе того времени – например, у Н.В. Гоголя в его «Ревизоре» и «Мертвых душах».

Л.М. Артамонова¹

Мероприятия по наделению крестьян-переселенцев землями Ставропольского калмыцкого войска в середине XIX в.

Источниками данного сообщения послужили документы из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, а также Государственного архива Оренбургской области. Используются также материалы различных статистических описаний, опубликованных в XIX в.

Главным проводником переселенческой политики в дореформенной России являлось Министерство государственных имуществ и его местные структурные подразделения в виде губернских казенных палат. Не без поддержки властей именно государственные крестьяне стали самой заметной струей в потоке переселенцев, что и определило их безусловное преобладание среди всех прочих социальных групп, участвовавших в заселении Заволжья.

По указу от 8 марта 1841 г. начался перевод казаков внутренних кантонов Оренбургского войска, расположенных в Самарском крае, на восток на новую пограничную линию. В 1842 г. вслед за казаками из Заволжья были выселены крещенные ставропольские калмыки.

Главная причина ликвидации иррегулярных войск в этом крае состояла в поисках территорий для новых переселенцев-крестьян.

¹ *Артамонова Людмила Михайловна*, доктор исторических наук, Самарский государственный институт культуры, artamonovoi@mail.ru, Россия, г. Самара

К решению о выводе калмыцкого населения с земель Ставропольского и Самарского уездов Симбирской губернии подталкивало и постоянное снижение его численности. Рождаемость среди крещеных калмыков на протяжении первой половины XIX в. уступала смертности. Если в 1803 г. их здесь насчитывалось 2648 душ м.п., то к 1833 г. осталось 1790 душ м.п.

Калмыки Ставропольского войска распределялись в военном и административном отношении по ротам (улусам). В большинстве рот обеспеченность землей составляла около 100 дес. на одну душу м.п. или немногим более (Ягодинская – 15268,3 дес. на 153 души м.п., Сусканская – 11210,3 дес. на 114 душ м.п., Авралинская – 10202,5 дес. на 105 душ м.п., Предтеченская – 24383,9 дес. на 233 души м.п., Кобельминская – 26783,6 дес. на 208 душ м.п., Красная – 26706,4 дес. на 272 души м.п.). В остальных ротах наделение угодьями было гораздо выше этого показателя (Преображенская – 33541,8 дес. на 173 души м.п., Чекалинская – 30114,1 дес. на 126 душ м.п., Раковская – 29269,0 дес. на 160 душ м.п., Теневская – 22877,7 дес. на 142 души м.п.). В Курумочинском улусе, пожалуй, наиболее ценном для оседлого земледельческого населения, поскольку лежал почти на волжском берегу между двумя административными центрами, Самарой и Ставрополем, это соотношение достигало чуть ли не 300 дес. на душу м.п. (24331,3 дес. на 84 души м.п.). Ликвидация калмыцкого войска предоставляла под земледельческое освоение угодья площадью почти в 0,3 млн дес.

Во второй половине 1840-х гг. прежние земли Ставропольского войска стали первостепенным объектом внимания Министерства государственных имуществ, в чье распоряжение они перешли под названием казенных Самаро-Ставропольских земель. Сюда предполагалось вести переселение по особым правилам. Новые поселки здесь должны были стать примером для российской казенной деревни. В каждом сельском обществе, составляемом из нескольких сел и деревень, предусматривалось возведение еще до прибытия переселенцев общественных зданий (хлебных магазинов, домов старшины и писаря, сельских управлений и помещений

для приезда чиновников, школ, сараев для помещения пожарных инструментов, общественных бань) и восьми образцовых крестьянских изб. На каждое сельское общество выделялось около 10 тыс. дес. удобной земли. Эта земля делилась на семейные участки по 39 дес.: 1 дес. усадьбы, 32 дес. пашни, 3 дес. сенокоса, 2 дес. выгона и 1 дес. леса. Всего было запланировано создание 12 новых сельских обществ в течение 24 лет, то есть по одному обществу за каждые два года.

Несмотря на то, что доклад П.Д. Киселева об учреждении семейных участков на Самаро-Ставропольских землях был высочайше утвержден еще 14 февраля 1844 г., в 1848 г. министр государственных имуществ вынужден был признать: «5 лет тянется это дело безуспешно от того, что не сосредоточено его действие». Только к концу 1848 г. были закончены работы по подготовке к приему первых переселенцев в Николаевское сельское общество по р. Степной Чесноковке. Оно было составлено из села Николаевского (Никольского), деревень Александровки, Сосновки, Федоровки, Ниж. и Верх. Константиновки, Павловки, Алексеевки, Владимировки. Все-го к началу 1853 г. в указанное сельское общество было водворено 204 семьи, а еще в одно Вязовское общество – 80 семей.

Хотя контроль за переселением на данные земли был строгим, но и здесь не обошлось без самовольных сходцев. В первый же год заселения Николаевского общества в нем оказалось «11 семейств, самовольно туда зашедших, коих впоследствии разрешено было принять». П.Д. Киселев не отступил от местной традиции и собственной позиции признания даже незаконных переходов с целью недопущения отягощения и разорения государственных крестьян, решившихся на такой шаг.

Одно из самых крупномасштабных мероприятий позднего государственного феодализма в России осталось так и не завершенным. Отмена крепостного права, в том числе в казенной деревне, изменила условия завершения освоения и заселения казенных Самаро-Ставропольских земель в пореформенную эпоху. Однако и в данном случае деятельность П.Д. Киселева и возглавляемого им министерства благоприятно сказалась на ходе освоения Заволжья,

как и других окраинных земель России. Можно согласиться с положительной оценкой проводимого им курса на свободную, хотя и подконтрольную колонизацию восточных районов страны. Этот курс сопровождался действиями по оказанию переселенцам реальной помощи материального и правового порядка, образцом которой явились и планируемые мероприятия по заселению бывших земель Ставропольского калмыцкого войска.

Р.Б. Зайтунов¹

Башкирские родословные в контексте земельных отношений XVI–XIX вв.: контуры геоинформационного анализа

Исследование пространственных процессов представляется наиболее целесообразным для анализа социальной динамики групп населения в их исторической ретроспективе. Территория проживания различных групп населения имеет особенную локализованную характеристику, регламентирующую как топонимические, этнонимические, гидронимические категории. В этой связи важным инструментарием является геоинформационная система с соответствующей базой данных.

В родословных башкирских родов обозначены некоторые ключевые определения по топонимическим характеристикам местности, которые определяют ареал владения землями той или иной группы волостных вотчин. Их информативность и размещение по конкретным локальным географическим точкам позволяет выделить исходные позиции по расположению определенной группы родовых подразделений башкирского населения.

Труды исследователей по исторической топографии края, различные источниковые материалы и сведения Генерального межевания земель с указанием отдельных дач и экономических примечаний имеет исследовательскую перспективу для геоинформационного позиционирования. Данное решение позволит выявить векторы миграций родовых групп башкир в условиях измене-

¹ *Зайтунов Расих Батырович*, кандидат исторических наук, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, zaitrasich@gmail.com, Россия, г. Уфа.

ний социально-экономического характера. Картографический материал о расположении родовых групп и башкирских дач, который был разработан С.И. Руденко, является важным этапом в изучении данной темы.

Земельные отношения в Башкирии второй половины XVI – XIX в. имеют ряд особенностей, складывание которых связано с сохранением ряда аспектов родоплеменной системы управления. Следует отметить, что родовые группы башкир (бурзяны, тамьяны, усерганы, минги, дуваны, табыны, юрматы, буяры и др.) сохраняли свои права на владение землями, главным образом на основе шежере – генеалогических родословных с краткой информацией о жизнедеятельности соответствующей группы башкир. Эти источники являлись основными правоустанавливающими документами, фиксировавшими основных родственников по мужской линии. Данные группы людей были совладельцами общинной земли. Сведения из этих документов население края учитывало при оформлении земельных сделок во второй половине XVI – XVIII в. Родословные башкирских родов (шежере) – это прежде всего источник по целому ряду генеалогических и исторических сюжетов. Однако не менее важным представляется исследование тех записей, где охарактеризованы права владения землями каждой из родоплеменных групп башкир.

Например, в шежере родоплеменной группы юрматынцев интересным представляется описание границ земель каждой тюбы (территории рода). Так, «...земли от верховья р. Ашкадара до низовья его с вытекающими с обеих сторон речками, с лугами, камышами и степями, от речек Угуя и Мекетевли до низовья Нугуша с впадающими в них речками, сделали одной долей. И еще земли от низовья Нугуша с вытекающими с обеих сторон р. Идели (Белая) речками, с их деревьями, лугами, с истоками речки Тор и истоками речки Селеук, от дерева со сломанной вершиной и от седловины горы Туратау сделали одной долей. И земли Туратау и Шахтау, и Куштау от устья Стерли и от верховья Куганака с Уршаком с возвышенностями между ними и стекающими с них речками и впадающими в Асау речками сверху донизу, и с лугами их сделали од-

ной долей. И земли от устья Уршака, Асау, от лесочка Маленький Буляк, Бурсык, затем от горы Юрактау с долиной Каратугай по р. Идели (Белая) от Кукуша, Зигана, с впадающими в них речками и потоками, от верховья Каламана, от верховья Тора и Шинешмы, сделали одной долей»¹. Эти доли земли были распределены между главами (мирзами) рода Юрматы по жребью. Источник указывает уплату ясака на владение землями в четырех вотчинах.

В трудах П.И. Рычкова и С.И. Руденко отмечаются некоторые характеристики дробления крупных родовых объединений на более мелкие «тюбы» и «аймаки»². В этой связи очень важной представляется информация, предложенная С.И. Руденко в картографических материалах родовых групп и земельных башкирских дач. Автор сопоставил сведения П.И. Рычкова по тюбам и аймакам, которые датируются серединой XVIII в. с информацией от членов межевых комиссий, подготовленных в начале XX в. Башкирские дачи по итогам Генерального межевания земель в Оренбургской губернии оказались во многих случаях размежеваны в пределах проживания прежних родовых групп башкирского населения.

Исследование характера взаимоотношений родовых подразделений приобретает актуальность и с учетом бурных политических событий XVIII в. на территории края. Изменениям в системе земельных отношениях способствовали башкирские восстания 30–50 гг. XVIII в. (И.Г. Акманов) и Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е. Пугачева (И.М. Гводикова), приведшие к дальнейшему переделу бывших родоплеменных владений. Работы Н.Ф. Демидовой, А.И. Акманова показывают, что и в Новое время земельные отношения на территории края изменялись в контексте новых реалий, отражающих как инициативы

¹ Башкирские родословные / Сост. Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов. 2-е изд. Уфа, 2016.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. (Сочинение П.И. Рычкова 1762 года.) Оренбург, 1887; Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

в земельном законодательстве, так и результаты активного экономического освоения края¹.

Таким образом, материалы родословных башкир могут быть своеобразной основой для характеристики территории проживания отдельных башкирских групп населения. Возможность геоинформационного подхода разрешает ряд важных задач исследования. В частности, указанные в родословных записях или же в исковых или купчих документах территории отдельных родовых подразделений, разделенные на «аймаки» (территория села) или «тюбы» (территории выгонов, летних кочевков), имеет смысл сопоставить с использованием геоинформационного способа с материалами Генерального межевания земель в Башкирии. Одновременно, цифровую геолокализацию родовых групп башкир целосообразно произвести в контексте смены постоянного места проживания некоторыми группами родов или смежного проживания их на отдельной вотчинной земле. Кроме того, необходимо учитывать немаловажные обстоятельства, которые связаны с институтом вотчинного права башкир (родовых групп) и некоторыми тенденциями сельских общин, предпринявших одностороннюю попытку отмежеваться от основных его положений. При этом вотчина воспринималась хозяйствующими субъектами не только как норма обычного права рода, но и как защищаемое государством и приобретающее в той или иной редакции правовое положение, широко используемое в гражданской юрисдикции. Эти процессы важно проецировать в общем ключе динамики социально-экономического развития региона, который вносил существенные коррективы в контуры развития башкирского общества в XVII–XIX вв.

¹ Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX вв. Уфа, 2007; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016; Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. Н.Ф. Демидова; под ред. Н.В. Устюгова. М.: Л., 1949.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ П СЕКЦИИ
Вторая половина XIX – начало XX в.

О.В. Смурова¹

**Вклад крестьян-отходников в развитие деревенской
инфраструктуры во второй половине XIX – начале XX в.
(микросторический подход)**

Увеличение в пореформенный период масштабов отхода крестьян на заработки в строившийся тогда Санкт-Петербург, сопровождавшееся выделением из среды крестьян лиц со значительными капиталами, сохранявшими как крестьянский статус, так и становившихся мещанами или купцами, имело своим следствием развитие деревенской инфраструктуры. Немаловажное значение имел тот факт, что для отходников, какой бы статус они ни приобретали, именно деревня оставалась «домом».

Причем, в данном случае мы можем говорить, как о развитии производственной инфраструктуры (создание предприятий в деревне, смежных с профилем работы в столице, а также – рабочих мест в деревне по завершении практики отхода зажиточным крестьянином), так и о развитии непроизводственной инфраструктуры (вклад в народное образование, благоукрашательство местных храмов). Подобным примером может служить деятельность Ивана Ивановича Поляшова, крестьянина д. Погорелова Алешковской волости Чухломского уезда Костромской губернии, ставшего почетным гражданином, который по завершении практики отхода на заработки в Санкт-Петербург, располагая средствами, организовал работу мельниц, лесопильного завода, торговлю тесом, вместе с тем был старостой приходского храма, занимался благотворительностью. В д. Лобачи Галичского уезда той же губернии были построены заво-

¹ *Смурова Ольга Вениаминовна*, доктор исторических наук, olga-smurova@mail.ru, Россия, г. Кострома.

ды по изготовлению клея братьями Ласаевыми, которые поставляли продукцию высокого качества в Санкт-Петербург, необходимую для выполнения земляками строительных работ. Бытовая инфраструктура также развивалась благодаря отходничеству (строительство домов, создание сети предприятий торговли). В д. Льгово Галичского уезда существовала целая улица домов, построенная подрядчиком Седовым для семей отходников, отчего она и стала называться Седовская. Подрядчики нередко давали вперед деньги на приобретение или ремонт жилища, на свадьбу, приобретение скота, наконец, на дорогу до места работы, Санкт-Петербурга.

Изучение феномена отхода крестьян на заработки в столицу на примере северо-западных уездов Костромской губернии позволяет говорить о значительном влиянии отходников на развитие народного образования в данной местности. В Чухломском уезде, делившемся на 12 волостей, по данным 1897 г. насчитывалось 55153 человека. Отхожих промышленников было зарегистрировано 10316 человек, что составляло более половины мужского населения уезда – 51,76 %. Изучение состава попечителей в сфере народного образования позволило установить, что отходники состояли попечителями в 6 училищах и 5 церковно-приходских школах (возможно, что и попечители других учебных заведений тоже были из числа отходников). Попечителем Озерковского начального училища с 1878 г. был личный почетный гражданин Александр Логинович Логинов, владелец столярной мастерской в Санкт-Петербурге. Интересно то, что Логинов не был формальным спонсором. Документы свидетельствуют, что он с большим интересом относился к подбору кадров для училища. В 1903 г. решался вопрос о том, кто будет возглавлять Озерковское училище. Предложенная кандидатура – особа женского пола. Логинов поначалу рьяно выступал против нее, но потом доводы священника, представителей училищного совета уезда убедили его в обратном, и 29 августа 1903 г. он написал примирительное письмо, которым соглашался на то, чтобы возглавила училище потомственная дворянка Лидия Ивановна Перфильева. Михалевское начальное народное училище было под опекой Санкт-Петербургского потомственного

почетного гражданина Ивана Пирогова; Алешковское – крестьянина д. Тимофеевское Ивана Николаевича Баева, также проживавшего в Санкт-Петербурге (Конная ул. в собственном доме № 7) и торговавшего в столице мясом; Шартановское – купеческого сына Василия Ивановича Купцова; Введенское – крестьянина д. Головинское Григория Захарова (проживал в Санкт-Петербурге на Аптекарском острове, Песочная ул., 19). По приговору волостного схода крестьян в 1902 г. был избран на должность попечителя Коровского начального училища крестьянин д. Степанова Иван Евгеньевич Бобров (проживал в Москве).

Попечительницей Шартановской школы была жена Санкт-петербургского почетного гражданина Параскева Ивановна Парфенова; попечителем Дорковской – уже упомянутый Иван Иванович Поляшов; Титовской – московский мещанин Семен Сулоев; Морозовской – купец 2 гильдии Николай Аполлонович Завьялов; в с. Троицы, что у Голов, – крестьянин с. Мальгина Каликинской вол. Иван Андреев Херов. Великопустынская церковно-приходская школа строилась при участии его же и Мартьяна Сазонова, владельца уникального дома в д. Асташево, построенного предположительно по проекту Санкт-петербургского архитектора И.П. Ропета. Известно, что они обращались за помощью к другим землякам, жившим в Москве и Санкт-Петербурге.

Особо следует сказать о Санкт-петербургском ремесленнике крестьянине с. Сельцы Галичского уезда Костромской губернии Антипе Абрамовиче Абрамове, который не только выделил на местную церковно-приходскую школу до 8 тыс. рублей, но и подарил школе шатровую мельницу, чтобы она могла иметь постоянный доход для самообеспечения и развития.

Статистика конца XIX в. фиксировала факт более высокого уровня грамотности в местностях, где были развиты неземледельческие промыслы. Данные о проценте грамотных среди новобранцев к числу принятых на военную службу в 1897 г. таковы: Ярославская губерния – 85,5 %, Костромская – 63,7, Владимирская – 71, Нижегородская – 50,7, Тверская – 73,2 %. Выявленные сведения о попечителях училищ и школ из числа отходников позволяют объ-

яснить более высокий уровень грамотности не только проживаем в городской среде, стремлением к общению с родственниками посредством писем, но и материальной и практической поддержкой крестьян, совершивших социальное восхождение.

А.В. Перепелицын¹

Аренда и покупка земли в крестьянских хозяйствах Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX в.

Содержание и условия осуществления разнообразной сельскохозяйственной деятельности предъявляли особые требования к физическим и психологическим качествам крестьян. Они с малых лет приобщались к нелегкому труду земледельца и животновода, в своем большинстве были к нему хорошо подготовлены. Крестьяне, как правило, имели длительный опыт хозяйствования, обладали необходимыми познаниями и умениями, связывали свое будущее с аграрным производством. Обеспечение необходимых ресурсов и средств для жизни и деятельности являлось главной задачей их хозяйств, поэтому крестьяне искали пути к выживанию и адаптации даже в самых неблагоприятных ситуациях.

Важнейшей тенденцией пореформенного крестьянского хозяйства Центрального Черноземья явилось повсеместное и все увеличивавшееся распространение аренды и покупки земли, что отражало глубинный процесс проникновения в российскую деревню рыночных, товарно-денежных отношений. В условиях модернизации крестьянство выступало в качестве активной силы, стремившейся к использованию различных способов улучшения земельной обеспеченности своих хозяйств, созданию более приемлемых условий производства, повышению уровня жизни. К аренде и покупке земли прибегали все группы крестьянских хозяйств, хотя и с разной интенсивностью, и в неодинаковых масштабах (основная масса поступавшей в этот оборот земли концентрировалась у зажиточных крестьян).

¹ *Перепелицын Александр Викторович*, доктор исторических наук, Воронежский государственный педагогический университет, avr64@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

Данные по уездам Курской губернии показывают, что в 1880-е гг. от четверти до трети крестьянских хозяйств снимали землю, а в уездах Воронежской губернии в 1900 г. – чуть меньше половины. Причем в большинстве случаев крестьяне арендовали пашню, в первую очередь обращая внимание на отрезки и земли, вклинивавшиеся в крестьянские наделы. Доля арендованной земли составляла в регионе 13 % по отношению к наделной в 1881 г. и 21 % – в 1900 г. Наблюдалось большое разнообразие целей, видов, условий аренды. По оценкам, преобладала краткосрочная (на один год) аренда помещичьих земель, а арендные платежи значительно колебались в зависимости от спроса, качества и расположения земли, продолжительности аренды. При этом нужно иметь в виду, что крестьяне арендовали и наделные земли, к этому прибегали, по данным земской статистики, 20 % крестьянских хозяйств Курской губернии, 26 % – Воронежской губернии. Положительное воздействие от аренды земли в наибольшей степени проявлялось в середняцких и зажиточных хозяйствах. Устойчивый спрос со стороны крестьян на землю способствовал росту арендных цен. Так, в Курской губернии аренда одной десятины пашни в 1861 г. оценивалась в 5–7 руб., а в 1885 г. – аренда под озимый сев могла достигать до 27 руб. за десятину¹. Особое увеличение арендных цен фиксировалось в местах развития свеклосахарного производства. При заключении арендных сделок нередко применялись разного рода кабальные схемы. По данным земских переписей, почти 70 % крестьян арендовали землю за деньги, 21 % – издольно, 9 % – за отработки. Натуральная плата за аренду оказывалась наиболее тяжелой для съемщиков земли. Чисто финансовая эффективность аренды земли для крестьян нередко оказывалась невысокой и обеспечивалась во многом особенностями семейной организации труда в крестьянском хозяйстве.

В пореформенный период неуклонно расширялось участие крестьян в сделках по покупке земли. По официальной статистике, крестьяне четырех центрально-черноземных губерний в

¹ Курская губерния: Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 169.

1863–1872 гг. приобрели в частную собственность 104,2 тыс. дес., в 1873–1882 гг. – 127,7 тыс. дес., в 1883–1892 гг. – 133,6 тыс. дес., в 1893–1902 гг. – 593,5 тыс. дес. Их доля в общей площади частновладельческой земли увеличилась с 6 % в 1877 г. до 15 % в 1905 г., составив около 8 % в структуре крестьянского землевладения. Земля покупалась отдельными хозяйствами (в большей степени), товариществами, общинами. Приобретение крестьянами земли осуществлялось самостоятельно, с помощью Крестьянского поземельного банка, а также в порядке досрочного выкупа наделной земли. Деструктивную роль при покупке земли играл спекулятивный капитал, на деле осложнявший приобретение крестьянами земли. После 1883 г. Крестьянский банк стал выступать посредником при покупке крестьянами земли, мог выдавать необходимые ссуды под залог покупаемой земли. В 1895 г. банк получил разрешение самостоятельно приобретать земли в свой фонд для последующей перепродажи крестьянам. Земельные цены в течение пореформенного периода держались на высоком уровне и выросли в 1893–1897 гг. по отношению к 1863–1867 гг. в Воронежской губернии на 127 %, в Курской губернии – 294 %, в Орловской губернии – 174 %, в Тамбовской губернии – 150 %. Данные за 1901 г., касающиеся двух уездов Орловской губернии, показывают, что в структуре посевов крестьянских хозяйств наделные земли занимали 58–61 %, арендованные – 29–34 %, купчие – 8–10 %, то есть арендой и покупкой земли крестьяне преследовали, прежде всего, земледельческие цели.

Итак, пореформенное крестьянство стремилось расширить свое землевладение за счет съема и покупки земли. Менее состоятельные крестьяне арендовали землю в потребительских целях, преимущественно, за отработки малыми участками на короткий срок. Зажиточные крестьяне снимали землю в больших количествах, нередко, преследуя предпринимательские цели, на более длительный срок. Земля стала объектом независимой купли-продажи, что значительно повысило мобильность земельного фонда. Она приобреталась как отдельными хозяйствами, так и в товариществе, и целыми обществами. В течение пореформенного перио-

да фиксировалось повышение арендных и покупных земельных цен, что осложняло участие в подобных операциях с землей беднейшего крестьянства. Более широкое распространение в крестьянской среде частного землевладения и арендного землепользования затруднялось недостатком свободных денежных средств, отсутствием доступного и дешевого кредита.

И. У. Минлебаев¹

**Правовое обеспечение башкирского землевладения
в 60–70-х гг. XIX в.**

Вторая половина XVI века для башкирского народа является серьезным знаменательным периодом: именно в этот период башкиры добровольно приняли русское подданство. Одним из основных требований при вхождении башкир к Русскому государству было признание башкир вотчинниками их земель.

В первой половине XIX века были проведены предварительные измерения башкирских земель. Итогом этого мероприятия стало создание системы условно территориальных единиц – межевых дач. В последующее время предполагалось постепенно разделить земли этих межевых дач между соответствующими населенными пунктами, затем и между отдельными домовладениями. Таким образом, предполагалось обеспечить землеустройство в течение достаточно длительного периода времени.

Серьезным законодательным актом стало «Положение о башкирах» от 14 мая 1863 г. С этого момента башкиры стали «свободными сельскими обывателями». Регулирование теперь было сосредоточено в губернских и уездных присутствиях по крестьянским делам. Для башкир были введены малые размеры неотчуждаемых наделов в 40 десятин на душу мужского пола по данным VII ревизии (1816 г.). В свою очередь припущенники (мишари, тептяри) имели возможность приобрести по 30 десятин на душу мужского пола. Припущенниками назывались потерявшие по каким-либо обстоятельствам свою вотчину башкиры, а также

¹ *Минлебаев Ильшат Уралович*, Национальный архив Республики Башкортостан, ilshatminlebaev@mail.ru, Россия, г. Уфа.

переселенцы из числа иных нерусских народностей Поволжья и Приуралья. После данного распределения территории башкир, не вошедшие в состав вышеуказанных личных наделов различных категорий населения, оставались в общей собственности вотчинников. Последний тип угодий можно было продать или сдать в аренду с согласия владельцев дачи. Принципиальным нововведением была возможность свободы землепользования, которое могло быть общинного либо частного типа. Из этого следует, что значительная доля жителей края была причислена к крестьянскому сословию, но для башкир было сохранено вотчинное право на их земли.

Этот нормативный акт в полной мере не затрагивал ряд задач, связанных с перемещением жителей края. Поэтому власти создали совершенно новый законодательный акт от 10 февраля 1869 г., который стал фундаментом для Специального межевания башкирских угодий. Межевые дачи обозначались как многоземельные и малоземельные. К первой группе относились дачи, где угодьями имели возможность быть обеспечены башкиры-вотчинники из расчета по 40 десятин на душу мужского пола. Малоземельными считались дачи, где вотчинники были обеспечены землей по вышеуказанной норме, а для припущенников не было никакой возможности для обеспечения земель. В случае появления опасности чересплосицы был возможен взаимный обмен земельными угодьями или обеспечивалась денежная компенсация. Осуществление указа от 10 февраля 1869 г. означало привнесение свежего импульса переселенческому процессу на земли башкир. Создание указа от 10 февраля 1869 г. дало толчок распродаже башкирских земель. При этом некоторые договора заключались по очень низким ценам. Данное действие перераспределения территорий привело к росту социальной напряженности в крае. В результате правительство внесло несколько решений об усилении контроля за земельными договорами.

В колониальном вопросе в крае инициатива и ведущая роль исходила от дворян и купцов. Государственные учреждения приветствовали незаконные сделки, а также присвоение угодий из башкирских дач по очень низким ценам. Таким образом можно

сделать вывод о том, что как покупатели, так и представители администрации имели общие интересы в данном вопросе. Коренное население края сопротивлялась земельным скупкам, организованным государством. В первую очередь оно саботировало межевые работы. В частности, башкиры мешали формированию фонда «запасных земель», не признавали владельческих прав новых собственников земельных угодий. В дальнейшие годы сопротивление башкир шло в виде погрома дворянских имений, потравы посевов, захвата пахотных, сенокосных угодий, вырубки леса.

Власти сделали некоторые выводы. Об этом говорит принятие указа от 15 июня 1882 г. Однако по данному указу торговля землей не была запрещена, но с этого момента башкирские земли могли покупать только государство или крестьянские общины.

9 мая 1878 г. правительство изменяет порядок продажи башкирских земель. Снова подчеркивалась законность сделок только в тех дачах, где было совершено размежевание башкир с припущенниками и обеспечивалось предоставление вотчинникам по 15 десятин удобной земли на душу мужского пола, по сведениям X ревизии. Здесь основным документом является решение (приговор) сельских сходов, которым принадлежит земля. В тех случаях, когда земельный участок был во владении жителей волости, то решение об отчуждении утверждалось на волостном сходе.

Данный нормативный акт обязан был осуществляться под надзором оренбургского генерал-губернатора. Документация о купле-продаже башкирских земель, где находились нарушения законодательства, подлежала аннулированию, но с условием соблюдения десятилетнего срока давности со времени совершения сделки.

Исследование выявило, что законодательные акты конца 60–70-х гг. XIX в. носили неоднозначный характер. Они показывали стремление государства сохранить земельный ресурс за башкирами, защитить их от возможных незаконных манипуляций со стороны различных покупателей. С другой стороны, уменьшение площади душевых наделов с 40 до 15 десятин показывало стремление правительства установить контроль над частью башкирского земельного фонда под видом свободных участков. Дальнейшие со-

бытия выявили, что формирование более жесткого контроля за земельными сделками предполагалось преимущественно для размещения здесь переселенцев, число которых продолжало расти.

В.Н. Фурсов¹

Земельные отношения в деревне центрально-черноземных губерний в пореформенный период

Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в. во многом обусловили социально-экономический строй русской деревни. С одной стороны, наличие остатков крепостного права сдерживало ее развитие, консервировало отсталые системы земледелия, низкий уровень сельскохозяйственной техники, увеличивало крестьянское малоземелье и аграрное перенаселение. Крестьянство страдало от частых неурожаев, неустойчивости зернового производства, кризисных явлений в животноводстве, несоответствия повинностей и налогов получаемым доходам, неполноправности. С другой стороны, капиталистические отношения постепенно приобретали всеобъемлющий характер и начинали играть существенную роль.

В пореформенной деревне распределение надельных земель как между разными категориями крестьян, так и внутри них было неравномерным. Недостаток земли испытывали все и хотели поправить дела за счет земель соседних помещиков: кулаки – обогатиться, бедняки – выжить. Существенным фактором в крестьянском хозяйстве становится аренда. Беднейшее крестьянство снимало землю мелкими участками, на более короткий срок, в основном за отработки, для удовлетворения потребностей в продовольствии. Зажиточные крестьяне арендовали больше и на длительный срок. Увеличивая производство сельскохозяйственных продуктов, вывозя их на рынок, они занимались предпринимательством. Поэтому аренда не выравнивала положения крестьян, а, наоборот, усилила экономическое неравенство. Земля становится предметом независимой купли-продажи, что вело к перераспреде-

¹ *Фурсов Владимир Николаевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный педагогический университет, inlovewithspb@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

лению земельного фонда. Крестьянами земля покупалась или всей общиной или небольшим товариществом и распределялась согласно затраченного количества денег, а не на основе уравнительной системы. Ее покупка производилась почти исключительно зажиточными крестьянами, а быстрый рост цен делал мечты о приобретении земельных угодий несбыточными для большинства деревенского населения. Такие формы расширения крестьянского землепользования и землевладения, не утоляя земельного голода, еще более обостряли аграрный вопрос и антагонизм в обществе.

Главным показателем хозяйственных достижений русской деревни может служить зерновое производство. В центрально-черноземных губерниях наблюдался определенный прогресс, выразившийся как в росте урожайности, так и в увеличении валовых сборов хлеба и картофеля, хотя удельный вес района в общих сборах по Европейской России снизился. Уменьшились сборы хлеба и картофеля на душу населения. За десятилетия 1861–1870 и 1891–1900 гг. динамика была такой: средняя урожайность озимых хлебов поднялась с 34 до 42 пудов с десятины, яровых – с 20 до 33 пудов. Но на душу производство хлебов упало за это же время с 20,06 до 16,59¹. Тут необходимо учитывать многочисленные факторы, в том числе и значительный рост населения. Подавляющая часть крестьян, пользуясь лишь официальным наделом, не могла прокормить себя и семью, а для уплаты податей вынужденно прибегала к двойной мене – осенью хлеба на деньги, весной – денег, а чаще свою рабочую силу, на хлеб. Зажиточные крестьяне получали излишки хлеба, вывозили его на рынок, получали прибыль. Большинство же крестьян голодало, испытывая нужду в хлебе.

Неравномерность в крестьянском землепользовании и землевладении, экономическая нужда и неравенство, угнетенность, переплетение старого и нового в быту и сознании крестьянства вели к обострению социальной напряженности и стали объективными причинами постоянного противостояния и противоборства в русской деревне, борьбы крестьянства за землю.

¹ Материалы комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. 1. С. 160–163.

Н.М. Александров¹

Крестьянские отхожие промыслы и сельский социум во второй половине XIX – начале XX в.

В пореформенный период в России получили широкое распространение отхожие промыслы крестьян. Наиболее развит этот вид деятельности сельского населения был в нечерноземной полосе страны. В начале XX столетия в Верхнем Поволжье (Владимирская, Костромская и Ярославская губернии) в отход уходил каждый пятый деревенский житель.

Отход оказывал неоднозначное влияние на крестьянское хозяйство. В том случае, когда основной состав крестьянского двора оставался в деревне, а в отход уходили члены семьи, которые должны были приносить дополнительный доход, крестьянское хозяйство, благодаря отходу, укреплялось и развивалось. В ситуации, когда единственный взрослый мужчина в семье покидал село и пребывал на заработках в период сельскохозяйственной страды, крестьянское хозяйство разрушалось или, в лучшем случае, пребывало в стагнации.

Анализ статистических данных показал, что развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Верхнего Поволжья шло более быстрыми темпами, чем в губерниях Черноземного центра страны, где отхожие промыслы были менее развиты. Во многом благодаря средствам, заработанным крестьянами на стороне, здесь интенсивно проходила скупка помещичьих земель. Купленная земля, в основном, концентрировалась в зажиточных дворах. В крестьянских хозяйствах расширялось применение наемного труда. Ускоренно шел процесс расслоения деревни.

В пореформенный период в районах с сильно развитым длительным отходом крестьян деревенское общество подвергалось наибольшему изменениям. В связи с тем, что основной массой отходников были мужчины трудоспособного возраста, это часто

¹ *Александров Николай Михайлович*, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

вело к половозрастной диспропорции на селе. Так, ряд местностей Ярославской, Костромской и Владимирской губерний, где широко был распространен отход мужского населения с юных лет на заработки в столицы, получили у современников название «бабьих сторон». В таких районах отчетливо наблюдались изменения в семейно-брачных отношениях, типичных для сельской местности России: более позднее вступление в брак, значительное количество незамужних женщин, меньшее количество детей в семье, увеличение незаконнорожденных детей и т.п. Отходничество, будучи следствием развивавшейся трудовой миграции населения, стало серьезным испытанием прочности традиционной демографической модели поведения в деревне.

Крестьянин-отходник, особенно «питерщик», пользовался большим уважением на селе. В глазах соседей он был не только богаче односельчан, но и являлся носителем «более высокой» городской культуры, что отражалось в его поведении и внешнем виде. Многие сельские жители, уходившие в юношеские годы на заработки в столицы, лелеяли мечту сделать карьеру: пройти путь от ученика до подрядчика в строительстве или от «мальчика» до хозяина лавки или магазина в торговле. В связи с высоким статусом отходника на селе деревенские девушки считали, что лучше выйти замуж за молодого человека, занимавшегося отхожим промыслом и появлявшегося в деревне только в период короткого отпуска, чем за парня, занимающегося сельским хозяйством и постоянно живущего в деревне.

Промысловая деятельность крестьян влияла и на общественную жизнь села. В пореформенной России власти повсеместно столкнулись с трудностями комплектования органов крестьянского самоуправления. Так, на посту сельского старосты – одной из ключевых фигур местного самоуправления, власти, как и крестьяне, хотели видеть человека энергичного, с жизненным опытом, уважаемого односельчанами. Однако крестьяне обычно не стремились быть избранными на эту должность. Материальной заинтересованности выполнять многочисленные обязанности старосты у деревенского жителя, как правило, не было. Жалованье не компен-

сировало время и силы, потраченные на общественную работу в ущерб собственному хозяйству. В связи с этим в местах с сильно развитым отхожим промыслом найти подходящую кандидатуру было особенно трудно. Мужчин, соответствующих требованиям, предъявляемым к кандидатам на данную должность, часто просто не было на месте, так как в деревне оставалась только так называемая «питерская браковка».

В то же время в районах сильного развития отхожих промыслов заметно возрастала роль женщин в хозяйственной и общественной жизни. При отсутствии в семье взрослых мужчин все хозяйственные заботы переходили к женщине. Она фактически становилась главой двора, от ее силы, знаний и умений во многом зависело благосостояние семьи. Это способствовало возрастанию роли женщин в общественной жизни села. Если в черноземных сельскохозяйственных губерниях, где население было менее мобильно, в пореформенный период только начали обсуждать вопрос о праве крестьянок участвовать в сельском сходе, то в районе «бабьей стороны» крестьянки уже не только были полноправными членами сходов, но и занимали должности десятских, старост и других членов сельской администрации.

Отход способствовал и распространению грамотности среди крестьян. В местах с высокой трудовой миграцией сельского населения грамотность среди крестьян, как женщин, так и мужчин, была намного выше, чем в районах со слабой мобильностью крестьянства. Данное обстоятельство вызывали, в основном, следующие причины: владение даже элементарной грамотой расширяло возможности крестьянина найти нужную работу на стороне, а женщине, остающейся в деревне, облегчало управление хозяйством; в то же время умение читать и писать было главным средством коммуникации отходника со своей семьей.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что отхожие промыслы оказывали сильное влияние как на экономику, так на социальную и культурную жизнь пореформенной деревни.

*Н.А. Жиров, В.В. Канищев*¹

**Влияние миграций на повседневную жизнь
крестьянского населения Орловской и Тамбовской губерний
в начале XX века**²

В первые годы XX в. (до начала мировой войны) передвижения крестьян (миграции) начали влиять на естественное движение сельского населения. Влияние оттока молодых крестьян в заводские местности внутри губерний и в соседние промышленные регионы заметно сказывалось на сокращении рождаемости среди селян в западных уездах Орловской губернии и северных уездах Тамбовской губернии. На поселенном уровне мы определенно выявили факт такого влияния только в с. Шаблыкино Кромского уезда Орловской губернии, откуда выехало в Сибирь 1300 из 2000 жителей. В целом миграции в губерниях в начале XX в. даже при выезде до 100 тыс. чел. из Тамбовской губернии и 200 тыс. чел. из Орловской губернии еще превышали естественный прирост населения, который в отдельные годы составлял более сотни тысяч человек.

Заметным было влияние миграций на состояние деревенского «брачного рынка». С одной стороны, рынок невест разрежался в процессе переселений в Сибирь с некоторым избытком мужчин орловских и тамбовских крестьянских семей с большой долей девочек предбрачного возраста и переезда в города своих и других губерний Европейской России девушек брачного возраста. Особенно это происходило вследствие так называемых женских атак (повышенной доли в рожденьях девочек, для данного периода в конце 1870-х гг.). С другой стороны, в отдельных местностях губерний в связи с функционированием старых и строительством но-

¹ *Жиров Николай Анатольевич*, кандидат исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, zhirov-nikolai@mail.ru, Россия, г. Елец; *Канищев Валерий Владимирович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, valcan@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-49-480002.

вых заводов и фабрик (поселок Бежица под Брянском, с. Дятьково Брянского уезда, торгово-промышленные с. Бонадари и Рассказово Тамбовского уезда, с. Кузьмино-Гать под Тамбов рядом с большим пороховым заводом) наблюдался большой приток мужчин, соответственно числа женихов. Это сказывалось на росте брачности, а вслед за ней рождаемости.

Однако ни усиленная женская миграция, ни приток «чужих» мужчин практически никак не сказывались на земельной обеспеченности крестьян, которая в Орловской и Тамбовской губерниях, как и многих других аграрных регионах, всецело зависела от числа мужчин-общинников. Даже если предположить, что все уехавшие в начале XX в. крестьяне-мужчины (максимум 50 тыс. чел. в Тамбовской губернии и 100 тыс. чел. в Орловской) сдавали в общину наделы, это вряд ли могло дать большую прибавку земли оставшемуся как минимум 1 млн сельских мужчин на губернию. По имеющимся данным, только в упомянутом с. Шаблыкино оставшиеся на месте 700 из 2000 жителей заметно улучшили обеспеченность землей – с прежних 0,5 дес. на тягло дарственной земли до 3-х дес. на душу наделной, т.е. примерно в 2–3 раза. Как выясняется, такое стало возможным в результате фактического жульничества группы ходоков, заманивших большую часть односельчан в Сибирь. Подобное явление в принципе не могло быть широко распространено в крестьянской среде. Напротив, часто у отказавшихся от переселения общинников возникали проблемы с приобретением земли выселившихся односельчан.

К сожалению, предреволюционная статистика не позволяет точно определить количество переселений бывших общинников на хутора. В Тамбовской губернии к 1917 г. числилось около 1 тыс. хуторов, в Орловской – в несколько раз больше. Но мы не знаем, сколько крестьян реально переселилось за пределы своих родных сел. Предполагаем, что это были десятки тысяч людей на несколько миллионов жителей каждой губернии, т.е. единичные проценты. Более того, переезд на хутора создавал не только хозяйственные преимущества, но и житейских проблемы для их населения (расположение на дальнотемелье, удаленность от волостных

учреждений, школ, земских медицинских учреждений, отход от привычного круга общения: «бабе на улице поговорить не с кем»).

Общеизвестным являются факты влияния городской культуры, приносимой крестьянами-переселенцами в родные села. Но, как правило, эти факты носят косвенный характер. Они специально не фиксировались официальными документами начала XX в. В такой ситуации особое значение приобретают нарративные источники, исходившие из самой крестьянской среды. Таковыми являются материалы известного этнографического исследования тамбовского с. Вирятино, проведенного московскими специалистами в 1950-е гг., когда еще были живы многие крестьяне, бывшие взрослыми в начале XX в. В их рассказах приведены примеры конкретных семей переселенцев или отходников, которые непосредственно знакомили односельчан с образцами городской одежды и обуви, мебели, способами приготовления пищи и т.д. Конечно, важен поиск подобного нарратива в воспоминаниях, письмах крестьян, художественной литературе и т.п.

Г.А. Николаев¹

Влияние трудовых миграций на сельский социум Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.

Временные трудовые миграции составляли неотъемлемую часть жизни средневоложской деревни второй половины XIX – начала XX в. В условиях прогрессирующего аграрного перенаселения и растущего малоземелья хлебопашцы все меньше довольствовались хозяйствованием только на земле. Число лиц, уходящих на заработки, в эпоху капиталистической модернизации с каждым новым десятилетием неуклонно росло. Так, количество проданных отходникам билетов и паспортных бланков выросло (в среднегодовом исчислении): в Казанской губернии – с 15,2 тыс. в 1861–1870 гг. до 147, 8 тыс. в 1891–1900 гг.; в Симбирской губернии – с 15,6 тыс. в 1861–1870 гг. до 139,5 тыс. в 1891–1900 гг. Для

¹ *Николаев Геннадий Алексеевич*, кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, nicga50@rambler.ru, Россия, г. Чебоксары.

многих крестьян выезд на заработки стал образом жизни. Житель д. Новопоселенная Асхва Цивильского уезда Казанской губернии Павел Андреев – типичный «перекати-поле». География его кормления обширна: Верхнее, Среднее и Нижнее Поволжье, Зауралье, Прибайкалье, Подонье, Малороссия.

В трудовой миграции принимали участие крестьяне разных возрастов, но большинство в их среде составляли лица рабочего возраста. На заработки главным образом уходили мужчины. Отходники были представлены и зажиточными, и середняками, и беднотой. Последние в их среде составляли основную массу. По Симбирской губернии экономический строй отсутствующих крестьянских семей в материалах земской подворной переписи 1910–1911 гг. характеризуется следующими параметрами: безземельные – 35,2 %, сдающие свои наделы и купчие земли в аренду – 49 %. В географическом плане в отхожие промыслы чаще уходили крестьяне населенных мест, расположенные вокруг городов, при больших трактах, вблизи железных дорог и в прибрежной полосе судоходных рек. Жители бассейна Волги и Суры в Казанской и Симбирской губерниях являли собой преимущественно лоцманов, матросов, водоливов, рабочих на судах, кочегаров и масленщиков на пароходах. Для многих из них хлебопашество стало второстепенным занятием. Землю свою они обрабатывали, как правило, нанятыми работниками.

В отдельно взятых сельских обществах число лиц, занятых отхожими промыслами, существенно разнилось. Встречались села и деревни, в частности, д. Чуваши-Отары Чебоксарского уезда Казанской губернии, вообще обходившиеся без отходников. Но имелись и населенные места, выделявшиеся очень высокой трудовой мобильностью. Так, д. Чирикеево Симбирского уезда одноименной губернии с середины августа по январь оставалась практически без мужчин рабочего возраста. Последние в ней чуть ли не поголовно были заняты изготовлением теплой обуви в Оренбургской губернии.

На заработки уходили все этнические группы крестьянского населения – русские, татары, марийцы, мордва, чуваш и удмур-

ты. Чаще промышляли вне сельских обществ жители татарских и русских деревень, в отличие от этнических партнеров более пролетаризированные и имевшие меньшие наделы земли. Доля семей, отпуская своих членов в отхожие промыслы, в среде мордвы, чувашей, марийцев и удмуртов было значимо меньше. В «медвежьих углах» выезд «инородцев» на заработки сдерживался незнанием русского языка или плохим владением им.

Временные трудовые миграции оказывали двоякое влияние на повседневность сельского социума. Вырученные на отхожих промыслах денежные средства позволяли части семей сохранять устойчивость своего хозяйства. Иным из них удавалось поднять его и на новый качественный уровень. Выезжая на заработки, крестьяне обогащали свой жизненный опыт, расширяли кругозор, овладевали новым профессиями, а также опосредованно открывали односельчанам бескрайний внешний мир. В 1899 г. корреспондент «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева Тихон Иванов из с. Три Озера (Рождественское) Спасского уезда Казанской губернии сообщал: «Крестьяне, возвращающиеся из отлучки, преимущественно рассказывают подробно, где они были, в каких городах, местностях. Где, что видели: какие машины, мельницы, пароходы, гостиницы, жизнь городскую, шумную, веселую, беспокойную. Где какой народ живет, как живет, чем занимается, какой надел имеют, как знают ремесла, занятия, что они дают им, сравнивают жизнь здешнего народа с жизнью того народа, где они были». Бывалые, успешные отходники пользовались большим авторитетом в деревне, при решении мирских дел их голос на сходах имел большой вес. В повседневный быт деревни отходники вносили множество новаций. Так, молодые люди из их числа возвращались на свою малую родину обычно в новом костюме: «стараются приодеться как можно лучше, ярче»; «каждый из них старается приобрести суконный пиджак, тринадцатирублевые сапоги, калоши».

Трудовые миграции оказывали и негативное влияние на сельский социум. Финансовые средства, добываемые на отхожих промыслах, не всегда позволяли хлебопашцам в должной мере поддерживать свое хозяйство. Не каждый выезд на заработки приносил ожи-

даемые плоды. Довольно часто вместо денег на место приписки отлучившихся шли тревожные письма: «Советую вам, женушка, продать последнюю телку, потому, как на нас надежда очень плохая; сами очень шибко поджились, а работ по близости времени никаких не предвидится». Многие хозяйства отходников разорались. Поведенческий стереотип выехавших на заработки часто менялся в худшую сторону. Часть из них приучалась к пьянству, распутному образу жизни. В начале XX в. отходничество стало и питательной базой для пустившей корни в деревне опасного социального недуга – хулиганства. Часть отходников, попадая в чужую этнокультурную среду, меняла свою профессиональную идентичность. Так, крещеные татары, промышлявшие в селах и деревнях татар-мусульман, нередко пополняли ряды приверженцев ислама.

Д.В. Ковалев¹

Крестьянская промысловая миграция и деревенский социум Подмосковья в период столыпинской реформы

Столыпинская аграрная реформа существенно изменила характер крестьянской миграции вообще и промысловой – в частности. Наряду с некоторым количественным спадом краткосрочного отходничества, резко возросло число крестьян, покидавших деревню на год и более. Как показали результаты подворного обследования наиболее земледельческих районов Московской губернии, проведенного под руководством заведующего статистическим отделом губернской земской управы П.А. Вихляева, в составе наличного приписного населения доля мужчин-отходников понизилась с 45,2 % в 1898–1900 гг. до 41,7 % в 1910 г., среди женщин соответственно – с 7 до 6,7 %. Вместе с тем, среди мужской части крестьянства удельный вес работающих на отхожих промыслах круглый год увеличился с 41 до 48,5 %, а женской – с 58,1 до 59,5 %. Таким образом, даже в уездах с наиболее земледельчес-

¹ *Ковалев Дмитрий Владимирович*, доктор исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет (Московская область г. Коломна); Московский педагогический государственный университет, dmitrij-kovalev@yandex.ru, Россия, г. Коломна.

ким населением почти каждый второй работник постоянно находился на посторонних заработках. В целом же по губернии, учитывая отмеченную выше тенденцию, число таковых, по-видимому, уже значительно превзошло уровень в две трети, зафиксированный к началу XX в.

С распространением бессрочных паспортов увеличилось количество не просто отсутствующих, но и выселившихся, т.е. окончательно порвавших связь с деревней крестьянских семейств. На это обстоятельство уже указывала Н.А. Иванова, исследовавшая социально-экономическое положение губерний Промышленного центра России в период столыпинской реформы. Подобная ситуация во многом была характерной и для Подмосковья. Поэтому, несмотря на рост долгосрочного отходничества, количество «отсутствующих» крестьянских семей в губернии сократилось с 47376 в начале XX в. до 39231 в 1917 г., а их удельный вес соответственно упал с 19,2 до 15,4 %. Постоянно проживая в городе, они, тем не менее, платили налоги со своего надела, хотя его доходность обычно не оправдывала размера причитающихся платежей.

Разумеется, на начальном этапе столыпинской реформы «горожане» составляли одну из наиболее многочисленных категорий новых земельных собственников. «Первые, кто начал укреплять за собою землю или выделять ее к одному месту, – сообщали из землеустроительной комиссии Ружского уезда, – были крестьяне-москвичи или же вообще живущие “на стороне”». По наблюдениям земских статистиков, значительная площадь земель, сдаваемых в аренду полными душевыми наделами, принадлежала отсутствующим домохозяевам, которые использовали новое земельное законодательство для окончательной ликвидации своих отношений с деревней, продавая укрепленные угодья.

Все это по понятным причинам вызывало весьма болезненную реакцию у оседлой, преимущественно земледельческой части крестьянства, вследствие чего социальная напряженность в деревне заметно обострилась. Принято считать, что власть озаботилась подобного рода проблемами слишком поздно, когда укрепленные крестьянские наделы во многих случаях уже стали объектом спе-

кулятивных сделок, тем самым дискредитируя реформу как в глазах крестьян, так и общества в целом. Однако факты убеждают в обратном: вопрос об условиях укрепления надельной земли не проживавшими в деревне членами общины в правовом отношении был урегулирован именно на начальном этапе столыпинских земельных преобразований, причем, с беспрецедентными уступками в пользу общества.

К тому же неверно считать, что возвращение в деревню «отсутствующих» крестьян после указа 9 ноября 1906 г. диктовалось исключительно стремлением заработать на продаже укрепленных участков. В годы столыпинской реформы также просматривается и другая тенденция – возобновление сельхозпроизводства общинниками, которые прежде оставили его ради посторонних заработков. Упоминания об этом в показаниях местных корреспондентов статистического комитета губернского земства на протяжении предвоенного десятилетия заметно учащались. Причем, сельское хозяйство в указанных случаях, как правило, возобновлялось уже не в прежнем виде, а переориентировалось на рыночную конъюнктуру. Хотя, по своим масштабам указанные процессы были, конечно, несопоставимы с ростом долгосрочного отхода и неземледельческой деятельности крестьянского населения.

На протяжении всего пореформенного периода неземледельческие промыслы продолжали играть ключевую роль в крестьянской экономике Московской губернии. Это объективно обуславливалось, с одной стороны, нараставшим кризисом традиционного сельского хозяйства, с другой – быстрым расширением спроса на рабочую силу в промышленном производстве, на транспорте и сфере обслуживания мегаполиса, что в условиях усилившегося взаимодействия сельского населения с городом привело к мощному всплеску промысловой миграции крестьянства. «Посторонние» и местные неземледельческие заработки становились определяющими для благосостояния крестьянской семьи, о чем убедительно свидетельствовало усиление промысловой активности крестьян на фоне явно снижавшегося интереса к аграрному производству.

Быстрый рост долгосрочного отхода и ослабление связи отсутствующих сельских промышленников с деревней, неисполнение ими во многих случаях своих корпоративных обязательств перед оседлыми членами общины подрывали традиционную систему организации крестьянского хозяйства в регионе. Неземледельческий промысел начинал превращаться в самостоятельный и самодостаточный вид экономической деятельности, не предполагавший прежней внутрисемейной кооперации по межотраслевому принципу. Однако сословные ограничения и сохранявшаяся зависимость промыслового крестьянства от своего общества тормозили этот естественный процесс. Столыпинские преобразования, во многом способствовали разрешению такого рода противоречий, хотя их запоздалость была очевидной.

Н.В. Токарев¹

Тамбовские крестьяне-дарственники в период столыпинских преобразований: опыт микроисторического исследования

По данным 1907 г., в Тамбовской губернии дарственники, т.е. бывшие помещичьи крестьяне, согласившиеся при отмене крепостного права на уменьшенный надел, составили 156 обществ. Треть из них находилась в Кирсановском уезде. В качестве модели для описания поведения такого сельского социума было выбрано село Глуховка Глуховской волости. Здесь, на окраине Тамбовской губернии, процесс столыпинского переустройства шел по главным направлениям: банковские операции, землеустроительные работы, крестьянские переселения.

Свойственный землепашцам патернализм вкупе с экономическим инфантилизмом проявился в деятельности глуховских общинников разных поколений, как помнивших крепостные времена, так и родившихся после крестьянской эмансипации. «Старики», некогда выступившие за дарственный надел, питали надежды на стабильность экономической ситуации, закрепление неизменных арендных и продажных цен на землю, консервацию

¹ Токарев Николай Васильевич, Колледж права и безопасности, n_tokarev@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

налогов и пр. Тем самым они предопределили на десятилетия вперед активность своих потомков на земельном рынке.

Стратегия и тактика шагов дарственников, готовых покупать и арендовать землю при любом удобном случае, диктовались не только демографической ситуацией, но и связями с соседями-латифундистами. С помощью ипотечных банков первая крупная покупка 1028 дес. была совершена глуховским обществом в 1883 г. у С.К. Нарышкина; вторая – 1534 дес. – в 1902 г. у М.М. Рымарева.

Как и во всем Кирсановском уезде, под влиянием активной эсеровской пропаганды в 1905–1908 гг., в ожидании даровой передачи земли, глуховцы игнорировали погашение банковских ссуд. Уполномоченные неисправного общества, задолжавшего 18460 руб. Крестьянскому банку, привычно оправдывали задержку платежей только природными бедствиями.

Изымая заложенные владения, банковские чиновники руководствовались рекомендациями и требованиями министерства финансов и, в конечном счете, правительства П.А. Столыпина. По букве закона, все процедуры, связанные с отсрочками платежей, выставлением на торги участков глуховского общества, были соблюдены. Лишившись сначала и дарственной и купленной земли, крестьяне всем миром напрягли финансовые силы, позвали на помощь жителей соседних деревень, чтобы вернуть общественный надел в 626 дес. за требуемый банком задаток в 7000 руб. На остальных 2634 дес. в 1909 г. землеустроители образовали 16 банковских поселков, 198 отрубов и 7 хуторов.

Обезземеливание глуховского общества предопределило массовую миграцию крестьян в Сибирь. По крайней мере, 450 переселенцев в первые годы столыпинской реформы намеревались двинуться за Урал, надеясь на правительственную поддержку в виде бесплатного проезда. Землеустроители следовали формально-правовым нормам, отказав в организации переселения дарственникам Глуховской волости, сославшись на распоряжения верховной власти помогать тем только крестьянам, чей переезд ускорял насаждение отрубов и хуторов на надельной земле.

По окончании землеустроительных работ включились механизмы внутригубернского переселения и межгубернских миграций. В результате вынужденной ротации сельских жителей на место аборигенов, стремившихся в Томскую губернию, прибыли переселенцы из украинских губерний и новоселы из Липецкого и Тамбовского уездов. Однако хозяйственное обустройство мигрантов, как в Европейской, так и в Азиатской России, занимало долгие годы, и, в преддверии мирового конфликта, задача становления «крепких и сильных» крестьян, столыпинских собственников, откладывалась.

Появление в волости новопоселенцев и особенно приход иноэтничного элемента активизировали межкрестьянскую рознь. Привлечение клиентов Банка из других губерний и уездов при одновременном усложнении условий покупки для бывших владельцев породило латентный конфликт, что еще больше осложнило адаптацию на новых местах украинцев.

Глуховцы искренне считали, что купленную, но потерянную обществом землю могут обрабатывать только старожилы, приезжие должны отправиться на родину. Моральный террор усилился в начале Первой мировой войны, но тогда губернская власть еще была в силе сдерживать порывы коренного населения в отношении «чужаков». В 1917 г. слабые и неавторитетные местные учреждения Временного правительства ограничились уже только увещеваниями, и запуганные покупщики банковских отрубков собирались покинуть негостеприимный уезд.

Таким образом, объектом исследования выступило отдельное селение Кирсановского уезда, где сельское общество было частью специфической социальной страты – дарственников, порождения крестьянской реформы 1861 г. Аграрные преобразования начала XX в., что проявилось и на микроисторическом уровне, были комплексом взаимосвязанных мероприятий губернской и коронной администрации, имперских ведомств и учреждений. Начавшись как локальная история сельского социума на стыке Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний, «глуховское дело» переросло уездные и губернские рамки, приобретя на излете Российской империи межрегиональный характер.

**Сельскохозяйственное просвещение
и изменения в воронежской деревне
в период проведения столыпинской реформы**

Одним из основных направлений столыпинской аграрной реформы было сельскохозяйственное просвещение, направленное на внедрение в крестьянскую среду новых технологий и способов хозяйствования. Организаторами этой деятельности являлись правительственные структуры, земства и сельскохозяйственные общества. С началом реформы приезд агрономов и других специалистов нарушил неторопливый ритм воронежской деревни. Новые лица население встречало без энтузиазма, более того, как отмечал агроном Нижнедевицкого района, «хозяев, вошедших в сношение с агрономом, считают продавшимися казне». На все предлагаемые нововведения крестьяне реагировали настороженно, консервативный менталитет отвергал не проверенные временем эксперименты. Когда весной 1911 г. агроном предложил новым собственникам организовать показательное хозяйство и прокатный пункт, ни один из 100 человек не согласился. Однако уже осенью, увидев результаты правильного хозяйствования, 35 единоличников сами предложили создать показательные участки в своих хозяйствах. В Богучарском уезде после сбора урожая хозяева показательных участков посоветовали «отрубщикам и хуторянам, если они еще хозяйствуют по старинке, переходить скорее к четырехполью». Проблему повышения доходности хозяйств помогали решать специалисты. Агрономы Р.Ф. Вагнер, А.М. Черненко, правительственный инструктор по полеводству И.Ф. Переплетчиков подобрали среди грамотных хуторян и отрубников слободы Калач 38 человек и в ноябре 1912 г. пригласили их на сельскохозяйственные курсы. «Молчаливые, недоверчивые и плохо понимающие при начале занятий, слушатели с каждым днем оживлялись», причем наибольший интерес проявили земледельцы 25–40 лет.

¹ Книга *Марина Давидовна*, доктор исторических наук, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, marinakniga@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

Просветительскую деятельность среди крестьянского населения осуществлял агрономический персонал. В 1913 г. в губернии работало 67 агрономов, 19 специалистов и инструкторов, 33 старост и практикантов. С течением времени все большую часть аграрно-просветительской работы брали на себя общественные структуры. В 1915 г. числилось 163 аграрных специалиста, из них труд 15 оплачивался на правительственные средства, а 148 – на общественные.

Одним из результатов аграрно-просветительской работы стало изменение менталитета крестьян в сторону одобрения индивидуального хозяйствования и использования рациональных методов земледелия. В 1911 г. в губернии из общины выделилось 838 хозяйств, в 1912 – 7264, в 1913 – 11702, в 1914 – 18635. К началу Первой мировой войны не менее половины земледельцев изъявили желание стать собственниками. Агрономы сообщали, что в уездах ситуация медленно, но неуклонно меняется: в Землянском стали использовать качественные семена и бороться с сорняками, в Валуйском – внедрять ранний пар и применять удобрения.

Проживающие в местах оказания помощи крестьянам агрономы и сельскохозяйственные старосты строили свою работу следующим образом: зимой – организация чтений и бесед, весной – раздача семян, наблюдение за посевом и обработкой засеянных полей, летом – консультации по обработке паровых полей, осенью – учет урожая и контроль посева озимых. Если правительственные специалисты поначалу ориентировались на помощь исключительно единоличникам, то земские деятели сразу консультировали всех желающих независимо от формы собственности. В арсенале агрономов имелся целый комплекс мероприятий: сельскохозяйственные курсы, показательные кормления животных, выставки, экскурсии, прокат орудий, раздача доступной для понимания крестьян литературы. По сравнению с предыдущим периодом организаторы существенно увеличили расходы на аграрное просвещение. Например, расходы воронежского земства на экономические и сельскохозяйственные мероприятия в 1910 г. по сравнению с 1899 г. увеличились в 9,2 раза.

При Воронежской земской управе в 1909 г. под руководством помощника губернского агронома был создан музей наглядных пособий для проведения сельскохозяйственных чтений, в котором имелись плакаты, картины, коллекции. Активными пользователями музея были правительственные специалисты, уездные земцы, общества сельского хозяйства. Общества развернули массовую агропропаганду. В 1910 г. на 1 сельскохозяйственное общество в Воронежской губернии приходилось 88,5 тыс. жителей, для сравнения – в каждой из губерний Европейской России в среднем приходилось 43,6 тыс. Количество сельскохозяйственных обществ в губернии быстро увеличивалось: в 1915 г. по сравнению с 1911 г. в 2,4 раза. Опытные учреждения разрабатывали научные рекомендации применительно к воронежскому региону, к 1 января 1915 г. их было 7.

К осени 1914 г. в губернии насчитывалось 10 низших и средних учебных заведений аграрного профиля (для сравнения – в каждой из губерний Европейской России в среднем 5,6). В 1912 г. основан Воронежский сельскохозяйственный институт.

Преобразования были рассчитаны на длительный период и не могли кардинально изменить ситуацию в короткие сроки, однако налицо были позитивные перемены. Рациональные подходы положительно сказались на урожаях. Урожайность ржи в Воронежской губернии в 1910–1915 гг. по сравнению с периодом 1883–1900 гг. возросла на 2 %, ячменя на 14 %, пшеницы на 18 %, овса на 44 %, причем у частных владельцев сбор зерновых был приблизительно на 30 % больше. Выросла товарность крестьянского хозяйства. Изменилась структура посевов: если ранее крестьяне в основном выращивали рожь, то в период реформы в губернии в 2 раза увеличилась площадь под пшеницу. За этими достижениями стоял кропотливый труд организаторов сельскохозяйственного просвещения: К.К. Фохта (губернский агроном), Ю.Е. Макаренко (помощник губернского агронома), В.И. Раевского (член управы и заведующий экономическим отделом губернского земства), Н.Н. Марфина (инспектор сельского хозяйства по Воронежской губернии), С.К. Чайнова (заведующий опытным полем).

*М.И. Роднов*¹

Крупный агробизнес в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.²

Устойчивой ментальной традицией сообщества историков-аграрников является акцент в своих исследованиях на судьбах мелкого крестьянского (общинного) хозяйства, затем личного подсобного в советскую эпоху и мелкого фермерского в новейшей России. Продолжающиеся уже третье столетие стенания о печальной участи этих мелких производителей, дополняемые диссидентскими живописаниями о преимуществах мелкого («с человеческим лицом») хозяйства над обезличенным крупным, вполне естественны.

Морально-этическая составляющая не позволяла народническим авторам прямо заявить, что миллионы мельчайших и не способных часто даже прокормить себя общинников для блага экономики необходимо выгнать из сельскохозяйственного производства, «очистить» территорию для более эффективных собственников. А только начинавшуюся во второй половине XIX в. технологическую революцию в аграрной сфере большинство не замечало (не хотело видеть).

Это сказалось в научных исследованиях современников, земских статистиков, которые в минимальной степени, исходя из идеологических предпочтений, рассматривали крупное крестьянское (кулацкое) хозяйство; не забудем, что именно народники ввели в русский язык сам термин «кулак». «Латифундии» же дворян и купцов, крупный агробизнес, используя современную терминологию, вообще находился вне внимания историков-аграрников пореформенного периода (за редкими исключениями), воспринимался как недостойный пережиток, обреченный на вымирание.

Однако документы свидетельствуют о существовании крупного (за сотни десятин посева) агропроизводства, которое, несмотря на все катастрофические последствия Великих реформ, дожило

¹ *Роднов Михаил Игоревич*, доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, mrodnov@ufanet.ru, Россия, г. Уфа.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00015.

до 1917 г. Более того, даже в окраинной Уфимской губернии, где, в условиях многоземелья, существовала жесткая конкуренция, крупный агробизнес успешно развивался, активно воспринимал достижения передовой агротехники, первым начал использовать трактора и паровые двигатели вообще.

Конкретный материал показывает выдающиеся примеры многолетнего рентабельного агробизнеса. Еще в дореформенный период (1840-е гг.) сложилось хозяйство Базилевских, получивших дворянство выходцев из духовенства. Они скупали имения разорявшихся дворян в основном к западу от Уфы, вдоль реки Белой, на плодородных черноземах и вблизи пристаней. Огромный «агрохолдинг» успешно пережил ликвидацию крепостных отношений и просуществовал до середины 1890-х гг. Никакой распродажи земли у Базилевских не было. На 1895 г. Федору Ивановичу Базилевскому в Уфимской губернии принадлежало около 37 тыс. дес. земли, были большие «активы» в других регионах, сам хозяин жил в Петербурге. Только кончина в 1895 г. заболевшего в конце жизни «душевной» болезнью владельца и переход всего наследства к опекуну и брату Виктору Ивановичу Базилевскому (1840–1929), человеку авантюристических наклонностей, который изначально не собирался сохранять рентабельное производство, привели к быстрой распродаже поместий и ликвидации огромного агрохолдинга.

На западе Уфимской губернии, в Мензелинском уезде, массовую скупку дворянских поместий производил клан елабужских купцов Стахеевых. налаженное агропроизводство включало множество поместий, мельницы, пристани, элеваторы, собственный флот для вывоза зерна в Рыбинск. На 1912 г. Стахеевым (преобладала семейная форма собственности) в Мензелинском уезде принадлежало 24,5 тыс. дес. земли и 9,2 тыс. дес. посевов.

В южной части губернии, в Белебеевском уезде, огромные имения держали самарские купцы-мукомолы Шихобаловы, Курлины и др. Тысячи десятин посева, сотни волов, огромные объемы продукции, масса передовой агротехники – отличали эти хозяйства.

Концентрация крупных агропредприятий наблюдалась вокруг Уфы, здесь существовало много успешных дворянских хозяйств.

Например, к югу от города более полвека успешно развивался агробизнес князя Александра Ивовича Кугушева (1826–1906). Он пользовался передовыми финансовыми технологиями, производил операции через безналичный расчет в Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка. В отдельные годы оборот его капиталов доходил до 150–160 тыс. руб. (1890, 1894 гг.).

Наследники – два сына и сестра получили меньшие поместья (от 2 тыс. дес. и более), но все сохранили крупное агропроизводство, все держали винокуренные заводы, применяли передовые технологии, использовали машины (был трактор). Два имения перешли на менеджерскую форму управления, как у Базилевских, к 1917 г. существовали два рентабельных поместья. Лишь третье, губернского предводителя князя Александра Александровича Кугушева, было продано с торгов Госбанку и ликвидировано. Основной причиной стала разгульная жизнь предводителя.

Таким образом, анализ фактического материала свидетельствует, что крупный агробизнес сумел пройти через «бутылочное» горлышко пореформенной эпохи, выжил, успешно воспринимая достижения начавшейся в сельском хозяйстве промышленной революции. Потенциал крупного помещичьего хозяйства подтверждает возникновение в советской эпоху на базе этих поместий ряда крупных совхозов и предприятий.

В.Н. Никулин¹

Землевладение дворян Новгородской губернии во второй половине XIX столетия

Наиболее трудными для помещиков стали первые пореформенные годы. Особенно болезненными для них были: невозможность использовать даровой труд крестьян и также отсутствие оборотных средств. «Новгородские губернские ведомости» констатировали, что «наемные цены работ так высоки, что не оставляют никакой выгоды помещикам, особенно с земель посредственных

¹ *Никулин Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

или плохих. ... большинство помещиков решительно не имеет нужных денежных средств, чтобы содержать и кормить работников...». В 1866 г. новгородский губернатор Э.В. Лерхе отметил, что «неустановившийся порядок вольнонаемного труда, недостаток рабочих, отсутствие кредита и неразвитие арендаторства заставили дворян уменьшить или вовсе прекратить хозяйство и, сдав свои земли в наем соседним крестьянам из части урожая или укоса, обратиться преимущественно к служебной деятельности». В 60–70-е гг. многие помещики покинули имения, переехали в города, оставив свои хозяйства на управляющих или продав их.

Тем не менее, в Новгородской губернии, несмотря на переход большой площади помещичьей земли в руки крестьян и представителей других сословий, часть земли осталась в руках крупных и крупнейших (от 500 и более дес. на имение) дворян-помещиков. Если в 1861 г. 4135 дворян-помещиков владели 4,4 млн дес. земли, а средний размер имения равнялся 1072,1 дес., то к 1900 г. в руках 2390 дворян-помещиков осталось свыше 1,5 млн дес., в среднем на одно имение 640,4 дес. земли.

За пореформенные десятилетия в Новгородской губернии численность помещиков-дворян сократилась в 1,8 раза, площадь дворянской земельной собственности уменьшилась в 3,1 раза, а средний размер имения – в 1,6 раза. Опережающими темпами в Новгородской губернии происходило сокращение, как общей земельной площади дворян, так и средних размеров помещичьих имений. В условиях сохранения крупных и крупнейших дворянских хозяйств такая тенденция вела к дальнейшей деградации средних и разорению мелких помещичьих имений. С другой стороны, стабильно развивались крупные и крупнейшие владения, измеряемые тысячами дес. земли – дворянские латифундии.

Сразу после реформы дворянское землевладение в Новгородской губернии обнаружило довольно значительную устойчивость. Зато в последующие пореформенные десятилетия происходило быстрое уменьшение дворянской земельной собственности. Связано это было с господством отработочной системы в Новгородской губернии на протяжении всего пореформенного времени.

Кроме того, на количественные характеристики процесса мобилизации дворянской земельной собственности существенно повлияло то, что губерния входила в зону средних и низких цен на землю. Все эти факторы, наряду с прочими, в значительной мере содействовали сокращению помещичьих земель.

Дворянские имения отличались не только масштабами владений, но и способами ведения помещичьего хозяйства. Крупные и крупнейшие помещики чаще, чем другие, пытались вести свое хозяйство капиталистическими методами. В 1889 г. новгородский губернатор А.Н. Мосолов вполне справедливо отметил, что хорошо организованные поместья принадлежат преимущественно крупным собственникам, поскольку они «имеют необходимые средства для осуществления мероприятий для повышения плодородия земли» и модернизации всего хозяйства. В таких хозяйствах использовался труд наемных рабочих, внедрялась многопольная система земледелия, покупались более производительные сельскохозяйственные орудия и улучшенные породы скота.

Большие трудности испытывали мелкие помещичьи хозяйства. Главная задача, стоявшая перед владельцами мелкопоместных имений, состояла в том, чтобы удержаться от разорения. На это направлены были все их усилия. Находясь в зоне риска, мелкие землевладельцы не всегда имели необходимые средства для приспособления хозяйства к условиям капиталистического рынка. В случае неудачи их ждало неизбежное разорение. Их земли переходили либо в руки соседей-дворян, либо оказывались в руках крестьян, купцов или мещан. Наибольшую устойчивость проявляли те мелкие дворянские имения, которые по размерам приближались к крестьянским участкам. Они выходили за рамки типичных дворянских владений, поскольку в них применялся личный труд хозяина.

При характеристике процесса мобилизации земельной собственности дворян-помещиков необходимо учитывать, что они не только продавали, но и покупали землю, в том числе у купцов, мещан и других земельных собственников.

Отмена крепостного права означала для помещиков рост потребности в кредите. После 1861 г. для получения ссуды дворянам при-

шлось прибегать к залoгу земельных угодий. Заметный вклад в этот процесс внесло Общество взаимного поземельного кредита. Уже в 1867 г. Общество выдало ссуду в 11875 руб. князю А.И. Васильчикову под залог имения «Бор», находившегося в Новгородском уезде. В том же году помещик П.А. Веригин получил ссуду в 12500 руб., заложив имение «Кемцы» в Валдайском уезде и т.д. Имения неплательщиков продавались с торгов, но это было достаточно редкое явление. Как правило, заемщики все же справлялись с ипотечными платежами. Важнейшим звеном системы ипотечного кредита стал государственный Дворянский земельный банк, созданный в 1865 г. Учреждая его правительство Александра II руководствовалось стремлением усилить свое воздействие на развитие поземельных отношений с целью консервации сословных элементов, привилегий и структур.

Последствия продажи земельной собственности оказывались неодинаковыми для хозяйств разных типов. Как правило, владельцы крупных и экономически состоятельных имений, продавая по высоким ценам не самые лучшие земли, сохраняли в своих руках основную часть лучших угодий, не нарушая тем самым хозяйственной целостности имения. В средних и особенно мелких имениях мобилизация земли вела нередко к застою хозяйства, а затем и к его ликвидации. Крупные имения оказывались более устойчивыми, в то время как рост задолженности среднепоместного дворянства губительно сказывался на жизнеспособности хозяйств.

Е.П. Баринова¹

Проекты «насаждения частного землевладения» в Сибири и их судьба

На протяжении XIX – начала XX в. властные структуры неоднократно рассматривали вопрос о «насаждении частного землевладения» в Сибири. По сравнению с центральными губерниями Европейской России территория Сибири была мало заселена, фактически отсутствовало помещичье землевладение и крепостное крестьянство.

¹ *Баринова Екатерина Петровна*, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, rfnz25@yandex.ru, Россия, г. Самара.

Так, по данным X ревизии на данной территории насчитывалось всего 70 беспоместных дворян и лишь 36 помещиков.

Изменения в аграрном секторе страны, постепенное формирование буржуазной собственности на землю способствовали появлению многочисленных проектов, предполагающих распространение частного землевладения и переселение, как крестьян, так и владельцев земли. В 30–40-х гг. XIX в. не раз поднимался вопрос о необходимости распространения в Сибири частной земельной собственности типа помещичьего землевладения. Проекты были инициированы как министерствами, так и отдельными лицами. В них проводилась мысль, что данная мера будет способствовать хозяйственному освоению Сибири, прежде всего, улучшению сельского хозяйства и золотопромышленности. Первоначально они предусматривали переселение крепостных или государственных крестьян и награждение земель чиновников и дворян за службу. Однако правительство и Николай I решительно возражали против подобных мер, в результате все эти проекты были отвергнуты. Сибирский комитет, подробно обсуждавший вопрос о распространении частного землевладения в Сибири в 1852–1853 гг., также пришел к заключению, что переселение помещичьих крестьян в этот край невозможно. Не осуществился и проект, выдвинутый генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым в 1852 г.

Вновь вопрос о предоставлении земли поместному дворянству в Сибири был поднят в рамках обсуждения проблемы о месте и роли дворянства в российском обществе в 80-е гг. XIX в. Он был связан с интенсивными темпами исчезновения дворянского землевладения, особенно мелкого.

Идеи насаждения частного землевладения в Сибири неоднократно рассматривались Министерством земледелия и государственных имуществ. В подготовительную правительственную комиссию были представлены проекты А.Н. Куломзина и А.С. Ермолова, причем проект А.С. Ермолова носил более прогрессивный характер, так как в нем допускалась возможность приобретения земли в Сибири лицами недворянского сословия. Однако большинство членов подготовительной комиссии поддержало

идеи записки А.Н. Куломзина. Законопроект предполагал переселение дворян-землевладельцев за Урал с целью повышения аграрной культуры населения. Эта мера активно обсуждалась как в Особом совещании по делам дворянского сословия, так и на дворянских собраниях центральных губерний России. Помещики полагали, что принятие закона станет дополнительной мерой поддержки мелкопоместного и безземельного дворянства.

Закон «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» был утвержден Николаем II 8 июня 1901 г. В «Правилах об отводе частных земель в Сибири», утвержденных 18 июня 1901 г., более подробно определялись конкретные меры для образования частных хозяйств. В частности, определялись льготы для дворянского сословия, давалось разрешение на продажу казенной земли или отвод казенных земель с правом их дальнейшего выкупа, определялся размер отчуждаемых участков, который мог достигать 3000 дес. земли. Дворянам предоставлялось право приобретать казенные земли в долгосрочную аренду на срок до 99 лет.

Хотя принятый закон и обсуждался на дворянских собраниях в числе других мер как панацея от обезземеливания сословия, попытка создания в Сибири помещичьего землевладения была явно запоздалой. Так, например, Ф.С. Потоцкий в газете «Орловский вестник» предлагал дворянам воспользоваться законом о льготном приобретении земли в Сибири и принимал поручения для розыска участков на отвод земли. Саратовский помещик Н.А. Павлов в 1903 г. дважды ездил в Сибирь для выяснения возможности переселения туда дворян Саратовской губернии. Дворяне предложили ходатайствовать перед правительством об организации группового переселения дворянства и крестьянства в Сибирь, увеличении размера ссуд дворянского банка с 60 до 80 % для дворян, покупающих сибирские земли. Они полагали, что такая мера позволит дворянству осуществлять руководство и контроль над переселением крестьян, а также позволит отсрочить возможность отделения Сибири от России. Ни принятый 8 июня 1901 г. закон об отводе частным лицам казенных земель в Сибири, ни закон 14 апреля 1904 г. успеха не имели. 6 июня 1904 г. были приняты новые правила о добровольном переселении «сельских обывателей и

мещан-землевладельцев» в места, «заселение коих вызываются видами правительства». Помещики не спешили заселять Сибирь, так как освоение новых земель требовало крупных материальных затрат.

В дальнейшем формы землевладения в Сибири и Приамурском крае регулировались общероссийским законодательством, определяемым столыпинской аграрной реформой, но с учетом ранее принятых законоположений. По указу 10 марта 1906 г. право переселения крестьян в Сибирь предоставлено всем желающим без ограничений.

Время от времени дворянство вспоминало о возможности переселения в Сибирь в ходе обсуждения аграрного вопроса на съездах уполномоченных дворянских обществ. Так, в 1911 г. Н.Е. Марков обвинил правительство в намерении создать в Сибири «особую страну» без дворянского элемента, что могло привести к возможному отделению Сибири от России. Прикрывая свои сословные интересы заботой о будущем России, дворяне вновь требовали льготных условий при покупке земельных участков.

Помещики стремились к прибыльной продаже хлеба и другой продукции сельского хозяйства на внутреннем и внешнем рынках. Между тем транспортная удаленность Сибири, ограниченность ее внутреннего рынка, финансовая несостоятельность мелкого и среднего поместного дворянства, его гипертрофированные надежды на правительственную помощь при решении экономических задач затрундяли переселение дворянства в Сибирь.

Е.М. Чигирева¹

Состояние землевладения и финансовое положение дворянства Воронежской губернии в 1890-х – 1900-х гг.

Спустя 20 лет после отмены крепостного права в землевладении и землепользовании дворянства четко проявляется комплекс тенденций, который можно охарактеризовать термином «оскудение». После отмены крепостного права дворянство Воронежской губернии, составлявшее 0,6 % населения губернии, сохранило за собой 76,6 % своей земли, сконцентрированных примерно в 2215 дворянских хозяйствах, что со-

¹ Чигирева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, Tchigireva89@yandex.ru, Россия, г. Воронеж.

ставляло примерно 1794640 десятин заселенной и незаселенной земли¹. Несмотря на большое количество земельного капитала, сосредоточенного в руках сословия, невозможно было остановить процесс ослабления экономического положения дворян. В Воронежской губернии особенно тяжелыми для сельскохозяйственных производителей стали 1880–1890-е гг. Мировой аграрный кризис, снизивший цены на российское зерно в два раза (рожь – с 82 копеек за пуд в 1883 г. до 44 копеек в 1895 г., озимая пшеница – с 109 до 57 копеек за пуд), падение хлебных цен на внутреннем рынке, падеж скота, неблагоприятные климатические условия и 1880-х гг. нанесли существенный ущерб многим хозяйствам.

К негативным тенденциям для первого сословия относилось «раздворянивание» земельного фонда. Так, к 1893 г. у дворян губернии сохранялось 1255949 дес. удобной земли, к 1898 г. – 1212449 дес. Убыль земли составила 43500 десятин удобной земли за пять лет. К 1904 г. цифра сократилась до 1145272 дес. с учетом участков в городах и непахотных земель. Таким образом, убыль земель воронежского дворянства в начале XX в. составляла 10000 десятин в год. К 1905 г., по данным статистического комитета МВД, 1595 имений включали 994779 дес. удобной земли². Доля землевладения дворян упала до 17,7 % от всего земельного фонда губернии.

¹ Бычковский Г. Движение частной земельной собственности в Воронежской губернии с 1859 по 1893 гг. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1895 год. Воронеж, 1895. Отд. 2. С. 76–77; Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. СПб., 1862. С. 187.

² Вся Россия. Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской Империи. Том 2. СПб., 1897. С. 9; Документы о предоставлении разных сведений в учрежденное особое совещание по делам дворянского сословия. 22 августа 1897 г. // Государственный Архив Воронежской области. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1347. Л. 18; Распределение землевладения в Воронежской губернии к 1903 году // Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г. Воронеж, 1904. Отд. 2. С. 71; Статистика землевладения. 1905 год. Вып. 5. Воронежская губерния. СПб., 1906. С. 10.

Важнейшим показателем финансового положения дворянских землевладельцев являются суммы банковских задолженностей. Еще к 1861 г. на воронежском дворянстве лежало 10 млн частных и казенных долгов. Было заложено около 900 имений и более 160 тыс. крестьян мужского пола¹. Открытие в 1885 г. государственного Дворянского земельного банка, с одной стороны, спасало многих землевладельцев, являвшихся должниками банков частных, и препятствовало окончательному разрушению помещичьего хозяйства. С другой стороны, оно способствовало ускорению «утечки» дворянских земель, которые теперь по завышенным ценам продавались крестьянам, мещанам, купцам.

В Воронежской губернии Дворянский банк выдал в 1890 г. 60 ссуд на сумму 1420400 руб., в 1891 – 20 ссуд на сумму 1124100 руб., в 1892 – 23 на сумму 651100 руб., в 1899 – 40 ссуд на сумму 927300 руб. Данное явление связано отнюдь не с укреплением финансового положения дворянства, а с ухудшением выплат по ссудам. Большая часть заемных средств (831214,65 рублей) шла не на интенсификацию производства аграрной продукции, а на уплату частных долгов. Всего сумма долгов, лежавшая на дворянстве губернии к концу XIX в., составила около 34,5 млн руб. К 1901 г. в Воронежском отделении Дворянского Банка было заложено 825 имений в 507267 десятин (30,59 % от общего количества дворянских владений). К началу 1906 г. только в Дворянском банке было заложено 671 имение на 511298 дес. (сумма оценки – 45212375 руб.)².

¹ Банковские долги и положение губерний // Журнал МВД. 1860, февраль. СПб., 1860. С. 257.

² Ведомость выданных Государственным Дворянским земельным банком ссуд по уездам Воронежской губернии на 1899 год // Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 год. Отд. 2. С. 111; Задолженность частного землевладения в Воронежской губернии на 1901 год // Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 год. Воронеж, 1905. Отд. 2. С. 104–107; Сведения о количестве земли в Воронежской губернии, состоящей в залоге в Государственном Дворянском земельном банке, оценке ее и о состоянии на ней капитального долга к 1 января 1906 года // Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 год. Воронеж, 1908. Отд. 2. С. 108.

Земля в губернии неуклонно росла в цене, к 1905 г. десятину в Воронежском уезде продавали по 200 руб. Казалось бы, ее продажа могла существенно улучшить финансовое положение дворянина, однако нарастающее волнение крестьянского мира, противоречие интересов государства и землевладельцев зачастую приводили к занижению реальной рыночной стоимости земли при продаже, как в случае сделки барона Шлихтинга и крестьян из с. Тишанка Бобровского уезда: оцененная в 165 руб. за дес. земля была продана всего по 100 руб.¹ Сильнее всего, естественно, страдало мелко и среднепоместное дворянство, не имевшее возможности получать ренту от сдачи значительных площадей в аренду, однако разорение сословия не обошло стороной и крупных хозяев. В 1906 г. владения свыше 1000 дес. остались у не более 100 представителей сословия.

*Н.В. Башкирева*²

**Институт земских участковых начальников
как орган административно-судебной власти
в русской деревне рубежа XIX–XX вв.**

В результате отмены крепостного права в Российской империи крестьяне, освободившись от административной и судебной власти помещика, обзавелись органами самоуправления в лице сельских и волостных должностных лиц, выбиравшихся на сельских и волостных сходах. Для приведения в действие Положений 19 февраля учреждалась должность мирового посредника, имевшего административные полномочия в отношении органов и должностных лиц крестьянского самоуправления. В соответствии с Положением от 27 июня 1874 г. полномочия мировых посредников по отношению к органам крестьянского самоуправления перешли к уездным по крестьянским делам присутствиям, непременные члены которых функций надзора и контроля над крестьянами не осуществляли.

¹ ГАВО. Ф. И – 6. Оп. 1. Д. 505. Л. 15.

² *Башкирева Наталья Валерьевна*, кандидат исторических наук, Воронежский государственный педагогический университет, nat.val.saf@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

Вместе с тем, уже в 1870-е гг. во внутренней политике Российской империи на первый план вновь вышел крестьянский вопрос, включавший в себя, в том числе, и коренное изменение в правовом и административном устройстве крестьян. Поместное дворянство сетовало на ослабление вертикали и авторитета власти в деревне, требовало установления контроля на местах с целью «приближения власти к народу». Все более очевидной становилась необходимость реформирования всей системы местного управления.

Однако либеральный проект, выработанный комиссией под председательством М.С. Каханова, предусматривавший создание всесословного сельского общества, всесословной волости, участие представителей земства в уездном и земском управлении, не мог удовлетворить консервативно настроенное крыло дворянства во главе с министром внутренних дел графом Д.А. Толстым. В результате обсуждение вопроса было передано в МВД. Здесь на базе идеи попечительства как основы крестьянского управления, отстаиваемой А.Д. Пазухиным, было предложено учредить орган власти, которому следовало представить полномочия по надзору за крестьянским самоуправлением, а также по разрешению тех категорий судебных дел, которые касались интересов землевладельцев и полицейского порядка в сельской жизни. В итоге в соответствии с Положением 12 июля 1889 г. в русской деревне возникла новая структура органов особой крестьянской администрации, являвшихся одновременно судебной инстанцией: земские начальники – уездные съезды – губернское присутствие.

При формировании института земских участковых начальников была сделана ставка на дворянский землевладельческий элемент. Однако пресловутое «оскудение» не позволило даже во внутренних губерниях империи пополнять корпус земских начальников исключительно местными помещиками. Уровень теоретической подготовки чиновников был невысок, высшего юридического образования не требовалось, а средние учебные заведения, в особенности, военного профиля, не могли обеспечить своих выпускников знаниями, необходимыми для испол-

нения судебных функций. Правительство не смогло в полном объеме укомплектовать институт за счет лиц, занимавших ранее должности, связанные с крестьянским управлением.

Земский начальник был наделен широкими административными полномочиями в отношении органов и должностных лиц крестьянского самоуправления. В результате реформы земские участковые начальники стали важнейшим звеном местной администрации, связывавшим центральный аппарат управления Российской империи с основной массой населения – крестьянством. Институт земских начальников создавался для управления и поземельного устройства сельских обывателей. За четверть века их административные функции значительно расширились, земские начальники превратились из власти, «близкой к народу», в проводника царской политики на местах. Особенно возрос объем административных полномочий чиновников с началом реализации столыпинских аграрных преобразований.

Большое количество управленческих обязанностей затрудняло эффективное исполнение возложенных на чиновников функций. Это отразилось, прежде всего, на качестве правосудия, которое рассматривалось земскими начальниками как второстепенная обязанность.

Несомненно, что в новых социально-политических условиях начала XX в. институт власти в лице земских участковых начальников, бесспорно, нуждался в реорганизации: комплектовании его на бессловной основе, лишении чиновников дискреционных полномочий и судебных функций. Стоит констатировать, что вся система местного управления империи нуждалась в реформировании и отказе, наконец, от представления о том, что крестьяне нуждаются в постоянном «попечительстве». Однако царское правительство оказалось неспособным приспособиться к уже изменившимся историческим условиям.

А.А. Соловьев, А.А. Иванов¹

**Административный фактор в реализации
выкупной операции государственных крестьян
Вятской губернии в 1887–1906 гг.²**

Во второй половине XIX в. содержание и направленность аграрной эволюции в регионах во многом определялись не только традициями сельскохозяйственного производства, обусловленными природно-климатическими и социокультурными факторами, но административными мероприятиями, направленными на удовлетворение фискальных интересов государства и местной администрации. Вследствие этого, укрепление товарно-денежных отношений в традиционной российской деревне в этот период, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, имело противоречивый характер – от полного признания денег в качестве регулятора рынка, до определения крестьянского выхода на рынок как вынужденной заемной операции под давлением государственно-административных структур.

В Вятской губернии, преобладающим населением которой были бывшие государственные крестьяне, важнейшие изменения произошли в 1887–1892 гг., когда вследствие реализации закона 12 июня 1886 г. с 1 января 1887 г. отменялась подушная подать, а оброчная подать вместе с лесным налогом переводились в выкупные платежи. Начало выкупной операции государственных крестьян имело немало положительных и отрицательных оценок среди как современников (Я.С. Вьюгов, П.А. Голубев, И. Жирнов и др.), так и исследователей XX в. Действительно, в Европейской России отмена подушной подати и начало выкупной операции в целом несколько облегчили положение государственных крестьян, снизив

¹ *Соловьев Анатолий Андреевич*, кандидат исторических наук, Марийский государственный университет, solowaa@mail.ru, Россия, г. Йошкар-Ола; *Иванов Алексей Ананьевич*, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, ivanov.al.1974@bk.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-49-120001.

налогообложение в среднем на 13 %, но в ряде губерний и уездов страны произошло и возрастание крестьянских платежей.

При определении размера выкупных платежей в Вятской губернии величина налогообложения крестьян основывалась на приблизительных, не совсем точных данных отрядов таксаторов и межевщиков по выдаче владенных записей, собранных в Вятской губернии в 1866–1886 гг. При назначении окончательных окладов выкупных платежей Вятский отряд по выдаче владенных записей, основываясь на инструкции 15 декабря 1872 г., определял среднюю доходность крестьянских земель приблизительно, прежде чем межевые отряды приступили к оценочным работам. Поэтому средняя доходность одной десятины крестьянских земель Вятской губернии, полученная отрядом по выдаче владенных записей, значительно превышала оценочные данные земской статистики.

Так, оклад выкупных платежей на 1887 г. по Вятской губернии составил 4612514 руб., превышая сумму оброчной подати и лесного налога 1886 г. на 49 %, что было выше установленного по закону предела в 45 %. Податное бремя Вятской губернии было переложено с северных уездов на южные земледельческие. Уездные податные комиссии составили проект разверстки, распределив всю сумму на сельские общества, превысив, с согласия губернской администрации, предусмотренное законом ограничение. Заметный контраст окладов 1886 и 1887 г. проявился на волостном уровне. Так, например, в Косолаповской волости Уржумского уезда прирост окладов составил – с 19828 до 31562 руб. (159 %), Пиштанской волости Яранского уезда – с 10459 до 32125 (307 %). Выкупные платежи вплотную подступили к доходности 1 дес. земли, определенной земской статистикой. Так, например, по данным земской статистики, доходность 1 дес. земли составила: в Уржумском уезде 119 коп., а выкупной платеж 1887 г. – 92 коп., в Нолинском уезде доходность 56 коп., выкупной платеж – 65 коп.

Стремясь наполнить казну и предотвратить рост крестьянских недоимок, вятский губернатор А.Ф. Анисьин своим циркуляром от 8 октября 1887 г. изменил сроки внесения основной час-

ти податей на осенние месяцы. Современник тех событий А.А. Прозоров описал эти события: «...последовал твердый приказ становым взыскать эти недоимки без всякого послабления с продажи всего инвентаря до последней коровы и с применением телесного наказания. Застонала губерния, посыпались жалобы и преследования жалобщиков...». Административно-военные методы выколачивания податей привели, с одной стороны, к некоторому росту налоговых поступлений и сокращению недоимок в Вятской губернии, но имели и обратный эффект – снижение благосостояния крестьянства и рост протестных настроений, отказ от платежа податей.

Произошел коренной надлом крестьянского хозяйства, выразившееся в снижении поголовья скота и урожайности зерновых: в Яранском уезде урожайность озимых в 1887–1892 гг. снизилась, по сравнению с предшествующим пятилетием, от «сам»-4,91 до 3,7, в Уржумском уезде – от 4,17 до 3,57. Крестьянские волнения, рост недоимок и продовольственный кризис 1891 г. заставили отменить распоряжение о переносе податных сроков, а после публикаций в российской печати о состоянии дел в Вятской губернии губернатор А.Ф. Анисьин был отправлен в отставку. Анализ сведений, собранных контрольными палатами о поступлении окладных сборов по 50 губерниям, позволил издать закон от 23 июня 1899 г., согласно которому сроки внесения платежей стали утверждаться не циркулярами губернатора, а уездными съездами на основе ходатайств сельских сходов.

Податные реформы, проводившиеся в государственной деревне Вятской губернии в 1887–1892 гг. административно-полицейскими методами без предварительного публичного обсуждения и оценочных работ, являлись типичными для большинства губерний Европейской России. Направленные на усиление государственного института, они в то же время снижали благосостояние значительной части крестьянского населения страны вследствие высоких, не сопоставимых с доходностью земли, выкупных платежей, отчуждения крестьянских хозяйств от земли и отказа от земли, как мерил ценности.

Ю.Б. Будкина¹

**Кредитная кооперация в российской деревне
накануне Первой мировой войны
(по материалам губерний Центральной России)**

Накануне Первой мировой войны кредитная кооперация становится значимым фактором в жизни российского крестьянства. Данное исследование территориально охватило губернии Центрального черноземного (Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская) и Центрального промышленного (Владимирская, Костромская, Тверская, Ярославская) районов. Анализ региональной специфики развития кредитной кооперации на примере земледельческих и промышленных губерний позволил ввести в научный оборот новые источники и показать особенности развития кооперативного кредита в российской деревне.

Предвоенные годы стали временем стремительного роста численности кредитных кооперативов, преимущественно в сельской местности, по сравнению с другими видами кооперации. Это во многом было связано с проведением столыпинских преобразований. Развитие кооперативного кредита являлось одним из важнейших направлений реализации государством аграрной реформы. Так, в Воронежской губернии по данным на 1 января 1907 г. насчитывалось 80 товариществ, а на 1 января 1914 г. – 225 товариществ, в Орловской – соответственно 35 и 240, Рязанской – 11 и 204, Тамбовской – 37 и 317, Владимирской – 42 и 194, Костромской – 12 и 164, Тверской – 20 и 102, Ярославской – 13 и 173. В земледельческих губерниях кредитная кооперация развивалась интенсивнее, чем в промышленных. Наивысший численный рост приходился на кредитные товарищества, как более доступные для малоимущих домохозяев. Одновременно с ростом числа кооперативов наблюдалось увеличение числа членов и динамика изменения балансов. Однако количественные показатели не дают полной картины развития кредитной кооперации в отдельной губернии. Изучение та-

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, jullyb@mail.ru, Россия, г. Рязань.

ких показателей как плотность населения, природно-климатические условия, влияние кооперативного кредита на развитие крестьянского хозяйства, отношение крестьян к кредитным кооперативам и др. позволяет сделать вывод, что в некоторых губерниях с меньшим количеством товариществ, кредитная кооперация достигла высокого уровня развития в качественном отношении.

В рассматриваемый период кредитные кооперативы Центральной России уделяли повышенное внимание культурно-просветительской деятельности. Основными формами ее реализации были проведение лекций, организация чтений и бесед, устройство библиотек, «народных домов», курсов по кооперации, выписка газет и журналов. В целом культурно-просветительская работа товариществ способствовала распространению элементарной грамотности и кооперативных знаний в деревне, интенсификации крестьянских хозяйств, росту социальной активности и самодеятельности крестьянства, переменам в традиционном менталитете сельского населения. Характер и направления культурно-просветительской деятельности во многом зависели от финансовых возможностей кооперативов и личной позиции их руководителей.

Накануне мирового военного столкновения кредитная кооперация активно взаимодействовала с земскими учреждениями, особенно в осуществлении агрономических мероприятий и культурно-просветительской деятельности. В то же время кооператоры Костромской, Рязанской и Ярославской губерний стремились «войти» в земство и приобрести здесь соответствующее влияние и силу. Это обстоятельство заставляло местные органы самоуправления учитывать политику кредитной кооперации.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что среди членов Государственной Думы 3-го и 4-го созывов были крестьяне – председатели и организаторы кредитных кооперативов, представлявшие Костромскую, Орловскую, Рязанскую и Ярославскую губернии.

До войны отношение крестьян к кредитной кооперации было неоднозначным. Часть сельских жителей видели пользу кооперативного кредита в борьбе с ростовщиками, а также в развитии хуторских и отрубных хозяйств. Однако встречалось и враждебное

отношение, как к кредитным кооперативам, так и к преобразованиям в деревне. В связи с этим показателен пример крестьян Еланского Колена Новохоперского уезда Воронежской губернии, распространявших слух о том, что на рождественских святках 1911 г. будет разгромлено кредитное товарищество, а в 1912 г. подвергнутся погрому хозяйства помещиков и крестьян-собственников, перешедших на отруба. Нередко кредитные кооперативы рассматривались крестьянами как «лавочки дешевых денег», поэтому отношение к ним было исключительно потребительским.

В канун войны росло число публикаций по проблеме развития кооперативного кредита в центральных и губернских периодических изданиях, что свидетельствует о подъеме кооперативного движения. Важно и то, что в губернской печати появляются заметки кооператоров, отражающие текущую деятельность, достижения и неудачи деревенской кооперации. В январе 1912 г. выходит первый номер еженедельного журнала «Вестник мелкого кредита». Со временем этот журнал станет самым популярным изданием по вопросам кредитной кооперации вплоть до 1917 г.

Таким образом, накануне Первой мировой войны кредитные кооперативы в рассматриваемых губерниях, как и в России в целом, характеризовались активным развитием, способствовали интенсификации модернизационных процессов в российской деревне. Кредитная кооперация изменила не только экономический уклад, но и культурную жизнь крестьянства. Накопленный в предвоенный период потенциал в полной мере будет использован кредитными кооперативами в период Первой мировой войны.

Т.Н. Сидоренко¹

Сельскохозяйственная кредитная кооперация кубанского казачества в начале XX в.

На современном этапе в казачьих регионах страны большое внимание уделяется вопросам формирования экономической базы

¹ *Сидоренко Таисия Николаевна*, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Taisianik@yandex.ru, Россия, г. Краснодар.

казацких обществ и предпринимательской деятельности казачества, происходит возрождение сельскохозяйственной потребительской кооперации в казачьей среде. В связи с этим актуальной становится проблема внедрения огромного исторического опыта использования казачеством преимуществ сельскохозяйственной кредитной кооперации.

В возникновении кооперативного движения в среде казачества на рубеже XIX–XX вв. немаловажную роль играли общинные традиции, благодаря которым кооперативные товарищества имели наиболее подготовленную почву именно в станицах. Общинников объединяли производственные интересы, коллективная ответственность перед государством за налоги, правосудие, взаимопомощь. Станичный сход, в котором участвовали и имели право голоса все домохозяева, решал все хозяйственные вопросы. Казачьей общине были присущи черты, необходимые для успеха кооперации – самодеятельность, самоуправление, круговая ответственность по обязательствам. Кооперативы же унаследовали от общины, скорее, не организационные формы, а дух и традиции коллективизма, совместного труда и потребления. Несмотря на глубокие исторические традиции, весьма благоприятные для кооперативной деятельности (помимо общины, привычка к совместной форме труда, разделу прибылей и т.п.), кооперация могла укрепиться только тогда, когда для нее создались необходимые социально-экономические предпосылки – развитие товарно-денежных отношений.

С начала XX в. наблюдается бурное развитие кооперации в казачьей среде, подготовленное возрастанием экономической необходимости в кооперировании в связи с расширением и углублением товарно-денежных отношений, ростом цен на сельскохозяйственную продукцию. Кубанская кредитная кооперация в начале века по темпам развития занимала одно из первых мест на юго-востоке страны, а по экономической мощи – первое. В результате широкого размаха кооперативного движения в области в кредитную кооперацию на 1913 г. было вовлечено 46 % общего числа самостоятельных домохозяев края. Следует отметить, что именно

в казачьих районах края кооперирование получило более интенсивное и всестороннее развитие.

Причиной бурного развития кредитной кооперации на Кубани являлся тот факт, что личная земельная собственность была здесь естественной и укрепившейся формой землевладения. Процессы раскрепощения от натуральных форм и перехода к денежному хозяйству происходили интенсивнее и быстрее; реформы и экономические новшества прививались лучше, а потому условия для производительного кредита являлись более подходящими. Другой особенностью кубанской кредитной кооперации являлась сама ее деятельность, направленная главным образом на развитие аграрного сектора экономики (выдача ссуд на хозяйственные нужды, сбытоснабженческие операции и т.п.). Кроме того, кредитные кооперативы области брали на себя функции по оказанию агрономической помощи населению края, что не свойственно было кооперативам других регионов страны.

Основную массу членов кредитных кооперативов Кубани составляли казаки. Причем, наиболее значительной группой в кооперативах, их руководителями, были зажиточные представители казачества – по своему удельному весу они превосходили средние слои приблизительно в 6 раз, а бедные в 10 раз. В казачьих отделах области (например, Ейском, Кавказском, Темрюкском) широкое распространение получили ссудо-сберегательные товарищества, для создания которых требовалось образование собственного паевого капитала, кроме того, для таких товариществ была характерна выплата высокого процента на внесенный пай. Кредитные товарищества, которые характеризовались отсутствием паевых взносов, а их оборотный капитал формировался за счет средств, ссуженных из Госбанка – действовали в районах области с менее зажиточным населением, т.е. там, где проживали преимущественно иногородние.

Хотя, кубанская кредитная кооперация носила всесословный характер, основываясь на данных о распределении ссуд, можно выявить какой социальной группе кредитная кооперация приносила больше материальной выгоды. На 1 октября 1914 г. казакам было выдано 80 % всех ссуд, иногородним – 20 %. По имуществен-

ному положению – 20 % всех ссуд было выдано беднякам, 70 % – середнякам и 10 % – зажиточным хозяевам. Эти данные подтверждают выводы исследователей о том, что в кооперации были заинтересованы в первую очередь среднезажиточные слои населения, а кубанская кредитная кооперация была преимущественно казачьей, и казачество играло ведущую роль в организации и деятельности кредитных кооперативов области.

Участие в кооперации приносило определенную материальную выгоду каждому отдельному члену различных социально-имущественных групп, о чем свидетельствовал бурный рост членов кооперативов в начале века. Экономическая выгода каждого отдельного члена зависела от реального вклада его в кооперативное дело. Среднезажиточные слои сельских производителей, участники кооперативов, имея большие запросы хозяйств и обладая большей кредитоспособностью, естественно имели возможность в получении большего размера ссуд, чем малоимущие слои населения. Кроме того, они получали дивиденды на внесенные в кооператив паи (в ссудо-сберегательных товариществах) и проценты на вклады.

Таким образом, станичные кредитные кооперативы не просто кредитовали своих членов, являясь эффективным механизмом финансовой поддержки, но и содействовали объединению экономических интересов, усилиям пайщиков в организации производственного процесса, в реализации сельскохозяйственной продукции и услуг.

А.А. Кухаренко¹

Роль ипотечного кредита в решении аграрного вопроса на территории Беларуси (1883–1917 гг.)

Во второй половине XIX в. крестьянское малоземелье в белорусских губерниях становится повсеместным. Процесс обезземеливания крестьян был связан с исчерпанием возможностей традиционного развития крестьянского хозяйства экстенсивным путем и быстрым ростом крестьянского населения, который сопровождался дроблени-

¹ *Кухаренко Артур Андреевич*, кандидат исторических наук, Белорусский государственный университет, KuharenkAA@bsu.by, Республика Беларусь, г. Минск.

ем их наделов. Такая же ситуация была характерна и для других регионов России. Отсутствие у крестьян необходимых денежных средств для покупки земли и опыта заключения сделок с землей требовало создание специализированного банковского учреждения по обслуживанию земельных отношений в Российской империи.

Одной из первых попыток ослабления земельного голода крестьян стала организация долгосрочного кредита для приобретения земли. В 1878 г. на обсуждение земских собраний были направлены два проекта, которые предусматривали создание учреждения мелкого земельного кредита. Эти проекты были составлены с целью оказания помощи крестьянам в приобретении земли. Первый из них, подготовленный Санкт-Петербургским комитетом ссудо-сберегательного товарищества, предусматривал создание товарищества взаимного поземельного кредита с выпуском гарантируемых правительством закладных листов. Второй проект, составленный Московским комитетом ссудо-сберегательного товарищества, предполагал учреждение земельного банка также с выпуском закладных листов. Этот банк, в отличие от товарищества, должен был иметь организационную структуру и четко определенные функции.

В течение 1870–1880-х гг. в белорусских губерниях Российской империи была создана сеть учреждений долгосрочного кредита, куда входили государственные (Крестьянский поземельный банк, Дворянский земельный банк) и коммерческие (Виленский, Санкт-Петербургско-Тульский и Московский акционерные банки) земельные банки, которые практиковали различные формы кредитования под залог земельной собственности.

Ограничительные меры самодержавия в отношении крестьян-католиков, запрет на кредитование «лиц польского происхождения», широкое распространение ростовщических операций, ограничение свободной покупки и продажи земли, приоритетное положение православных крестьян, в том числе старообрядцев, при выборе потенциальных клиентов банка определили особенности деятельности ипотечных банков на территории Беларуси.

В белорусских губерниях была создана система ипотечного кредитования населения. Низкая доходность имений побудила по-

мешиков закладывать земли в государственных и коммерческих банках. Православные и лютеранские помещики стали клиентами Дворянского земельного банка. Запрет государственным банкам выдавать ссуды помещикам-католикам вынудил их обратиться к услугам акционерных земельных банков, которые взимали почти в два раза более высокие проценты, чем Дворянский земельный банк.

В системе ипотечного кредитования населения особое место отводилось Крестьянскому поземельному банку. Банк занимался выдачей ссуд на покупку земли, землеустроительной деятельностью, покупкой и продажей имений, благотворительностью. Опыт банковского участия в формировании рынка земельной собственности представляет собой не только научный интерес, но и практическое значение для современного банковского сектора экономики Республики Беларусь.

С 1883 по 1914 г. деятельность белорусских отделений Крестьянского поземельного банка привела к увеличению крестьянского землевладения на 1975021 десятина земли, что составило 19 % надельных и купленных земель крестьян. Широкая деятельность банка на земельном рынке и его мероприятия по стимулированию создания хуторов и отрубов имели положительный эффект. Они привели к увеличению размеров индивидуальной земельной собственности крестьян и созданию рентабельных хозяйств фермерского типа на белорусских землях.

Таким образом, ипотечный кредит способствовал решению аграрного вопроса в белорусских губерниях. Это происходило по следующим направлениям:

1. Безземельное и малоземельное крестьянство стало полноправным участником торговых операций с землей благодаря проведению целевой кредитной политики и разработки системы льгот при выдаче и возврате ссуд.

2. Помещичьи земли оказались втянутыми в торговый оборот посредством формирования доступного для крестьян банковского земельного фонда.

В целом, ипотечный кредит ускорил процесс капиталистической трансформации сельского хозяйства в белорусских губерниях

посредством расширения системы частного крестьянского землевладения, формирования хуторских хозяйств и распространения приемов рационального ведения хозяйства.

М.Д. Карпачев¹

**Социальный мир русской деревни
и проблема ее продовольственной безопасности
во второй половине XIX – начале XX в.**

Долгое время в исторической литературе господствовало мнение о тяжести материального положения крестьянства и скудости его питания. Хронические же неурожаи и связанные с ними крестьянские голодовки объяснялись следствием тяжелой эксплуатации земледельцев со стороны помещиков-землевладельцев и защищавшего интересы последних самодержавного государства. Однако в последнее время стал энергично отстаиваться тезис об улучшении материального положения русского крестьянства. Случавшиеся же недороды и голодовки трактуются как досадные исключения из общего позитивного процесса улучшения материального благосостояния русского народа после падения крепостного права.

Однако анализ источников регионального происхождения свидетельствует о совсем не случайном характере систематических неурожаев и связанных с ними крестьянских бедствий. Во всяком случае в центрально-черноземных губерниях. Здесь недороды были прямым следствием не столько природных катаклизмов, сколько архаичной организации социального мира черноземной деревни.

Уже современники начинали сознавать, что общинные порядки имеют прямое и, увы, негативное отношение к состоянию урожайности крестьянских полей. Ограничивая социальную мобильность крестьянства, общинное землевладение порождало аграрное перенаселение и, вслед за этим, чрезвычайную дробность крестьянских наделов. Как вспоминал воронежский крестьянин И. Столяров, все это

¹ *Карпачев Михаил Дмитриевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

вело к неуклонному истощению почвы. Общинный строй деревни все более интенсивно нарушал экологическое равновесие: происходили интенсивная распашка лугов и порубка лесов.

Характерной чертой социального мира русской деревни были периодические голодовки земледельцев-общинников. Землевладельцы же периодически подключались к организации продовольственной помощи страдавшим от неурожая земледельцам. Олицетворяя социальный облик пореформенной деревни, община, казалось бы, служила надежным подспорьем в деле оказания продовольственной помощи крестьянам пострадавших от неурожая губерний. Однако на деле общинные порядки не смягчали тяготы бедствия, а для бедных и средних крестьян только усиливали. Во время голодовок классовое расслоение деревни усиливалось, эксплуатация деревенской бедноты кулачеством была особенно жесткой и даже циничной. Как красноречиво свидетельствовали материалы сельскохозяйственных обзоров Воронежской губернии, внутри общины резко возрастали спекулятивные операции, многие общинники попадали в долговую кабалу к своим же односельчанам. Источники свидетельствовали, что о крестьянской солидарности в условиях общины говорить не приходилось: зажиточные односельчане охотно пользовались народной нуждой и продавали хлеб с условием уплатить за него после будущего урожая. Но при этом стоимость хлеба обыкновенно повышалась продавцом на 40–50 % против той цены, которая существовала на него в момент совершения сделки.

О негативном влиянии общины на проведение политики продовольственной безопасности писали и наблюдательные современники. А.Н. Куломзин, в частности, отмечал, что предоставление общинам ссуд при круговой поруке усиливало закабаление несостоятельных крестьян кулаками. При этом, большая часть ссуд беззаботно пропивалась¹.

В качестве естественного спутника авторитарной государственности община до определенной поры была удобной формой

¹ Куломзин А.Н. Пережитое. М., 2016. С. 274.

управления крестьянством, в том числе и при решении задач продовольственного обеспечения. Об этом красноречиво свидетельствовал С.Ю. Витте. Большинство же крестьян видело в общине привычную опору самосохранения. Гибель от голода даже в самые неурожайные годы была в общинах исключительной редкостью. Однако помощь голодавшим внутри общины практически никогда не была бескорыстной. Зажиточные крестьяне, опасаясь круговой поруки, до последней возможности предпочитали отказываться от получения общих для сельского общества продовольственных ссуд. О равнодушном отношении зажиточных крестьян к нуждам бедняков с горечью писал В.Г. Короленко.

Неожиданно для властей обнаружилось, что община оказалась не столько помощником в борьбе с голодом, сколько довольно каверзным и капризным противником. Воронежское земство, в частности, отмечало, что в 1891–1892 гг. «выдача ссуд безземельным крестьянам сопряжена с большими затруднениями по невозможности установления круговой поруки, требуемой законом». Связанные круговой порукой состоятельные крестьяне-общинники нередко предпочитали вовсе не брать ссуду, чтобы не отвечать материально за бедноту. Учитывая это, Бобровское уездное земское собрание, например, ходатайствовало о замене круговой поруки сельских обществ «круговою порукою домохозяев-заемщиков и о введении обязательных общественных запасок как меры, обеспечивающей возврат продовольственных ссуд».

Попытка по закону 1900 г. переложить ответственность за обеспечение продовольственной безопасности с земских учреждений на местную администрацию существенного улучшения не принесла. Прежде всего из-за фактического саботажа общин. Местные статистические источники свидетельствовали, что установленные нормы хлебных запасов систематически не выполнялись. Даже в самые урожайные годы общины фактически саботировали предписания местных властей о засыпке хлеба в запасные магазины. Вот почему при проведении столыпинской аграрной политики упор стал делаться на индивидуальную ответственность отдельных домохозяев за создание таких запасов. Однако для завершения программ индивидуализации

крестьянской собственности и прекращения, по выражению П.А. Столыпина, «политики казенного социализма», требовались десятки лет. Такого шанса история реформаторам не предоставила.

Существенным показателем кризиса общинного строя следует признать резкое падение финансовой дисциплины крестьянства после проведения масштабных мероприятий по оказанию им продовольственной помощи. Большинство общин воспринимало представлявшиеся государством ссуды как безвозвратные. После двухлетнего голода 1891–1892 гг. платежеспособность крестьянства была, естественно, крайне низкой, недоимки по прямым налогам оказались очень большими и взыскать их было практически невозможно. Финансовая дисциплина крестьянства упала и оставалась низкой вплоть до крушения монархической государственности. Причем даже в урожайные годы. По данным официальной статистики недоимки по налоговым платежам в конце XIX в. равнялись почти двум годовым окладам, а с 1897 по 1906 г. увеличились еще на 90 %. Существование общины становилось просто опасным для судьбы государства.

При неурожаях крестьян выручала не община, а государственная помощь, благотворительность, общественные работы, отход. Община, аграрное перенаселение и связанное с ним крестьянское малоземелье, архаика и натурально-потребительский характер большинства хозяйств – вот социальные причины их низкой эффективности и, как следствие, систематических голодовок русской деревни.

И.А. Шевченко¹

Российская деревня и винная монополия С.Ю. Витте

В конце XIX в. в России была введена казенная продажа питей – государственная монополия на продажу крепкого алкоголя (сорокаградусного вина), также именуемая винной монополией С.Ю. Витте, министра финансов тех лет. Целями реформы в сфере производства и продажи алкоголя являлись стремление правит-

¹ *Шевченко Иван Александрович*, кандидат исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тянь-Шанского, iash@ Rambler.ru, Россия, г. Липецк.

ельства повысить доходность казны путем пополнения ее средствами, ранее являвшимися прибылью частных торговцев, а также борьба с народным пьянством посредством ликвидации распивочной продажи спиртного и распространения умеренного («культурного») домашнего потребления горячительных напитков.

Питейная реформа, главным образом, коснулась российской деревни, в которой власти еще до введения монополии начали активно ликвидировать частные распивочные кабаки, заменяя их винными лавками, отпускавшими вино на вынос. Проблема потребления алкоголя в отечественном селе и государственной политики в питейной сфере изучалась и продолжает довольно активно исследоваться специалистами дореволюционного (В.К. Дмитриев, М.И. Фридман), советского (И.И. Ковалев, Т.С. Протько) и современного (В.Б. Безгин, Л.И. Земцов, М.Д. Карпачев, А.В. Николаев и др.) периодов.

Представляется важным анализ того, как введение винной монополии отразилось на большинстве населения Российской империи – крестьянстве – с разных точек зрения.

Ограничение частной розничной торговли вином повлекло за собой так называемое «ограбление мирских касс». Дело в том, что во второй половине XIX в. в период существования акцизной системы продажи алкоголя сельские общества практиковали взимание особого сбора в свою пользу с кабатчика, желавшего заняться питейной торговлей на территории их усадебной оседлости. Эти деньги могли крестьянами пропиваться, однако, по многочисленным свидетельствам современников (в том числе по сообщениям земских управ), как правило, выручаемые средства шли на социальные нужды села – постройку больниц, ремонт школ и т. п.

Во второй половине 1890-х – начале 1900-х гг. в Министерство финансов стали массово приходиться ходатайства сельских обществ и земских учреждений, поддержанных губернаторами, о возвращении крестьянам права регулировать самостоятельно пребывание в селе питейного заведения и взимать плату за разрешение вести торговлю алкоголем. В ходатайствах указывалось, что поступающие таким образом денежные средства сельчане тратили на нужды народного образования и здравоохранения, а также на

уплату налогов. По сообщениям местных властей, годовые потери Тамбовской губернии составляли 457115 рублей (1902 г.), Воронежской – 565778 рублей (1899 г.), Курской – 382000 рублей (1897 г.). Эти ходатайства оставались без удовлетворения, так как чиновники были убеждены в том, что такая практика вела в большинстве случаев к увеличению деревенского пьянства.

Критическое отношение крестьян к винной монополии было также обусловлено социокультурными причинами. Упраздненный властями кабак был в деревне не просто местом продажи алкоголя, а являлся своего рода клубом, местом узнавания новостей, заключения сделок, общения (об этом писал в частности американский историк А. Мак-Ки). На смену кабаку пришла казенная винная лавка, с трудом приживавшаяся в деревне. Крестьяне по-разному выражали свое недовольство этим типом питейного заведения, куда ходить им было «как к чиновнику». Неслучайно в годы революции 1905–1907 гг. в прессе писали о том, что наряду с разгромом помещичьих имений в деревне громились казенные винные лавки.

Во второй половине 1900-х гг. сельские общества стали активно прибегать к практике подачи прошений в Министерство финансов о закрытии питейного заведения в селе по причине его губительного влияния на нравственность и физическое здоровье крестьян. Чиновники крайне неохотно шли на удовлетворение таких обращений, не без оснований считая, что вслед за закрытием «казенки» в селе непременно появится шинок – место незаконной продажи алкоголя.

В этой борьбе общественность заняла сторону крестьян. Требования предоставить крестьянам безусловное право закрывать питейные заведения на своей территории раздавались со страниц прессы, из залов заседаний Государственной Думы, где был подготовлен законопроект о мерах борьбы с народным пьянством. Противостояние закончилось довольно неожиданно – с началом Первой мировой войны волей императора Николая II вводились временные ограничения на продажу алкоголя в Российской империи. Современники стали сообщать о впечатляющих темпах распрос-

транения народной трезвости, однако одновременно в сельской местности стало активно развиваться самогоноварение, борьба с которым в условиях военного времени не могла быть максимально эффективной.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что в борьбе с винной монополией крестьянство пыталось отстаивать право на реализацию собственного видения оптимальной системы продажи алкоголя, которой могла быть частная торговля, регулируемая самим сельским обществом.

С.В. Букалова¹

Первая мировая война как фактор трансформации гендерной роли крестьянки²

Формировавшаяся веками традиционная культура крестьянского социума характеризовалась четким разделением гендерных ролей между мужчинами и женщинами, старшими и младшими. В этой системе общественных отношений женщина занимала подчиненную и неполноправную позицию, будучи практически исключенной из сферы публичных отношений.

После отмены крепостного права и начала развития капиталистических отношений миграционные процессы, охватившие деревню, стали оказывать заметное влияние на гендерный баланс и вызывать трансформацию традиционных гендерных ролей. Такое явление, как отходничество, привело к преобладанию в ряде губерний женского населения, так что этот район даже получил наименование «бабьей стороны». Исследователи отмечали, что женщины при этом приобретали возможность играть более активную и самостоятельную роль в жизни социума.

Как своеобразную форму миграционных процессов можно рассматривать военные мобилизации периода Первой мировой

¹ Букалова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, STL1612@yandex.ru, Россия, г. Орел.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00494.

войны, которые затронули значительную часть взрослого мужского населения деревни. Вкупе с элементами государственной социальной политики, появление которых относится к этому же периоду, они явились факторами дальнейшей женской эмансипации.

Первые примеры социальной активности женщин-крестьянок после начала войны были связаны с их протестами против проведения землеустроительных работ и выделения из общины в отсутствие призванных в армию домохозяев. В этом случае женщины как бы признавали свою второстепенную роль, малую информированность, неспособность отстаивать интересы своей семьи – и в то же время шли на конфронтацию с односельчанами, землемерами, представителями власти.

В период войны распространилась практика назначения казенных пособий солдаткам и их детям в том случае, если они содержались трудом призванного. Практически впервые в российской истории социальная поддержка со стороны государства оказывалась столь широко и систематически. Примечательным было и то, что женщина рассматривалась властями как полноправный адресат помощи. Не следует преувеличивать возникавшую финансовую независимость получательниц пособия, размер которого рассчитывался исходя из стоимости минимального набора продуктов питания. И все же для получения пособия крестьянка должна была вступить в формальные, документированные отношения с органами управления, что требовало от нее самостоятельности, активности, умения ориентироваться в официальной информации.

Реалии мировой войны придали особый смысл нараставшей тенденции распада патриархальной семьи, поскольку именно в нуклеарной семье с уходом мужа на фронт жене приходилось принимать на себя роль главы. По сути, в годы войны повсеместно распространилась практика «бабьей стороны» с участием женщин в сходах, обращением в волостные суды и т.п.

Контакты солдаток с военнопленными, хотя и выглядят «пикантной» темой, следует рассматривать как редкое исключение, поскольку принятые правила использования труда пленных в се-

льском хозяйстве делали практически невозможным попадание военнопленного в крестьянскую семью, хотя бы даже и остро нуждавшуюся в рабочих руках.

Наконец, самым наглядным проявлением женской активности стали т.н. «бабьи бунты» – беспорядки на почве дефицита и дороговизны товаров, имевшие место как в крупных поселениях, в которых находились торговые заведения, так и в городах. В последнем случае в разгроме лавок и магазинов нередко принимали участие крестьянки (главным образом – солдатские жены), пришедшие за покупками. Налицо изменение стратегии поведения сельской женщины, ее представления о своем месте в обществе. Крестьянки не испытывали трепета перед властями, перед более зажиточными и образованными социальными группами – они требовали справедливости, приемлемых цен и желанных товаров (таких, как сахар и ситец) для себя и своих семей. В то же время следует отметить, что женщины основывали свои требования на том факте, что их близкие жертвуют собой, выполняя свой долг перед Родиной на полях войны. Таким образом, претерпевшая за короткий срок значительную эволюцию гендерная идентичность русской крестьянки все же не достигла уровня представлений о самоценности и самодостаточности женщины.

Поскольку гендерные отношения складываются в процессе социального взаимодействия, Первая мировая война, оказавшая драматическое воздействие практически на все сферы социального бытия, оказала косвенное влияние также и на социальную роль крестьянки в ее ближайшем окружении.

Следует признать, что трансформация гендерной роли женщины-крестьянки в годы войны происходила иначе, чем представительниц высшего и среднего городского класса, образ которых несравнимо шире представлен в мемуарной и исследовательской литературе. Патриотический дискурс был задействован не через образ сестры милосердия или благотворительницы, а через конструирование образа жены (или матери) воина, «осиротевшей» без него и заслуживающей компенсации этой утраты со стороны общества.

П.П. Щербинин¹

Отставные солдаты в социальном строе русской деревни в XIX в.²

Представители военного сословия (рекруты, отставные и запасные солдаты, а также члены их семей) играли важную роль в сословно-социальных трансформациях, серьезно влияли на стратификацию аграрного социума, в том числе земельную собственность и землепользование. Эти процессы затрагивали как государственную деревню, так и помещичьи хозяйства, проявлялись повсеместно и в Центральной России, и на окраинах империи.

Особенно тщательно власти регламентировали обустройство отставных солдат, происходивших из государственных крестьян, обеспечивая их пособием на обзаведение хозяйства, с целью вернуть их к сельской оседлости. Обычно земледелием занимались те военные ветераны, которые происходили из однодворцев или там, где было наследственное владение землей. Возвратившись с военной службы, отставник получал во владение свой прежний участок. С другой стороны, военным ветеранам нередко отказывали в подобном выделе земли в черноземных плодородных густонаселенных регионах.

С 1841 г. по «Положению об устройстве военных нижних чинов, водворяющихся в казенных селениях», на территории государственной деревни была образована привилегированная группа держателей казенной земли, а в ее составе была выделена особая прослойка оброчников, которая сливалась по своему положению с массой государственных крестьян.

Забота о пополнении армии и нежелание нести дополнительные расходы вынуждали государство предоставить помещикам льготы по рекрутской повинности, если они селили в своих поместьях отставных солдат и членов их семей.

¹ *Щербинин Павел Петрович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, shcherbinin2010@gmail.com, Россия, г. Тамбов.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00494 А.

Статистические данные дают добротные сведения о вовлеченности отставников в поземельные отношения. В аграрной Тамбовской губернии в 1849 г., судя по отчету в МВД тамбовского губернатора, отставных нижних чинов было до 10000, из которых более 7000 занимались хлебопашеством, 2250 – промыслами и частной службой, 67 торговлей, а остальные, по дряхлости, находились на иждивении родственников. Спустя 6 лет, в 1855 г., из отставных солдат лишь 54 % занимались хлебопашеством, 22 % – жили у родственников, остальные имели другие занятия или находились в богадельнях.

В Полном собрании законов Российской империи отразилась четкая регламентация статуса военных ветеранов в аграрном социуме. Так, весьма охотно власти расселяли отставных солдат на землях казачьих войск. В 1853 г., по предложению министра государственных имуществ, на сибирские губернии было распространено положение об устройстве отставных нижних чинов, водворяющихся в казенных селениях.

19 декабря 1858 г. Александр II распорядился отставных нижних воинских чинов водворять в бывших округах пахотных солдат. Переселявшиеся на окраины России отставники получали наделы земли на семью, ссуду хлебом и деньгами на проезд и обустройство хозяйства. Фактически они сливались с общей массой государственных крестьян.

25 июня 1867 г. были высочайше утверждены «Правила об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов», по которым уволенные из войск солдаты уже не составляли особого сословия, не исключались из ревизских сказок, а возвращались к прежним занятиям, в состав своих обществ. Это дата является рубежной и отражает изменения, которые происходили в сословно-правовом положении отставных солдат.

Впрочем, военные ветераны могли просить о водворении их на предназначенных министерством государственных имуществ для новых поселений казенных участках. Данный подход был обусловлен тем обстоятельством, что из-за малоземелья или других причин члены общины нередко отказывали возвра-

тившимся солдатам вступать в пользование всеми принадлежащими им в общине правами, в том числе правом на участие в пользовании отведенной в наделе обществу мирской, усадебной и полевой землей.

Примечательно, что до 18 января 1869 г. отставным и бессрочноотпускным нижним чинам предоставлено было право приписываться к многоземельным сельским обществам. По истечении этого срока им предстояло водворяться исключительно на свободных казенных землях. И в первом, и во втором случаях нижние чины освобождались пожизненно от платежа оброчной подати за занятые ими земли, а построенные ими дома освобождались от воинского постоя. Заметим, что эти льготы распространялись только на самих солдат, но уже не касались их сыновей, которые допускались обычно к поселению с ними во избежание раздробления хозяйств. Причем, от селившихся на свободных землях крестьян, министерство государственных имуществ всегда требовало удостоверение о невозможности водвориться в прежних обществах. От подачи такого заявления освобождались лишь нижние чины, которые происходили не из сельских сословий. Также свободные казенные земли Министерство государственных имуществ, по соглашению с военным министерством, выделяло в Самарской, Херсонской, Харьковской и Екатеринославской губерниях.

Важно учитывать, что в пореформенной России большинство отставных солдат уже не утрачивали своих прав на землю, возвращаясь после завершения службы к земледелию. Если они уже выделились, то надел в их отсутствие обрабатывался с помощью найма домохозяйкой-солдаткой либо сдавался односельчанину с условием возвращению прежнему хозяину после завершения службы в армии. Надо заметить, что большинство отставных солдат предпочитали выделиться из родительской семьи и образовывать собственный двор. Интересно, что община, выступая в принципе против разделов, как правило, все же не возражала против выделения семьи солдата в отдельное домохозяйство.

К концу XIX в. отставные солдаты, как представители прежде довольно значительного военного сословия, перестали фиксиро-

ваться в военно-статистических и государственных переписях, потеряли имевшиеся у них права и слились с другими сословными группами. Необходимо все же заметить, что без учета сословно-правового статуса, социального поведения и настроений этих военных ветеранов невозможно в полном объеме реконструировать аграрную историю Российской империи и выявить отличительные черты российской государственности и общественного развития.

П.С. Кабытов¹

Аграрные «беспорядки» в России 1902–1905 гг.: истоки, поводы и смысл

В современной российской аграрной историографии получила признание концепция выдающегося советского и российского историка В.П. Данилова о периодизации аграрной революции в России. По его мнению, она началась в 1902 г., когда во многих губерниях Европейской России вспыхнули крестьянские волнения, которые по масштабам и направленности действий отличались от протестных акций крестьян второй половины XIX века. Вместе с тем, в выступлениях начала XX в. можно обнаружить много типичных черт, которые характерны для предыдущего периода.

На основе сравнительно-сопоставительного анализа выделим общее и особенное в протестном движении крестьян начала XX в. На 1-м этапе (1902–1904 гг.) протестное движение крестьян стало массовым и наряду со стихийностью в нем ярко проявились черты организованности. Мы разделяем точку зрения В.П. Данилова, который считал, что крестьянские выступления 1902 г. следует характеризовать как начальный этап аграрной революции. Во время 2-го этапа в 1905 г. резко возросли масштабы и ход аграрного движения, которое генетически связано как с протестным движением второй половины XIX в., так и протестными акциями крестьян 1902–1904 гг.

¹ *Кабытов Петр Серафимович*, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

Советские историки причины обострения социальных противоречий в российской деревне видели в сохранении пережитков крепостничества и, прежде всего, помещного землевладения, а также кабальных форм эксплуатации крестьян. Следуя оценкам В.И. Ленина, историки длительное время относили сельскую общину к числу пережитков, так как, по их мнению, община способствовала консервации отношений в сельском мире. К числу факторов влиявших на обострение социальных противоречий следует отнести аграрное перенаселение российской деревни в зоне традиционного земледелия, а именно в великорусских губерниях, на Украине, в районах преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции. Конечно, на эволюции крестьянского движения не могла не сказываться хозяйственная конъюнктура в стране, кризисные явления в экономике, которые привели к спаду производства и возвращению в деревню отходников и росту революционных настроений.

Одним из факторов, оказавшим мощное воздействие на развитие протестного движения в российской деревне стал неурожай 1901 г. Этот природный катаклизм не мог не повлиять на социально-экономическом положении крестьян. Большая часть крестьянских семей голодала. Имперская власть не замечала голода, а если и оказывала помощь голодающим, то она была мизерной. Все это не могло не повлиять на настроения крестьян Полтавской и Харьковской губерний, в которых протестное движение приобрело характер крестьянских восстаний.

Как и во второй половине XIX в. традиционно накануне крестьянских выступлений в феврале-марте 1902 г. на первый план выступила идея «слушного часа». Поводом для протестных акций крестьян стали слухи о появлении царского указа, который, по их мнению, предоставлял им «право на изъятие у владельцев экономий хлеба, кормов для скота», а также «живого и мертвого инвентаря». Слухи подводили правовую основу под действия крестьян. Они должны были придать им законный характер, а потому их действия являлись актом «народной совести» и реальным «осуществлением права».

Организатором крестьянских выступлений являлась сельская община, так как в протестном движении принимали участие все жители сел и деревень: мужчины, женщины и дети. Администрация экономий, как правило, не оказывала сопротивления восставшим. Иногда инициаторами захвата помещичьего имущества выступали крестьянки. Слухи об участии студентов в организации выступлений можно отнести к числу мифов. Вероятно, руководителями выступлений были крестьяне-отходники, которые, по мнению выдающегося историка А.М. Анфимова, выступали в качестве вожakov восставших крестьян. В той или иной мере активные формы протестных акций были характерны для великорусских губерний, хотя в 1902 г. в них преобладали традиционные выступления против помещиков – поджоги, порубки леса, потравы лугов.

Русско-японская война обусловила рост социальных противоречий в российской деревне. В сознании многих крестьян ненависть к помещикам сочеталась с наивной верой в царя, с ожиданием реформ, в ходе которых земля должна была перейти в руки тех, кто ее обрабатывает. Стало формироваться убеждение в том, что «земля ничья – она божья», а потому дворяне не имеют права владеть своими поместьями.

Особенностью массового аграрного движения в 1905 г. являлось то, что цикличность сельскохозяйственных работ не отвлекала крестьян от участия в протестном движении, которое приняло волнообразный характер. Первые 3 месяца 1905 г. это время раскачивания крестьянских масс, время их пробуждения и втягивания в революционное движение. Число выступлений еще невелико, для них характерны традиционные формы. В апреле-августе 1905 г. аграрное движение стало массовым и приобрело наступательный и открытый характер. Стали доминировать активные формы борьбы: захват и запашки помещичьих земель, разгромы имений, поджоги, открытые столкновения с полицией и войсками. В выступлениях участвуют все социальные слои сельского мира, включая женщин и детей. К осени 1905 г. поведение крестьян, втянутых в водоворот революционных событий, резко меняется: исчезает ро-

бость и нерешительность, резко возрастает число выступлений, направленных непосредственно против помещиков и местных органов власти. Возникли новые формы организации жизни крестьянского социума: крестьянские съезды и крестьянские республики. К осени 1905 г. аграрное движение выступало в новом качестве, в нем ярко проявились революционный потенциал и энергия масс.

*С.В. Беспалов*¹

**Социальный кризис русской деревни на рубеже XIX–XX вв.
в восприятии представителей дворянства**

На рубеже XIX–XX столетий российская деревня переживала масштабный трансформационный кризис. Он предстает достаточно сложным для осмысления феноменом во многом потому, что, в сущности, налицо было сочетание, наложение друг на друга нескольких кризисов. При этом аграрный кризис в «строго экономическом» понимании этого термина (существенное падение цен на сельскохозяйственную продукцию вследствие ее перепроизводства, влекущее за собой целый ряд проблем для сельхозпроизводителей, вплоть до разорения значительной их части) являлся лишь одной из составляющих этого комплекса проблем. С этим кризисом Россия, безусловно, столкнулась с конца 1870-х гг., вслед за другими европейскими странами. Однако, несмотря на то, что именно в России аграрный кризис принял особо затяжной характер, а самая острая его фаза пришлась на рубеж 1880–1890-х гг., к началу XX в. российское сельское хозяйство уже в значительной степени начинало его преодолевать.

Однако наряду с аграрным кризисом в узко-экономическом понимании, следует иметь в виду еще и кризис правительственной аграрной политики, негативное (по крайней мере, в краткосрочном плане) воздействие правительственной политики промышленного протекционизма на положение сельского хозяйства, а также обострение социальной напряженности в деревне, принявшее к

¹ *Беспалов Сергей Валериевич*, кандидат исторических наук, Институт общественных наук РАНХиГС, sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

началу XX в. характер масштабного социального кризиса. Этот социальный кризис, в свою очередь, имел несколько измерений:

— кризис «крестьянского правопорядка», под которым, прежде всего, понимается несоответствие новым реалиям законодательства, регулировавшего крестьянское землевладение и землепользование;

— кризис системы обычно-правового регулирования;

— углубление противоречий внутри крестьянского мира, вызванных усиливающимся имущественным расслоением крестьянства;

— обострение взаимоотношений между крестьянами и частными землевладельцами;

— неэффективность системы управления и самоуправления в российской деревне и, в связи с этим, рост отчуждения между крестьянской массой и властными структурами и т.д.

Именно на различные проявления социального кризиса на рубеже XIX–XX вв. чаще обращали внимание, как представители поместного дворянства, так и наиболее трезвомыслящие представители властных структур. Они говорили о том, что за прошедшие после отмены крепостного права десятилетия произошел распад как формальных, так и неформальных институтов, обеспечивавших стабильность в российской деревне. Новые же институты не сложились, причем во многом вследствие ошибочной правительственной политики, в основе которой лежала ставка на сохранение общинного строя. Весьма характерной была оценка ситуации, данная в 1898 г. генерал-губернатором Северо-Западного края В.Н. Троцким, указавшим в своем отчете, что поколение крестьян, «современное прекращению вотчинной власти помещиков, жило еще под впечатлением прежних порядков, не допускавших своевластия; второе поколение, нынешнее, не сдерживаемое местной сильной властью, уже не чувствует никаких стеснений для дурных инстинктов; оно проявляет пренебрежение к законной власти и склонность к захвату чужой собственности». Показательно и то, что Николай II согласился с этим утверждением В.Н. Троцкого, высказавшись относительно процитированного суждения генерал-губернатора однозначно: «И это везде так».

Крайне значимой проблемой, на которую представители дворянства регулярно обращали внимание властей, являлось нарастание

тавшее озлобление крестьянства как в отношении дворян-землевладельцев, так и в отношении представителей государственной власти. Попытки властей идти навстречу «духовным потребностям народа» посредством открытия школ, постройки дополнительных церквей и т.д. ничуть не смягчали враждебности крестьян. Очень болезненными для землевладельцев являлись, помимо прочего, растущие с каждым годом сложности в найме работников, которые отказывались работать в дворянских хозяйствах даже за высокую плату. Противодействие крестьян принимало порой характер всеобщей забастовки в самую страдную пору (ситуация, немыслимая в период классического аграрного кризиса). Во многом именно в силу указанных обстоятельств, а не только (и не столько) по экономическим причинам масштабы частного землевладения сокращались еще до революции 1905 г., что в целом ряде случаев негативно влияло и на экономическую ситуацию в деревне, и на эффективность структур местного управления.

Со стороны представителей дворянства во властные структуры поступали грозные предупреждения о том, что «всероссийское пожарище уже не за горами» и для предотвращения его необходимо безотлагательно разрешить все стороны крестьянского вопроса. При этом отправным пунктом должно было стать максимально возможное освобождение личности крестьянина от давления массы – «освобождение юридическое, экономическое и моральное, и образование среди крестьян независимой, самостоятельной и прогрессивной силы». В различных обращениях и записках справедливо говорилось о том, что под влиянием той правовой среды, в которой оказалось крестьянство после отмены крепостного права (общинный гнет, неправосудность волостных судов, неэффективность и продажность местной администрации и т.д.), у крестьян наблюдается отсутствие какого-либо чувства законности. Такое состояние представляло собой очевидную угрозу для общественного порядка. Однако вплоть до 1905 г. власть так и не нашла в себе силы приступить ни к трансформации общинного строя, ни к другим давно назревшим институциональным преобразованиям в деревне.

Е.А. Зверков¹

Воронежская деревня в Февральской революции 1917 г.

В основе аграрных беспорядков, разразившихся в годы Первой русской революции, а затем и в период 1917 г., лежало, прежде всего, стремление к переделу земель на уравнительных началах по принципу справедливости. Малоземелье накладывалось на малую доходность хозяйств, приводя к постепенному обеднению крестьянства.

Как и в целом по России, воронежские власти, опасаясь рецидива беспорядков 1905 г., старались скрыть от деревни февральский переворот. Официально об отречении Николая II было объявлено 8 марта в «Воронежских губернских ведомостях». До деревни эта информация дошла примерно через 2–3 недели.

По сообщениям с мест, воронежские крестьяне отнеслись к факту свержения царя нейтрально, а поначалу – даже с недоверием, т.к. слухи об отречении Николая II циркулировали в крестьянской среде еще в годы Первой русской революции. Главным ориентиром крестьян в информационном вопросе оставалась церковь, поэтому вопрос правдивости отречения царя в глазах крестьян был снят после того, как об этом сообщали священники.

Отметим, что первыми объектами агрессии крестьян стали вовсе не помещики, как это принято считать, а представители власти и духовенство.

На протяжении всего марта крестьянские выступления в губернии носили единичный характер. Первыми формами крестьянского бунта стали прекращение выплат налогов и вырубка казенных лесов. Отсутствие наказания показало слабость власти и позволило перейти к более активным действиям.

Обычно выделяются две основные причины нападений общинников на землевладельцев: земельный вопрос и месть.

Наиболее высокий уровень крестьянской активности отмечен в уездах с более высоким процентом помещичьего землевладения – Новохоперском, Задонском и Бобровском.

¹ *Зверков Евгений Андреевич*, кандидат исторических наук, Воронежский институт МВД России, zverkovphd@yandex.ru, Россия, г. Воронеж.

Динамика крестьянских выступлений на протяжении весны 1917 г. отмечена перманентным ростом – от единичных выступлений в марте до массовых погромов в мае.

В зоне интересов общины оказались земли, как помещиков, так и отрубников. Выступления в большинстве случаев носили точечный характер. В апреле отмечены первые случаи разграбления имений и даже сожжения хутора. Факты беспорядков наблюдаются уже во всех уездах без исключения.

С целью остановить хозяйственную жизнь имений, крестьяне разгоняли военнопленных из помещичьих имений. Впоследствии, когда имение оказывалось не в состоянии обработать землю, община забирала помещичью землю. В ряде случаев земля изымалась из рук частного владельца под видом аренды. Таким образом, примерно до конца апреля основной упор общинники делали на захват земель и разгон военнопленных с земель помещиков.

Ситуацию усугубляли популисты из числа уездных властей. Стараясь добиться расположения общинников, они не только не боролись с аграрными беспорядками, но даже поощряли их. Губернский комиссар открыто признавал невозможность предотвратить захват земель частных землевладельцев. Отдельные конфликты на местах время от времени происходили между крестьянами и беженцами из затронутых войной губерний.

Созванный Воронежским Советом РСКД Губернский крестьянский съезд не смог изменить ситуации на местах и лишь зафиксировал главенствующее положение ПСР в деревне. Влияние большевиков, напротив, оставалось крайне слабым. Сохранять и укреплять позиции на селе эсерам помогал созданный ими Крестьянский союз. Пытаясь спасти положение, большевики отказались от своей первоначальной установки о решении аграрного вопроса на Учредительном собрании и начали пропаганду конфискации всех помещичьих земель.

Таким образом, в течение весны 1917 г. крестьянам удалось перейти в состояние полной автономии – от государства, Советов, и даже партий, игнорируя те их решения, которые не соответствовали интересам общины.

Отдельным объектом интереса общинников стали отрубные хозяйства. Характерно, что и в этом случае губернская власть не смогла поддержать состояние законности. Подобная ситуация усиливала индифферентное отношение к власти общинников и разочарование единоличных землепользователей и землевладельцев. В июне общинники усилили нажим на отрубные хозяйства и увеличили число грабительских «набегов» на имения.

Местные Советы, в свою очередь, предпочитали действовать на стороне крестьян. Для большинства жителей губернии власть Временного правительства просто не существовала. Несмотря на прочное положение эсеров, им не удалось остановить ни самовольных захватов земель, ни погромов и насилия, ни растущего пьянства. Пик крестьянского движения в Воронежской губернии приходится на июль – первую половину августа. Затем начинается некоторое снижение.

Несмотря на то, что подавляющее большинство крестьян поддерживало эсеров, в практическом отношении они оставались совершенно вне поля влияния какой-либо партии. Так, эсерам не удалось заставить крестьян ждать решений Учредительного собрания. Большевики же, отнюдь не отрицавшие необходимость аграрной войны, не могли придать этому процессу характер сознательного политического движения.

Стремление эсеров дотянуть решение земельного вопроса до Учредительного собрания вызывало раздражение и привело к расколу деревни на сторонников и противников ПСР. Важно и то, что, поглотив к концу лета большинство частновладельческих земель, крестьянская община начала испытывать стремление к покою и освоению захваченного. И на этом этапе, начавшемся с осени 1917 г. и прерванном переворотом в Октябре, большевикам удастся понемногу усилить свое влияние среди крестьянского сословия.

*Л.Н. Мазур*¹

**Эволюция российской крестьянской семьи в XX веке:
этапы и факторы трансформации**²

Демографический переход начался в России относительно поздно – в XIX в., сначала в городах, затем (после Великих реформ) в среде крестьянства. Благодаря развитию медицины в российском обществе начинает сокращаться смертность, расти средняя продолжительность жизни³. Этот этап, прерванный Первой мировой войной и Революцией 1917 г., продолжился в годы нэпа и характеризовался быстрым ростом населения.

С 1897 по 1926 г. население в границах СССР выросло на 17,9 %, невзирая на потери в мировой и гражданской войнах, во многом благодаря крестьянству и крестьянской семье, сохранившей традиции многодетности. С 1927 по 1959 г. население СССР выросло на 61,8 млн чел., в том числе в России – на 24 млн чел. Однако одновременно с ростом численности горожан сократилось сельское население (с 1926 по 1939 г. оно уменьшилось на 5,2 %); а в 1933 г. была зафиксирована отрицательная динамика – население РСФСР уменьшилось на 2 млн чел.⁴

¹ Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Lmaz@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00592 А.

³ Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М., 2005. С. 84.

⁴ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР в 1927–1959 гг. // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34–47.

Причина такой противоречивой картины кроется в событиях начала 1930-х гг., связанных с коллективизацией. Формирование нового аграрного строя сопровождалось не только репрессиями против крестьян, но и форсированной перестройкой традиционной семьи-дворохозяйства, последствиями которой стало раскрестьянивание деревни и перманентный кризис сельской местности. Великая Отечественная война способствовала необратимой трансформации семейной структуры села. Типичным явлением деревенской жизни стала неполная семья, ориентированная на малодетность.

С учетом особенностей трансформации российской крестьянской семьи можно выделить следующие этапы демографического перехода:

1 этап – вторая половина XIX – первая треть XX в. (эволюционный) – характеризуется постепенным накоплением модернизационных изменений в семейной сфере, которые, однако, не касались ее экономической основы и не меняли принципиально семейной структуры крестьянства, в целом соответствующей традиционному типу. Первая демографическая катастрофа ускорила модернизационную перестройку внутрисемейных отношений, но, благодаря сохранению традиционной модели воспроизводства, негативные последствия военных потерь были компенсированы к середине 1920-х гг.

2 этап – 1930–1950-е гг. (кризис крестьянской семьи) – непосредственно связан с проведением массовой коллективизации и ее последствиями. Она способствовала, *во-первых*, разукрупнению крестьянской семьи и ее нуклеаризации; *во-вторых*, вовлечению женщин в общественное производство и формированию мотивации малодетности, а также, *в-третьих*, разрушению экономической основы крестьянской семьи – индивидуального семейного хозяйства. Данный этап подразделяется на два подэтапа (1930-е и 1940–1950-е гг.), которые различаются факторами влияния: если 1930-е гг. были связаны с созданием новой аграрной модели производства (колхозной), т.е. проходили под знаком коллективизации (политико-идеологический фактор), то 1940-е гг. были отягощены невосполнимыми демографическими потерями сельского населе-

ния в Великой Отечественной войне, а также послевоенным кризисом колхозного производства, ставшего причиной массового бегства из села (военно-политический + демографический факторы).

3 этап – 1960–2000-е гг. (распад крестьянской семьи) – в результате оттока молодежи из села в 1960–1970-е гг. происходит снижение удельного веса семей, находящихся в начале и расцвете своего жизненного цикла, имеет место общее постарение населения; кроме того, крестьянская семья постепенно утрачивает свою экономическую основу и хозяйственную функцию, что способствует ее трансформации в разновидность современной урбанизированной семьи, проживающей в сельской местности.

В 1990-е гг., благодаря фермерскому движению, имели место попытки реанимации крестьянской семьи как особого типа семьи, но без заметного успеха. В постсоветский период завершается процесс территориальной дифференциации сельского населения на пригороды и «глубинку» с различной демографической динамикой. Пригороды воспроизводят модель городской семьи с утраченной хозяйственной функцией. Для глубинки свойственно постарение населения, преобладание нуклеарных семей в завершающей стадии жизненного цикла с сохранением хозяйственной функции.

Если систематизировать все факторы влияния на развитие крестьянской семьи в XX в. и, соответственно, на темпы демографического перехода, то следует отметить большую роль демографических катастроф, а также политико-идеологического фактора, влияние которых было весьма противоречивым: с одной стороны, они деформировали базисные демографические процессы (рождаемость, смертность), преждевременно меняя форму тренда с линейной (характерной для ранней стадии демографического перехода) на логистическую. С другой – под влиянием войн и революций шел ускоренный процесс разрушения традиционной семьи с последующей ее модернизацией при одновременном сохранении ряда традиционных черт – патриархального характера внутрисемейных отношений, традиций половозрастного распределения труда, подчиненной роли женщины. Таким образом, для семейной жизни крестьян было характерно отставание социальной

модернизации от демографической. Этот разрыв во многом определял специфику демографического перехода крестьянской семьи, который в целом завершается к началу 1990-х гг.

Д.А. Сафонов¹

Аграрная революция: российское прочтение²

Понятие «аграрная революция» (АР) многопланово и многовариантно. Существует понимание таковой как революции технологической, стоящей в общем ряду с индустриальной, информационной, научно-технической. Есть британская аграрная революция (например: Overton, Mark. *Agricultural Revolution in England 1500–1850*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2002), включающая институциональные и технические сдвиги, которые имели место в сельском хозяйстве Англии.

Однако применительно к России подобная многовариантность исчезает; АР в России – явление однозначно связанное с революцией 1917 г. и Гражданской войной. Сам термин возник в 1920-х гг., когда слово «революция» было исключительно знаковым и применялось к месту и не к месту. Первоначально об АР высказывались политики (Ленин) и «историки-марксисты», легко приносившие историческую точность в жертву своим рассуждениям: достаточно вспомнить М.Н. Покровского с его заявлением про 150-летнюю борьбу крестьян, завершившуюся АР 1917 г. Показательно, что историки с научной репутацией к обсуждению привлечены не были: возможно – не допущены, а возможно – не желали заниматься надуманной проблемой. В самом общем виде подразумевалось, что АР разрешила аграрный вопрос, который, в свою очередь, заключался в ликвидации помещичьего землевладения в 1918 г.

Достаточно скоро думающим людям, поддерживающим советскую власть, стало ясно, что подобная версия более чем проста

¹ *Сафонов Дмитрий Анатольевич*, доктор исторических наук, Оренбургский государственный университет, d_safonov@mail.ru, Россия, г. Оренбург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00149.

и оттого уязвима. Неудивительно, что в дальнейшем на протяжении десятилетий происходило создание новых и новых вариантов с тенденцией к усложнению общей картины. Процесс был не непрерывно поступательным – в период доминирования «Краткого курса» с его тезисом о единой и единственной революции в России – социалистической, вопрос АР временно терял актуальность и как бы находился вне круга проводимых исследований.

После XX съезда КПСС исследователи вновь стали предлагать свое понимание революции в деревне: в конце 1950-х – начале 1960-х гг. концепцию о двух этапах Октябрьской революции в деревне выдвинул В.П. Данилов. В 1970 г. Л.М. Горюшкин заговорил о необходимости понимания под АР преобразований не только в области землевладения и землепользования, но и в иных: системе налогов, крестьянского управления и т.п. В 1971 г. Ю.В. Журов выступил за то, чтобы под АР понимать все изменения на селе, происшедшие после установления советской власти («аграрно-крестьянская революция»). В 1977 г. В.В. Кабанов предложил свой вариант определения АР. Его главная идея заключалась в стремлении «обогащить» содержание данного понятия.

Основной идеей послесталинского периода можно полагать сосредоточение внимания исследователей на «заземельных» вопросах (выражение В.В. Кабанова) и осознание того, что ликвидация помещичьего землевладения – переход ее от одних собственников к другим – никак не может громко называться «революцией». Но при этом новые варианты все равно оставались в рамках концепции единой социалистической революции; цитаты Ленина по-прежнему использовались как *ultima ratio* в научных спорах: в 1986 г. Э.М. Шагин, со ссылкой на В.И. Ленина, полагал, что АР – это ломка всех крепостнических пережитков в деревне. Позднее, в 1993 г., В.В. Кабанов писал, что, по его мнению, суть крестьянской борьбы передана формулой Ленина: «вольный труд на вольной земле». Любопытно, что у Ленина есть и иные суждения; например, что «Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом».

Со временем историки перешли от абсолютизации цитат к абсолютизации логических построений – серьезные перемены в условиях революции, в нашем случае – общероссийской, не могут быть ничем иным, как революционными переменами, аграрная революция упирается в разрешение аграрного вопроса и т.п. Проблема казалась настолько убедительно разработанной, что являлась общепризнанной и потому никак не нуждающейся в дальнейшем углубленном изучении.

Разрыв с традицией продемонстрировали в 1994 г. В.П. Данилов и Т. Шанин, объявив о крестьянской революции в России в 1902–1922 гг., подчеркнув при этом, что все другие политические и социальные революции в России совершались на ее фоне. Тезис именно о «крестьянской» революции убедительно показывал суть таковой – как активность наиболее заинтересованного в переменах класса, как сочетание экономических и политических факторов.

В то же время В.П. Данилов однозначно связывал крестьянскую революцию с разрешением аграрного вопроса, определяя итоговую дату 1922 г. – годом принятия Земельного кодекса РСФСР, закрепившего «итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции». В 1996 г. В.П. Данилов сформулировал красивое итоговое положение, что «крестьянская революция победила, однако эта победа оказалась равносильной поражению». И действительно, достаточно скоро на смену победившей АР пришла, используя аналогию, аграрная контрреволюция, когда власть по сути пересмотрела многое в аграрной сфере.

При всей своей убедительности понятие «крестьянская революция» не стало и не могло стать синонимом «АР» в принятом в современной историографии толковании. За рамками остаются прогрессивные сдвиги собственно в сельском хозяйстве; напротив, ряд авторитетных историков констатировал итогом АР в России массовую архаизацию деревни. В 2015 г. М.А. Безнин и Т.М. Димони предложили «сталинскую колхозно-совхозную аграрную революцию» в период 1930–1950-х гг., как более подходящую по ряду обязательных позиций. Именно тогда в СССР возник новый тип общества.

В.А. Саблин¹

Европейский Север России в аграрной революции 1917–1921 гг.

С 1990-х гг. отечественная историография аграрно-крестьянского вопроса, пережив, как и вся историческая наука, перестроечную моду на умозрительные новшества и игру в альтернативы (В.П. Булдаков), пытается возвыситься до концептуального осмысления проблем. Взамен несостоятельных посылок о пассивном объекте, ведомом классе, попутчике или «союзнике пролетариата» в событиях 1917–1921 гг. крестьянину возвращается его статус активного субъекта исторического процесса.

Представления крестьян северных губерний России (Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний и созданных за время революции Северо-Двинской губернии и Карельской Трудовой Коммуны) о путях справедливого решения аграрного вопроса в начале XX в. выражались в стремлении к ликвидации всех форм частной собственности на землю, включая крестьянскую, передачи лесов в ведение крестьянских сообществ или их организаций, расширения землепользования за счет государственного финансирования и возможности переселения.

Эти условия придали аграрной революции на Севере весьма специфические формы. При этом в аграрной революции крестьянский социум действовал вполне осознанно. Его безусловное требование «черного передела» было мотивировано, с одной стороны, желанием ликвидировать неупорядоченность землепользования и избавиться от малоземелья, с другой стороны, приумножить свой доход, обеспечить благополучие и стабильность своего хозяйства. «Землевладельцу-барину в «черном переделе» противостоял крестьянин-собственник, а не люмпен-пролетарий» (А.В. Гордон).

Национализация земли, выразившаяся в основном в конфискации «владельческих земель», завершилась на Севере в основном в 1919 г., а в ряде районов – к началу 1920 г. Фонд кон-

¹ Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, Sablin@inbox.ru, Россия, г. Вологда.

фискованных и взятых на учет частновладельческих земель составлял в регионе 300069 дес., из которого было распределено 223713 дес. Прирост крестьянского землепользования составил около 3,8 %. Параллельно силами самого крестьянства, при неизменной поддержке властей, был проведен «черный передел» земли. Было достигнуто максимальное соответствие размера полевого участка и размера семьи (основной разверсточной единицей оставался «едок»).

В отличие от большевиков аграрное законодательство белой власти в Архангельске (1918–1920 гг.), при условии его претворения в жизнь, преследовало цель насаждения в деревне «крепкого» крестьянского хозяйства, основанного на применении для обработки земли в основном сил владельца земельного участка и членов его семьи, свободных от принудительной опеки общины. Крестьянство, однако, воспротивилось пересмотру результатов «черного передела», и белая власть отложила реализацию своего аграрного курса. Эгалитарная идея одержала верх.

Важнейшим следствием аграрной революции стало изменение социального облика крестьянства. В 1920/21 г. крестьянское хозяйство было наиболее однородным за всю свою историю. Глобальная нивелировка социально-экономической структуры деревни, происходившая на основе натурального, по существу присваивающего хозяйства, приводила к своеобразной самоизоляции аграрной сферы.

Обратной стороной этого процесса стала усиливающаяся деградация взаимоотношений с городом. Беззащитность горожанина в продовольственном отношении, дефицит средств и сырья провоцировали особую агрессивность в способах и методах проведения фискальной политики в деревне. С 1919 г. вмешательство государства в деревенское хозяйство становится более энергичным и выливается в наиболее радикальный способ получения продуктов крестьянского труда – продовольственную разверстку. Введение продразверстки послужило отправной точкой для формирования системы натуральных общегражданских повинностей, завершившейся окончательно к 1921 г. За 1919–1921 гг. в северных губерниях

ях было собрано 3 млн 854 тыс. пуд. продовольствия. Абсолютные показатели всех крестьянских платежей в 1920/21 г. сравнялись с уровнем 1912 г.

Продразверстка, накладывавшаяся на такие факторы, как аграрное перенаселение, сокращение размеров семьи, ее обремененность нетрудоспособными членами, слабая производственная база, оказывала значительное влияние на развитие крестьянского двора. Под их воздействием в хозяйстве сокращаются размеры посеваемых площадей до минимальной потребительской нормы, изменяется их структура в пользу продовольственных культур.

В 1921/22 г. подавляющая часть расходного бюджета крестьян приходилась на продукты питания. Создававшийся доходный дефицит по-прежнему восполнялся за счет промысловых заработков, в первую очередь тех, которые были связаны с производством продуктов питания (рыболовство, охота, плодово-ягодный промысел и др.), а также тех, в которых было заинтересовано государство: лесозаготовки и деревообработка.

Отмеченные позитивные моменты деревенского хозяйствования лежали в плоскости сугубо внутренних потребностей крестьянского двора, были в малой степени связаны с интересами государства и фактически не были ориентированы на рынок. Свертывание торгового оборота с городом сопровождалось относительным расширением внутридеревенского оборота сельскохозяйственных продуктов. Падение благосостояния деревни увеличивало число дворов, вынужденных прибегать к услугам рынка для приобретения продуктов питания и семян.

Таким образом, аграрная революция изменила систему земельных отношений в стране. Государство превратилось в абсолютного собственника земли, предоставив хозяйствующим субъектам права землепользователей. Выдвинув крестьянский двор на роль основного производителя сельскохозяйственной продукции, революция одновременно архаизировала его производственные связи, раздробила и измельчила его структуру, – важнейшим итогом революции явилась масштабная архаизация и возврат государства к традиционному (аграрному) обществу.

В.М. Рынков¹

Власть и волесть: взаимоотношения правительственной власти и локальных крестьянских сообществ в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)²

В последние годы в историографии утвердилось представление о революции 1917 г. и Гражданской войне как периоде спонтанного укрепления общины и архаизации социальных отношений в деревне. Оно основано на анализе событий первого революционного года, дальнейшей эволюции крестьянского социума при советском режиме. Не вызывает сомнения актуальность верификации данного тезиса применительно к Сибири, долгое время находившейся вне досягаемости советской власти.

Необходимо сделать несколько предварительных замечаний. В годы Первой мировой войны сельские общества и волостные миры получили мощный импульс для консолидации. В волостях возникли попечительства, призванные заботиться о материальном благосостоянии семей мобилизованных в армию крестьян, оказывая им трудовую помощь или денежное пособие. Через попечительства же распределяли государственные пособия и пайки.

В условиях революции и установления советской власти роль крестьянского мира возросла. Возникли земельные комитеты, продовольственные комитеты, выборные и опиравшиеся на решение схода. Это была настоящая «мужицкая» власть. Осенью 1917 г. по всей Сибири были проведены выборы в волостные земства. Спустя несколько месяцев они, как правило, просто переименовывались в волостные советы с небольшой кадровой ротацией. Уже в начале 1918 г. стали возникать лесные советы, регулировавшие использование лесных угодий.

Индивидуальные воспоминания крестьян – участников революции и борьбы за советскую власть изобилуют свидетельствами

¹ *Рынков Вадим Маркович*, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, vadsvet@list.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00580.

глубокого социального раскола деревни по имущественному признаку на бедных и зажиточных, а также по возрастному – на «темных» стариков и «прогрессивных» молодых фронтовиков, захвативших главенствующее положение во вновь образованных органах. Трудно судить, что из этих воспоминаний, в большинстве своем написанных десятилетия спустя после событий, является домыслом на основе поздних идеологем, а что соответствовало духу времени. Однако документы периода Гражданской войны не оставили свидетельств серьезных внутридеревенских столкновений. Напротив, они отражают консолидацию сельских обществ, обычно направленную на защиту земельных и лесных угодий от посягательств извне, со стороны других сельских обществ и пришлого населения. При этом, как правило, земельные комитеты и лесные советы санкционировали снижение транзакционных барьеров, связанных с использованием угодий местным населением. Это предполагало включение земель единоличного пользования в земельный передел, отмену сборов за лесные порубки.

Антибольшевистский переворот едва ли привел к активизации волостных и сельских общинных институтов. Скорее, власть стремилась сделать несколько шагов назад от ситуации времени советов, преодолевая явное сопротивление сельских жителей. Были ликвидированы волостные земельные комитеты и лесные советы, перестали действовать продовольственные комитеты низового уровня. Но главное было сохранено – волостные управы, снова приходившие на смену советам; они имели либо прежний состав, избранный год назад, либо создавались заново на основе выборов. Принципиально эти выборы не отличались от принятых до революции в сельской местности выборов крестьянских должностных лиц на сельских и волостных сходах.

Именно данным обстоятельством можно объяснить, почему во второй половине 1918 – 1919 г. при власти Временного Сибирского и Российского правительств продолжали тлеть, иногда вновь разгораясь, старые земельные конфликты. Члены общины разрывали ранее заключенные приемные договоры, изгоняли приселившихся к общине с участков. Под предлогом отмены со-

бственности на землю (то советской властью, то Учредительным собранием) крестьяне отказывали в праве пользования участками лесникам, причтам. Таким образом, община консолидировалась.

Этому способствовало еще одно обстоятельство. С конца 1918 г. Российское правительство стало выделять средства на пособия семьям призванных в армию. По установленным правилам, пособие получали только материально необеспеченные родственники. В деревне обследование уровня благосостояния заявителей входило в обязанности волостных попечительств. Чаще всего волостные органы давали информацию о крайней нужде всех семей призванных, просили выдать пособие на всех родственников, кому оно потенциально могло полагаться по закону. Такое уравнительное распределение средств казны – далеко не единственный пример уравнительных механизмов. Волостные и сельские органы имели право принимать решение о выделении лесных материалов материально необеспеченным семьям. Остальные были обязаны их оплачивать. Конечно, крестьянское самоуправление выдавало справки на право бесплатных порубок всем нуждающимся в лесе.

Но в значительной мере сибирское советское руководство продолжало опираться на общинные структуры. В частности, земельный вопрос в 1920–1921 гг. во многом решался установившимися со времен Февральской революции методами. Внутриволостное перераспределение земли передавалось земельным отделам волостных революционных комитетов или сельским советам. Те, в свою очередь, обычно принимали решение на основании постановлений сельских сходов. Фактически община продолжала осуществлять функцию земельного передела. При этом очень хорошо видно, что логика решений сходов оставалась прежней – приоритет имели свои перед чужими, семьи с недостаточным наделом перед семьями с избыточным, хозяева, вложившие свой труд в обработку участка, перед теми, кто пришел на уже обработанную землю.

Все вышеприведенные события свидетельствуют о том, что в период Гражданской войны община в Сибири если не продолжала укрепляться, то, по крайней мере, не имела серьезных причин к ослаблению своего влияния на сельских жителей.

*Н.Н. Кабытова*¹

Социальная дифференциация крестьян в Великой российской революции

Своеобразие Великой российской революции заключается прежде всего в размахе аграрного движения, в ходе которого был разработан действенный механизм влияния народных масс на политику политических партий и властных структур. В связи с этим выяснение экономических требований разных социальных страт крестьянства позволяет выявить одну из главных причин победы революционного радикализма. Интересны методы, которыми крестьяне добивались главной цели – ликвидации частной собственности на землю и ее уравнительного перераспределения. Это были сначала сходы-митинги всего сельского населения, которые выдвинули новые организационные формы в лице крестьянских комитетов. Стремление крестьян выйти со своими проблемами за пределы проживания вызвало к жизни такие специфические формы объединения, как крестьянские съезды. Эти съезды крестьяне-общинники использовали для узаконивания своих экспроприаторских действий в отношении не только крупного частного землевладения, но и для возврата в общину хуторян и отрубников.

С развитием аграрной революции столыпинские выделенцы из общин оказались перед выбором социальных партнеров. Многие из них признавали, что интересы мелких крестьян – собственников и отрубников – должны быть едины со всем трудовым крестьянством. Союзы землевладельцев в подавляющем большинстве были не в силах противостоять массовым крестьянским захватам земель, живого и мертвого инвентаря помещиков. Земельные собственники из крестьян находились в двойственном положении: они боялись насильственного возврата в общину своих земель и в то же время стремились расширить свои владения за счет конфискованных помещичьих земель. Таким образом, помещикам не приходилось рассчитывать на крестьян-собственников, так как по-

¹ *Кабытова Надежда Николаевна*, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

следние, отстаивая свою собственность на землю, тоже стремились ее приумножить за счет крупных землевладельцев. Не могли быть союзниками помещиков и другие землепользователи – различные кооперативные общества, союзы арендаторов и другие подобные организации. Кооперативные организации в 1917 г. стремились взять на себя организующие функции общины в отношении крестьян-собственников и также выступали против крупного помещного землевладения.

Крестьянский менталитет в значительной степени проявился в действиях всех основных революционных сил, действовавших в 1917 г. Поэтому те политические партии, в программных лозунгах которых он находил отражение, могли рассчитывать на широкую социальную поддержку в революции вообще и на выборах в Учредительное собрание в частности. Главным требованием подавляющего большинства крестьян было предоставление «земли и воли». Рассматривая порядок землепользования, сельские общества дифференцировали все население по категориям, подробно перечисляя, на каких условиях каждая из них должна быть наделена землей. Как правило, все живые души обоюбого пола должны были наделяться землей по трудовой норме.

Определяя количество земли для наделения по трудовой норме, крестьяне учитывали прежде всего экономические условия: наличие в данной местности удобных для обработки земель, их плодородие, плотность населения, производительность труда, обеспеченность рабочим скотом и инвентарем. Как правило, они брали в расчет и тот скот с инвентарем, который уже отобран или должен быть конфискован у собственников и поделен крестьянами «по справедливости».

Разрабатывая принципы аграрной реформы, крестьяне-общинники резко выступали против сохранения хуторского и отрубного хозяйства. Такое отношение к выделенцам объяснялось многими причинами как социально-экономического, так и идейно-политического характера. У крестьян еще не были окончательно разрушены уравнивательные иллюзии, они вполне обоснованно опасались возможности сохранения капиталистических отношений в деревне на обновленной социальной базе. Характерно, что терпимее сельские

общества относились к переселенцам из других губерний, поселившимся на банковских землях. Они предлагали дать им землю по трудовой норме, а хуторян с банковских земель сселить, опасаясь, что они станут крупными земельными собственниками.

Крестьяне-собственники были против возвращения своих земельных участков в общину, мотивируя это чисто экономическими причинами. Они указывали на вред чересполосицы, при которой неприменимы сельскохозяйственные машины, на низкую производительность труда, незаинтересованность в удабривании полей, которые могут достаться другому после передела. Указывая на преимущества индивидуального хозяйствования, крестьяне-собственники, как и общинники, выступали за конфискацию некрестьянских земель с возможной уплатой выкупа.

Уставшие от беспредела люмпенизированной части общества, крестьяне-собственники надеялись также на прекращение революционной смуты и взывали к Учредительному собранию о необходимости наведения порядка в стране. В то же время интересы крестьян, как собственников, так и общинников, совпадали в главном – и те и другие стремились отобрать земли у «болшеземельных» и поделить «по справедливости».

Оценивая формы и методы аграрного движения в ходе Великой российской революции, необходимо отметить несомненную поляризацию социальных сил в деревне. Все крестьянские объединения с большей или меньшей степенью радикализма своими резолюциями и правилами по аграрному вопросу в корне подрывали всю систему частной собственности вообще и прежде всего помещичьего землевладения. Соответствующие решения съездов воспринимались крестьянами-общинниками как правовые основания для конкретных действий, направленных на «черный передел» на основах уравнительного землепользования. Крестьяне-собственники были немногочисленны, на съездах почти не представлены, так как действовал механизм общинного представительства. Поэтому аграрные «Правила» съездов предопределяли возврат в общинное пользование земель хуторян и отрубников. Несмотря на явно выраженную дифференциацию крестьян в ходе революции,

большевикам удалось аккумулировать их требования утопическими обещаниями всеобщего уравнительного передела земли.

И.Е. Кознова¹

**«Праздник урожая»: деревенская тема
в журнале «Огонек» (1923–1991 гг.)**

Журнал «Огонек» – крупнейший иллюстрированный еженедельник, который играл значительную роль в трансляции советских ценностей в массовое сознание, в формировании мемориальной культуры. При всем разнообразии тематики журнала, призванного отразить проявления современности в стране и в мире, приоритетными были общественно-политическая и литературно-художественная сферы. Однако без внимания редакции не осталась и аграрно-крестьянская проблематика. Выдвинутый партией в 1924 г. лозунг «Лицом к деревне» стал для журнала важным ориентиром в формировании редакционной политики.

Возобновленный к изданию в 1923 г., когда только что была отмечена пятая годовщина Октября, а страна делала первые шаги в реализации нэпа, «Огонек» рассматривал все процессы как продолжение Революции, а свои публикации, посвященные деревне, представлял как важные точки на пути к ее осуществлению. Описывая повседневную жизнь нэповской деревни, черты старого и нового в ней, журнал активно пропагандировал внедрение новых аграрных технологий и машин в крестьянское хозяйство; отслеживал и пропагандировал образцы советизации села и крестьянского сознания. Значительное место уделялось примерам крестьянской активности, формам хозяйственной и культурной смычки деревни и города. Москва позиционировалась как «крестьянская столица». Особо «Огонек» выделял «Крестьянскую газету», в поднятии авторитета которой, а также в поддержании движения селькоров немалую роль сыграл М. Горький, один из главных культурных героев журнала.

Безусловно, «Огонек» не избежал классово-партийной риторики, нагнетания атмосферы «кулацкого» террора; активно пропаган-

¹ *Кознова Ирина Евгеньевна*, доктор исторических наук, Институт филологии РАН, i.koznova@gmail.com, Россия, г. Москва.

дировал «социалистическое наступление» в деревне, ударничество. На страницах журнала получил распространение термин «большевистский сев». Большое развитие получили очерки о новой колхозной жизни; здесь на первый план выдвигалось понятие «зажиточность». Фотографии, рисунки, репродукции картин, сюжеты которых отсылали к теме продовольственного изобилия (уборка хлеба, обмолот зерна, тучные стада) стали каноном в изображении деревни и непременным атрибутом «огоньковских» номеров. Позже журнал с энтузиазмом освещал целинную эпопею и продвижение посевов кукурузы по стране. В колхозный период стали популярны очерки, описывающие историю тех или иных коллективных хозяйств с акцентом на пройденный после их образования путь и разительные перемены на селе. Причем здесь нередко пересекались между собой не только сельская и революционная темы, но и литературная, базовая для «Огонька». Социалистические преобразования на селе представлялись как осуществление мечты нескольких поколений российских революционеров, передовых отечественных мыслителей и русских классиков, как разрыв с положением народа в роли жертвы самодержавия. Напротив, и в текущей официальной социальной практике, и в официальной политике прошлого преобладала героическая версия, касалось ли это событий далеких (потомки Сусанина – колхозники, будто бы получившие от него эстафету геройства), либо недавних (помощь села фронту в годы войны). Сильный духом, вольный, смелый, решительный – таким предстал со страниц «Огонька» собирательный образ народа, ядром которого был сельчанин. Мифологизация советской деревни достигала в журнале высокой степени.

Отдельно следует сказать об интеграции аграрной темы в сталинскую. Выдвижение на первый план имени Сталина началось в «Огоньке» уже в 1924–1925 гг., а в 1930–1950-е гг. практически не было номера без его упоминания, причем, не всегда напрямую. Например, такие выражения, как «сила стали», «из стали» использовались в том числе и по отношению к колхозникам. О крестьянском движении в царской России речь велась, но специально упоминалось восстание крестьян в Грузии в 1902 г. Среди множества

фотографий на сельскую тему (включая обложки журнала) непременно встречались фотографии грузинских колхозников. Можно отметить и присутствие рекламы грузинского чая. В период «оттепели» имя Сталина дольше всего продержалось в «Огоньке» именно в контексте данной темы (упоминание колхозов, носящих имя вождя). Правда, небольшие очерки отсылали читателя и к «Районным будням» В. Овечкина, и к «Одному дню Ивана Денисовича» А. Солженицына, но в целом журнал оказался чужд критике сталинизма, и с середины 1960-х гг. в нем возобладала установка на национально-патриотическую линию.

Но именно «Огонек» в годы «перестройки» оказался среди тех изданий, которые предприняли критическую «работу над прошлым», став одним из центров общественных дебатов по поводу советского прошлого, включая его аграрную сферу. При этом получила развитие «виктимная» версия прошлого, делавшая акцент на травматическом опыте аграрных преобразований.

На протяжении длительного времени в «Огоньке» игнорировалось такое принципиальное для отечественной истории событие, как отмена крепостного права. Только в 1991 г., когда в стране начали обозначаться контуры новых хозяйственных укладов, в журнале появилась соответствующая публикация. Для России началась новая эпоха, а для журнала – новая страница представления ее сельско-аграрного облика.

О.М. Семерикова¹

Судьбы крестьянок в уральских сельскохозяйственных коммунах (1918–1924 гг.)

Сельскохозяйственные трудовые коммуны раннесоветского периода были уникальным явлением в опыте построения коммунистического общества. Речь идет не только о массовости создания этих коллективов (по сравнению с предыдущими экспериментами в Европе и США), о появлении новых принципов хозяйствования,

¹ *Семерикова Ольга Михайловна*, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, olgasemerikova8@yandex.ru, Россия, г. Екатеринбург.

формировании обширной государственной законодательной базы, внедрении в деревенскую повседневность элементов городской культуры (системы образования и просвещения, норм гигиены и пр.), но и о важных последствиях этих практик (создание социальных лифтов для женщин, появление поколения детей, менее критично воспринимавших идеологические императивы большевиков и особо остро реагировавших на трагедию членов коммуны, которые в период массовой коллективизации приняли активное участие в создании колхозов).

Социальный состав «крестьянских» коллективов в целом соответствовал уральской деревенской действительности с преобладанием семейно-потребительских хозяйств, развивавшихся в соответствии с заложенными демографическими ритмами. Женщины составляли существенную часть членов коммун (около половины и более, изредка встречались коллективы, целиком состоявшие из женщин). В идеологической риторике предполагалось строительство новых общественных отношений в рамках коллектива (в том числе и касательно жизни женщин), отличающихся от прежнего опыта: «Мы заключили добровольный союз трудящихся и будем свято соблюдать принятый нами устав, и будем взаимно с любовью относиться друг к другу и не допустим никаких враждебных отношений, даже [к] нашим женам» (коммуна «Опыт культуры» Осинского уезда, 1918 г.).

В выполнении основных производственных задач сельскохозяйственного цикла женщины часто работали наравне с мужчинами. При этом традиционный гендерный принцип распределения хозяйственных работ также сохранялся (готовка, уборка дома, воспитание детей, уход за скотом, шитье одежды оставались за женщинами).

Причины и способы вступления крестьянок в уральские коммуны были разными. Отмечены случаи вхождения в коллектив под давлением главы семьи: «Муж мой Вонифатий Ферулев завез меня и мое семейство в коммуну насильно» (заявление А. Ферулевой в коммуну «Труд и Победа» Пермского уезда, март 1922 г.). Основная часть вступала в коммуну добровольно, обычно в условиях сложной жизненной ситуации (смерть или отсутствие мужа,

наличие престарелых родственников и/или детей, отсутствие средств к существованию). Так, 18-летняя незамужняя Ефимья Фирстовна Кирьянова вошла в коммуну «Студеные ключи» Осинского уезда в 1920 г. «с матерью и сестрой малой». Количество подобных примеров резко возросло в неурожайные годы: «Большое количество поступает заявлений бедноты, желают вступить в коммуну <...> если будет отпущено для общей столовой, то можно будет спасти много жизней» (письмо главы коммуны «Искра революции» Осинского уезда, март 1922 г.).

Одновременно с этой тенденцией действовала и другая: актив некоторой части коммун стремился максимально сократить число иждивенцев, особенно в голодные 1920–1922 гг. В основном это были так называемые «богатые» коммуны, созданные состоятельными крестьянами как средство сохранить ресурсы и вынужденные принимать в свою среду для увеличения требуемой законом численности коллектива малообеспеченных желающих. Впоследствии в результате искусственно созданного внутреннего психологического и зачастую физического давления крестьяне, ранее включенные в состав коммуны, были вынуждены ее покинуть. Таким образом, принципы равенства и справедливости, заложенные в уставных документах, подвергались ревизии. В наиболее уязвимом положении оказывались одинокие женщины с детьми. Например, из жалобы Пелагеи Бекреевой (коммуна «ДЕМ» Шадринского уезда, июль 1921 г.) узнаем, что ее муж был убит «на мельнице при бандитском восстании», осталось 5 детей, при этом через некоторое время «оказалась выкинута из коммуны»: «Иван Ершов (член совета коммуны. – *О.С.*) закричал на меня вон из квартиры и начал выкидывать мои сундуки я выкидывать не дала он взял меня за горло и начал давить» (так в источнике. – *О.С.*).

Некоторая часть коммунарок с течением времени сознательно меняла свое решение не в пользу коллектива в силу разных причин (смерть мужа, неготовность к жизни в коллективе, межличностные конфликты).

Наиболее перспективной жизнь в коммуне оказалась для молодежи. Так, принцип равенства, а также новые правила хозяйственной

и общественной жизни, декларируемые в уставах коммун, позволяли девушкам получить образование и профессию. Помимо посещения коммунарской школы для ликвидации безграмотности, некоторых из них отправляли на различные курсы, например, «по образованию детских садов, уход за детьми дошкольного возраста, знание детских яслей, воспитание детей коммунаров и достижение образования грамоты» (так в источнике. – *О.С.*). Хотя, как показала практика, молодые незамужние девушки недолго оставались в коммунах. Чаще всего они выходили замуж за парней из соседних деревень. Тому было логическое объяснение: становиться женой близкому родственнику считалось противоестественным. Ведь крестьяне воспринимали сельскохозяйственную коммуну как большую семью (нередко в коллектив входили родственники, проживавшие рядом), где каждый вносил свою лепту в общее дело.

В уральских условиях сельскохозяйственная коммуна оказалась в первую очередь пространством для самореализации мужчин. Жизнь в коллективе была связана с тяжелым трудом в зоне рискованного земледелия, с необходимостью строительства большинства жилых и хозяйственных построек «с нуля», а не на месте бывших помещичьих усадеб. Это требовало выделения серьезных ресурсов и влекло за собой постоянные ограничения личного потребления. Несмотря на такого рода специфику, женщины также внесли значительный вклад в становление практик коллективного хозяйствования. В дальнейшем этот опыт стал существенным подспорьем для трансформации сознания и образа жизни крестьян.

В. Ф. Зима¹

**Государственный бюджет СССР
в период новой экономической политики
и аграрный сектор экономики**

Новая экономическая политика была важным этапом на пути построения социализма в СССР. По плану нэпа сельское хозяйство должно было дать средства и рабочую силу для создания тяжелой

¹ *Зима Вениамин Федорович*, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, veniamin.zima@yandex.ru, Россия, г. Москва.

индустрии, как необходимого условия существования первого в мире социалистического общества. Нэп стал временным и необходимым фактором на пути к быстрому послевоенному экономическому и социальному возрождению деревни на социальных кооперативных началах.

В РСФСР в условиях нэпа восстановление и развитие государственной экономики начиналось с формирования государственного бюджета. Осенью 1922 г. был получен хороший урожай зерновых культур, увеличился экспорт сельхозпродукции и Советское правительство предприняло все усилия к созданию полугодового Государственного бюджета. До этого, начиная с 1918 г., Наркомфин РСФСР предлагал правительству росписи расходов и доходов государства на один или два месяца, но и они не опережали высокий уровень инфляции. Только к 1922 г. был составлен «ориентировочный» бюджет, действовавший до октября того же года.

Для СНК РСФСР создание «твердого» государственного бюджета 1923/24 г. означало возможность выхода на внешний рынок путем создания эффективной экономики. В период нэпа под контролем государства проводилась интенсификация сельского хозяйства с целью получения средства на восстановление старых и строительство новых заводов тяжелой индустрии. Это было необходимо для модернизации промышленности и укрепления обороны страны.

Единый государственный бюджет СССР 1923/24 г. исчислялся в сумме 1 млрд 803 млн 376 тыс. 234 червонных рубля. Из приведенных в нем данных о величине вклада денежных средств от отдельных отраслей народного хозяйства в госбюджет видно, что основным источником доходов являлся аграрный сектор экономики.

Первая группа «государственных доходов» складывалась из обыкновенных доходов и чрезвычайных ресурсов. Обыкновенные доходы обозначались литерой «А» и включали в себя прямые налоги, прежде всего единый сельскохозяйственный налог – 181,4 млн руб. Остальные налоги (промысловый, подоходно-поимущественный и др.) в сумме составляли 90 млн руб., что было в 2 раза меньше сельхозналога.

По причине неурожая 1924 г. в черноземной полосе России в 1925/26 г. поступления в госбюджет по сельхозналогу сократились. Во все последующие годы в стране происходил ежегодный значительный рост поступлений в госбюджет по единому сельскохозяйственному налогу. За 4 года нэпа сельхозналог с крестьян увеличился на 50 %.

Обратим внимание на два других государственных налога с граждан РСФСР, которые уступали сельхозналогу, но давали ежегодно растущий доход в госбюджет. Это – промысловый и подоходно-поимущественный налоги.

Крестьяне испытывали острую потребность в деньгах, поэтому многие из них занимались различного рода промыслами. Эта тенденция усилилась после того, как в 1923/24 г. натуральный налог был заменен денежным. В связи с этим, а также тем, что ежегодно налог повышался, государственный доход с 1924 по 1927 г. от промыслового налога увеличился в 5 раз. Подобный рост происходил с подоходным налогом и другими налогами и сборами: рентным, государственным налогом на сверхприбыль и пр.

К косвенным налогам относились акцизы с продаж вина и пива, таможенные доходы и пошлины, но они непосредственно не затрагивали большинство крестьян. В годы нэпа государственный доход от продажи алкоголя увеличился в 2 раза и превысил доход от сельхозналога.

Вторая группа государственных доходов была обозначена литерой «Б» и называлась «Чрезвычайные ресурсы». Они формировались от реализации государственных фондов и кредитных операций. Под кредитными операциями значились шесть Государственных займов у граждан СССР: 1-й и 2-й – выигрышные, 3-й – сахарный, 4-й – хлебный, 5-й – золотой гарантийный и 6-й – крестьянский заем, который давал стране самый крупный годовой доход в 48,5 млн руб. По размеру государственно-го дохода после крестьянского займа 2-е и 3-е места занимали 1-й и 2-й выигрышные займы, от которых государство получало за год соответственно 41,5 млн и 40 млн руб. Золотой гарантийный заем был на 4-м месте по величине вклада. От него госуда-

рство получило 27 млн руб. Из остальных пополнений отметим поступление в государственный бюджет от эмиссии, составлявшее 180 млн руб., полученных в результате незапланированного выпуска бумажных денег с целью соблюдения баланса между доходами и расходами.

Статистика бюджета показывает, что Советское государство значительно больше ассигнований выдавало на развитие промышленности и электрификацию страны. Самая крупная сумма денег была направлена транспортному ведомству. Кредитование сельского хозяйства сокращалось. Следует подчеркнуть, что исполнение госбюджета способствовало сокращению «ножниц» цен на промышленные и сельскохозяйственные товары.

Государственный бюджет СССР 1926/27 г. отражал курс партии и правительства на ускоренную индустриализацию страны. В нем предусматривалось сокращение расходов на сельское хозяйство по сравнению с предыдущим годом на 20 %, и они составляли 103,6 млн руб. В то же время прямое ассигнование на развитие промышленности было увеличено в 2,4 раза и составило 405,9 млн руб. На военную промышленность было назначено 43 млн руб. (на 38 % больше, чем в 1925/26 г). Нарастание финансирования промышленности было выполнением директив XIV съезда ВКП(б). Наркомату по военным и морским делам было назначено 692,5 млн руб. (на 90,1 млн руб. больше). Эта сумма составляла четверть всего государственного бюджета СССР. Единый Государственный бюджет по доходам и расходам СССР в 1926/27 г. в сумме составлял 2,4 млрд руб., или на 90 % больше, чем в 1923/24 г.

О.В. Бершадская¹

Особенности землепользования и землеустройства в Черноморском округе в 1920-е гг.

25 мая 1926 г. СНК РСФСР обозначил основную задачу землеустройства в Черноморском округе – «резко повысить» произво-

¹ *Бершадская Ольга Владиславовна*, кандидат исторических наук, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, berscholl@mail.ru, Россия, г. Краснодар.

дительность крестьянских хозяйств с целью создания продовольственной базы для курортов.

Землепользование в округе характеризовалось «исключительной чересполосностью», а также «запутанными и служащими предметом нескончаемых споров пограничными отношениями». В силу сложного рельефа в черноморской деревне, за исключением северной части Анапского района, не сложилось общинного землевладения. Наряду с наиболее распространенной подворной формой существовали такие категории землепользования, как крестьянские юрты, хуторские хозяйства, культурные участки, земли комитета Государственного земельного имущества (ГЗИ), колонизационные фонды, фонды специального назначения, курортные зоны и т.п.

Спецификой округа было наличие значительного числа граждан с иностранным подданством. Большинство из них являлись армянами и греками, переселившимися из Турции. Представители этих народностей занимались табаководством и, не имея прав на землепользование, вынуждены были арендовать землю под плантации табака. Эту категорию населения также следовало землеустроить.

В связи с существующими проблемами были определены основные задачи землеустройства. В первую очередь нужно было установить границы земельных обществ и юридически оформить их землепользование, а также устранить мало- и дальнотелье. По мнению окружного земельного управления, наиболее целесообразной формой землепользования в черноморской деревне следовало признать хуторскую и участково-отрубную. Но директивы Наркомзема РСФСР предписывали бороться с «хутороманией» и стремиться к созданию коллективных форм землепользования. В итоге в Черноморском округе приоритетной формой землепользования была избрана общинно-пайковая, «наряду с некоторым стремлением к отрубной системе», которая была неизбежной в местных географических условиях.

Земельное управление Северо-Кавказского края имело свое видение основных задач землеустройства в округе: «В землеустройстве могут быть заложены предпосылки к оформлению в береговой поло-

се прикурортного и пригородного хозяйства, в высокогорной полосе – хозяйства скотоводческого. В районах главных лесозаготовок должен быть создан специальный тип мелких потребительских полукрестьянских-полурабочих хозяйств лесоводов и лесорубов».

Однако землеустроительная политика в округе проводилась без учета мнения местных специалистов и особенностей региона. В 1925 г. началось изъятие из сельскохозяйственного фонда части земель, получивших курортное значение. Для крестьян округа это означало потерю территорий, расположенных в удобной местности вблизи рынков и путей сообщения.

Специфический состав населения округа требовал особого подхода к проведению землеустройства, иначе возникали различные осложнения на социальной и национальной почве. Так, в казачьих станицах иногородние были уравнены с казаками в земельных отношениях, что вызвало обострение сословной розни. В ряде селений были зафиксированы конфликты с армянами-табаководами, которые получили землю за счет местных крестьянских хозяйств.

К октябрю 1926 г. межселенным землеустройством была охвачена территория площадью 231467 дес. (57 % площади округа), внутриселенным – 154827 дес. (28 %). Был образован 51 новый поселок, землеустроена часть жителей, которые ранее являлись арендаторами земли. Однако в условиях дефицита сельскохозяйственных угодий на каждого едока в среднем приходилось 0,68 дес. земли, что было крайне недостаточно для осуществления поставленной цели – создания на основе местных крестьянских хозяйств продовольственной базы для курортной отрасли. Особенности рельефа не позволяли решить проблемы чересполосицы и дальноземелья. Во многих деревнях сведение отдельных отрубков в единый участок требовало очень больших материальных средств, которых не было ни в местном бюджете, ни у населения.

В конце 1920-х гг. приоритеты землеустройства смещаются на создание коллективных хозяйств. С 1927 г. коллективные хозяйства округа получили в бесплатное и бессрочное пользование территории, находящиеся в ведении комитета ГЗИ. Эти территории с удобной землей находились преимущественно в береговой

полосе в непосредственной близости от рынков сбыта и дорожных магистралей. Благоприятное местоположение привело к резкому увеличению числа колхозов и занимаемых ими площадей. Однако коллективные хозяйства организационно были очень слабыми и быстро распались. Многие крестьяне, вступающие в колхозы, не скрывали, что их помыслы «были направлены на льготное получение земли и всевозможных ссуд». Жители черноморской деревни в большинстве своем не знали общинных традиций, были разрознены и привыкли хозяйствовать самостоятельно. Это, по нашему мнению, также могло оказать влияние на их негативное отношение к колхозам.

Во второй половине 1920-х гг. в землеустроительной политике, осуществляемой в Черноморском округе, проявляется новая тенденция – оказание всемерной поддержки советским хозяйствам. В 1926 г. в составе окружного земельного управления было образовано «Управление совхозами и курортными имуществами». В 1929 г., в соответствии с новым планом землеустройства, совхозам отводилось около 30500 га земли в прикурортной зоне. Именно на совхозы со временем была возложена основная обязанность снабжения курортов. Для осуществления этой задачи совхозам стали направляться значительные денежные средства и оказывалась помощь организационного характера.

В.В. Наухацкий¹

Эволюция социальных структур села в период нэпа (на материалах Северо-Кавказского края)

В отечественной и зарубежной литературе обстоятельно изучена история сельского хозяйства и крестьянства СССР 1920-х гг. При этом существует широкий спектр мнений по таким вопросам, как масштабы и темпы восстановления сельского хозяйства страны и ее регионов, предпосылки и причины перехода к коллективизации и свертывания нэпа. Одни авторы обращают внимание на позитивные

¹ *Наухацкий Виталий Васильевич*, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), paoukhatskiy@gambler.ru, Россия, г. Ростов-на-Дону.

тенденции в восстановлении крестьянских хозяйств и возрождении сельского хозяйства, другие акцентируют внимание на трудностях и незавершенности восстановительных процессов в аграрном секторе, противоречиях эпохи, его ограниченности, недостаточной эффективности и неизбежной обреченности. Остается дискуссионным и ряд вопросов эволюции социальных отношений на селе в 1920-е гг., в числе которых противоречия в развитии социальной структуры сельского социума, характер и направленность изменений социальной структуры крестьянства в регионах.

Аграрные преобразования, проходившие при самом активном, политически и идеологически мотивированном участии партийно-государственных структур, оказывали возрастающее влияние на сферу социальных отношений на селе в Северо-Кавказском регионе. Причем, если сами по себе социальные изменения, сдвиги в социальной, имущественной, хозяйственно-организационной структурах деревни не были масштабными, количественно существенными, то потенциально они создавали основу для глубоких качественных изменений в социально-классовой структуре, в соотношении различных социальных (имущественных) групп внутри сельского населения, изменении статуса социальных слоев.

Кроме того, эти изменения сопровождались появлением и укреплением социально-профессиональных групп (страт) сельского населения, связанных с развитием новых организационных форм хозяйственной деятельности (колхозы, совхозы), а также форм политического и административного управления на местах (советы различных уровней, парторганизации). На этой основе создавались социальные предпосылки для определенного сглаживания / стирания социальных различий между группами казачьего и неказачьего населения региона.

Предпосылки для изменений в системе социальных отношений на селе были обусловлены такими процессами, как: появление качественно новых организационно-производственных структур (колхозы, совхозы), а также активизация кооперативных организаций, которые по ряду параметров отличались от кооперативных организаций, типичных для дореволюционных (буржуазных) со-

циально-экономических отношений; постепенная утрата индивидуальными крестьянскими и казачьими хозяйствами прежнего статуса главных акторов хозяйственной жизни села / станицы и превращение их в не самостоятельные и не главные в хозяйственной жизни села / станицы; формирование на базе комсомола и пионерской организации политически активной группы молодежи; вовлечение в социальную, общественную жизнь женщин (вопреки многовековым традициям сельских социумов); постепенная утрата приоритетного значения казачьих структур в регулировании различных аспектов жизни сельского социума.

Все более важными регуляторами системы общественных отношений становились не рынок, собственность, бывшая сословная принадлежность, социально-имущественное неравенство, гендерные поведенческие стереотипы и предрассудки, а совместная деятельность в новых организационно-хозяйственных структурах, управленческая деятельность в хозяйственной и локальной властно-политической сферах, государственное регулирование хозяйственной жизни (через налогообложение, кредитование, землеустройство и т.п.) – даже при сохранении элементов рынка, в том числе и теневого.

Иными словами, в годы нэпа создавались предпосылки складывания новой системы социальных отношений, нового социального мира, важными параметрами которых постепенно становились социальная гомогенность, определенное выравнивание внутригрупповой структуры на основе вступления сельчан в крупные (кооперативные, коллективные, государственные) хозяйства и участия в организационно-управленческой деятельности. Разумеется, эти тенденции только намечались, но ретроспективный взгляд на эволюцию уже завершенных процессов дает основания для такого заключения.

Отмеченные изменения свидетельствовали о складывании предпосылок для постепенного формирования принципиально новой социальной структуры сельского социума, структуры социально-экономических отношений на селе, основанных на становлении потенциально солидарных, нерыночных по своей сути, неантагонистических, коллективистско-урavnительных, государствен-

но-организованных отношений (а не на латентном восстановлении буржуазных или протобуржуазных отношений). Именно в период нэпа началось создание предпосылок для вызревания (складывания) такой принципиально новой системы социальных отношений в деревне, которая в дальнейшем получила название колхозно-совхозной, советской, социалистической.

Разумеется, прежняя система социальных отношений, основанная на рынке, частной собственности и имущественном неравенстве, существенном для определения социального статуса индивида (как например: кулак – середняк – бедняк), в случае сохранения принципов нэпа, вполне вероятно, могла стать базой для формирования и развития неокapиталистических социальных отношений (даже вовсе не протобуржуазных, а именно капиталистических).

А.В. Берлов¹

**Ученые русской эмиграции в Европе в 1920-е гг.
об экономических аспектах поведения крестьянства**

В результате эмиграции первой послереволюционной волны за пределами Советской России оказались ученые различных аграрных школ бывшей Российской империи. Продолжая научную деятельность в новых странах проживания, главным образом в Европе, многие из них размышляли об экономической эффективности частного крестьянского двора и о хозяйственном поведении крестьянства в условиях капиталистического рынка. Представляя различные направления русской аграрной мысли, ученые-эмигранты были едины в неприятии советской власти и ее методов решения крестьянского вопроса (Б.Д. Бруцкус, Н.Н. Зворыкин, А.Д. Билимович, В.А. Коссинский, С.С. Маслов, А.Н. Анцыферов и др.).

Вопреки логике марксизма, с его экономическим детерминизмом, эффективность сельскохозяйственного труда представители аграрной мысли русской эмиграции оценивали не с рыночных, а с онтологических позиций, учитывая особое отноше-

¹ *Берлов Артур Валерьевич*, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны РФ, Arberlov@mail.ru, Россия, г. Москва

ние крестьянина к земле и специфику образа жизни в деревне. Они делали акцент на некапиталистическом характере семейного крестьянского хозяйства, в котором отсутствуют понятия коммерческого расчета, прибыли, заработной платы, эксплуатации и т.д. По мнению теоретиков русской аграрной мысли, основной целью крестьянского труда является не извлечение прибыли от продажи произведенной продукции, как в промышленности, а удовлетворение потребностей семьи, обеспечение достатка и стабильности. Семейно-трудовое хозяйство отличается отсутствием найма рабочей силы на постоянной основе, половозрастное разделение труда, распределение работ в течение года, значительная устойчивость и гибкость, готовность к ежедневному напряженному труду даже на скудных почвах и в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры. В отличие от фермерского хозяйства с его прагматичной ориентацией на рынок, крестьянский двор стремится к достижению баланса между затратой трудовых усилий и степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи.

Русские ученые подчеркивали специфику консервативной крестьянской психологии, особое отношение к земле и труду на ней, которые тормозили проникновение капитализма в деревню. Крестьянское семейно-трудовое хозяйство, по их мнению, не готово к предельной самоэксплуатации ради получения пороговых показателей по выпуску продукции. Трудовая мотивация крестьянина основана, скорее, на логике самозанятого или рабочего на сельщине, который сам рассчитывает время и степень затраченных усилий ради получения желаемого результата. Такой подход, по мнению экономистов русской эмиграции, обеспечивает, с одной стороны, исключительную стабильность семейно-трудового крестьянского хозяйства, а с другой стороны, его техническую отсталость и производственную инертность.

Отмечая гибкость и эффективность землепользования частного двора, разнообразие производимой продукции, от льна в северных, до винограда в южных регионах, ученые русской эмиграции подчеркивали факторы, препятствующие росту производства в

крестьянских хозяйствах, в числе которых малые размеры земли, чересполосица, низкий уровень технической вооруженности, отсутствие найма квалифицированной рабочей силы.

Исследование организации трудовой деятельности, размеров земельных наделов, средств производства, количества скота, численности и половозрастного состава семьи позволило ученым русской эмиграции обоснованно ответить на вопрос, почему крестьянские хозяйства способны успешно выдерживать конкуренцию с фермерскими предприятиями, основанными на использовании наемного труда и банковских кредитов. Устойчивость и жизнеспособность крестьянского двора экономисты русской эмиграции связывали с большей свободой маневрирования, способностью развивать отрасли производства и возделывать культуры, от которых отказываются крупные хозяйства по причине их низкой доходности.

Согласно концепции русских ученых, относительная автономность крестьянского двора и изолированность хозяйственной деятельности не препятствовали развитию общественных производительных сил труда и концентрации сельскохозяйственного капитала. Широкая кооперация, охватившая аграрный мир России и многих стран Европы, вывела крестьянские хозяйства из состояния изолированного существования индивидуально-обособленных действий. Исследователи были убеждены в том, что под воздействием сельскохозяйственной кооперации происходит непрерывный процесс оздоровления общественной среды, создается коллективный дух, порожденный совместной деятельностью. Во многом идеализируя общественные отношения на селе, они утверждали, что кооперативные предприятия создаются не для обогащения, а для увеличения трудовых доходов своих членов или уменьшения их расходов на потребительские нужды. В трудах ученых поставлен непривычный для аграрной науки того времени вопрос о нравственном измерении экономической деятельности, формировании человека, живущего собственным трудом и включенного в социальные кооперативные связи.

Принцип отказа от эксплуатации и добровольного сложения хозяйственных усилий крестьян положен в основу экономической мо-

дели, которую русские ученые противопоставляли развивавшемуся на Западе капитализму и практике победившего в России марксизма.

Глубокий анализ жизни русского села и экономического поведения крестьянства, основанный на данных земской статистики, позволил ученым переосмыслить причины устойчивости аграрного уклада и неповторимости социальных отношений в деревне. При всем различии взглядов на аграрное производство ученые русской эмиграции сформировали целостное представление о развитии семейно-трудового хозяйства, которое выходит за рамки догматических установок марксистской и неоклассической теорий. Проживавшие главным образом в крупных европейских центрах, русские экономисты смогли преодолеть инертность мышления, свойственную сторонникам внедрения капиталистических начал в аграрное производство или тотального обобществления земли и труда.

В.Б. Безгин, В.П. Николашин¹

**Крестьянство и аграрная модернизация
на рубеже 1920-х – 1930-х гг.²**

Аграрный вопрос в части контроля продовольствия на протяжении веков выступал ключевым элементом функционирования российского государства. Его решение находилось в зависимости от баланса интересов города и деревни, власти и крестьянства. В ходе всех крупных институциональных изменений, реформ деревня традиционно становилась донором для остальных секторов народного хозяйства. Незаконные, с точки зрения крестьян, посягательства власти на ресурсы деревни вызывали к жизни все многообразие форм протеста «оружия слабых». Социальные издержки возрастали под влиянием институциональных изменений.

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, vladuka62@mail.ru, Россия, г. Тамбов; *Николашин Вадим Павлович*, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет, nikolashin.vadim@yandex.ru, Россия, г. Мичуринск.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-49-680002/19 p_a.

В первые десятилетия XX в. четко проявилась потребность в модернизации сельского хозяйства, которая была обусловлена рядом вызовов: аграрным перенаселением, низким уровнем сельхозпроизводства, неэффективными формами общественно-производственных отношений и др. Потенциал сельского хозяйства существенно ограничивали проблемы дисбаланса с индустриальным сектором, технологической отсталости и особенности традиционного уклада села. Все это определило тенденцию догоняющей модернизации и поиск альтернативных сценариев изменений общественно-производственных отношений в деревне.

Экономическая модель нэпа к 1926–1927 гг. в условиях падения валовых сборов зерна и роста численности городского населения требовала либо модернизации, либо перехода к «административным» способам заготовки хлеба, коллективизации и другим методам ужесточения аграрной политики. Усиливали потребность преобразований индустриализация и внешнеполитические условия. Для решения стоявших перед государством задач власть могла использовать только внутренние ресурсы деревни.

Хозяйственный механизм, насаждавшийся властью в ходе коллективизации, не включал гибких рыночных методов. Поэтому в ход шли внеэкономические методы изъятия продовольствия из деревни. В ходе сплошной коллективизации власть получала в свои руки эффективные рычаги воздействия на хлебный рынок, монополизировав его.

Советская власть, массово организуя колхозы на рубеже 1920–1930-х гг., выбрала артель, а не коммуны или совхоз как форму организации аграрного производства и модели преобразования традиционной деревни. Государство становилось получателем конечного прибавочного продукта, при этом не несло экономической ответственности за деятельность колхозников. Все обязательства по выполнению хозяйственных задач власть перекладывала на актив колхоза, что создавало видимость демократичности и самоорганизации.

Производственный потенциал «фабрик зерна» не вызвал хозяйственного интереса у основной массы крестьян. Однако для социальных низов советской деревни вступление в колхоз позволяло не

только обеспечить семье прожиточный минимум, но и повысить свой общественный статус.

Создание и деятельность колхозов осуществлялись посредством отказа от традиционных норм и устоявшихся практик крестьянского общежития. Процесс обобществления, инициированный властью, на местах приобрел уродливые черты. Свидетельство тому – факты бесхозяйственности и безразличия по отношению как к имуществу раскулаченных крестьян, так и к «колхозному добру». Поэтому вполне закономерно то, что некомпетентность местной власти, а также ошибки специалистов в области организации колхозного производства рождали в деревне волну «антисоветских» разговоров.

Власть проводила политику поддержки деревенской бедноты, провоцируя конфликт внутри общины, между крестьянами разного хозяйственного достатка. Не имела экономического смысла политика раскулачивания, которая на местах часто приобретала форму политической мести. При этом власть сознательно игнорировала чинимое в деревне беззаконие. Партийные функционеры, советские работники, ответственные за перегибы в ходе коллективизации, никакого наказания не понесли. Исключение составлял непродолжительный период после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов», когда достоянием гласности становились отдельные вопиющие случаи колхозного строительства. В данных условиях крестьяне жаждали вернуться к хозяйственному механизму нэпа как наиболее гибкой производственно-распределительной системе.

Власть, по справедливому мнению деревни, должна уважать их хозяйственные интересы. Но реалии конца 1920-х – начала 1930-х гг. были несколько иными. На деле советская власть упорно игнорировала чаяния крестьян, их требования о праве на землю, свободы распоряжения продуктами своего труда, неприкосновенности семейного имущества. В ответ деревня враждебно встречала модернизационные импульсы города, оценивая их как посягательство на глубинные ценности, переходящие границу норм «моральной экономики».

Стремление к самостоятельности, экономической свободе так и оставалось сокровенной мечтой большинства жителей деревни, уступившее место смирению перед колхозной действительностью.

Первопроходцами в формировании первых колхозов стали беднота и батраки. В целом сталинская модернизация фактически уничтожила традиционные институты деревни. Роль социальных регуляторов заняли подконтрольные коммунистам советы. С этого времени все преобразования шли под давлением сверху, усиливая роль государства в социально-экономических процессах деревни.

О.А. Сухова¹

**Итоги общинной революции и перспективы
аграрной модернизации в СССР в конце 1920-х гг.:
стадия термидора или ребрендинг
мобилизационных проектов?²**

Аграрная революция в России, завершившаяся к началу 1920-х гг. официальным признанием результатов «черного передела» со стороны государства, обозначила две тенденции развития советской деревни. С одной стороны, восстание общин в своей основе продемонстрировало защитную реакцию крестьянского мира на модернизационные процессы, а следовательно, носило глубоко архаичный характер. В дополнение к реквизициям, разрухе и голоду, оно стало фактором, сдерживавшим развитие аграрного сектора экономики. В этих условиях естественным и общим трендом социальной мобильности российского крестьянства стал рост бедности. Однако ситуация мало изменилась и к концу 1920-х гг., несмотря на частичную реабилитацию рыночных отношений. Деревня по-прежнему балансировала на грани крайне скудного существования. Треть общего числа крестьянских дворов в стране не имела рабочего скота, а половина – владела одной рабочей лошадью или волом³. В Пензенской губернии к 1926 г. на 100 хо-

¹ *Сухова Ольга Александровна*, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет, savtemp@yandex.ru, Россия, г. Пенза.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00125.

³ *Ильиных В.А.* Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 130, 132.

зйств приходилось лишь 16,35 плугов, а 32,1 % хозяйств вообще не имели пропашного инвентаря¹.

С другой стороны, прямым следствием архаизации общественного сознания в период крушения имперской формы государственности становится укрепление традиционных регуляторов социальной жизни, покоившихся на нормах обычного права. Воплощение крестьянского идеала «правды» предполагало воплощение идеи «всеобщего поравнения». На мировоззренческом уровне это обернулось усилением массового стремления вернуться к «локальным формам жизни», основанным на натуральных отношениях, вернуться к «миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность»².

Информаторы ОГПУ с тревогой отмечали сохранение и даже тиражирование антигородских настроений: «За последнее время со стороны крестьянства замечается враждебное отношение к служащим и лицам, состоящим в профсоюзах. Выносятся постановления о лишении земельных наделов лиц, состоящих где-либо на службе, всех ушедших на подсобные заработки и даже временно работающих на железной дороге». Так, в 1926 г. целый ряд сел Саранского уезда в нарушение постановления волисполкома самовольно принял решения об отчуждении земельных наделов, мотивируя свои действия следующим образом: «Не двумя кусками пользуйся, а одним». В этом отношении перспективу развития социальных отношений крестьяне связывали с сохранением основного принципа общинного мироустройства: «Рабочие и служащие живут лучше крестьян, но между ними нет равенства. Поэтому нужно уравнивать ставки всем, тогда бы мы скорей пришли к равенству (с. Шишкеево Рузаевской волости)»³.

На этом фоне перспектива завершения перехода советской деревни на новый технологический уровень выглядела весьма ту-

¹ *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009. С. 29–31

² *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1991. С. 293.

³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 120.

манной. Оценивая практику и исторический опыт выбора стратегий государственного управления, можно предположить, что рано или поздно из арсенала стимулирующих средств будет извлечен очередной мобилизационный проект. Апробация методов грядущего перелома началась параллельно с отказом от политики «военного коммунизма». Уже в ноябре 1921 г., согласно декрету СНК РСФСР, мерилom эффективности советской мобилизационной экономики становится трудодень. Все трудоспособное население советской деревни (мужчины в возрасте 18–50 лет и женщины 18–40 лет) было обложено трудгужналом, составлявшим по всей территории РСФСР 4 трудодня (пеших и конных по нормам урочного положения).

И все же, несмотря на «всеобщее поравнение» и реквизиционные кампании, в советской деревне сохранились сторонники рыночных отношений, носители установок общества модерна. В силу определенной подмены понятий в постреволюционную эпоху в СССР эта социальная категория была представлена как движение крестьян-культурников. Стоит заметить, что культурническое движение к концу 1920-х гг. становится настолько заметным явлением, что порождает определенные формы отчетности в деятельности губернских земельных управлений.

В Пензенском госархиве сохранилось несколько уникальных по своему значению обращений крестьян «новой формации» во власть, позволяющих реконструировать спектр социокультурных предпочтений крестьянства во второй половине 1920-х гг. Так, в письме крестьянина д. Куракино Царёвщинской волости Пензенского уезда М.С. Сашенкова в адрес заведующего губернским земельным управлением Хабарова от 12 марта 1928 г. характеризуется прошлое, настоящее и будущее деревни в представлениях «хуторянина средней руки». Показательно, что Сашенков не скрывает дореволюционный статус своего хозяйства («я хуторянин с 1914 г.»). Более того, он призывает к дальнейшей хуторизации деревни: «допустить обязательно трудовые хутора, но не менее 8–10 десятин на хозяйство», «с разделением на поселки и хутора (призванные стать «светильниками огромным народным массам»), делать всевозможные поощрения: по лесо-

разведению, защитной полевой посадке и садоводству и т.д.». Вместе с тем автор крайне критично относится к сохранению общины и насаждению коллективных форм землепользования¹.

Как известно, масштабный мобилизационный проект, призванный обеспечить завершение перехода к индустриальному обществу, полностью разрушил социальный мир российской деревни и на длительную перспективу заблокировал процесс формирования установок и ориентаций сознания, соответствовавших новому технологическому укладу.

*В.В. Кондрашин*²

**Крестьянская община и насильственная коллективизация:
к вопросу о причинах успеха в советской деревне
сталинской «революции сверху»**

Дискуссионным в историографии остается вопрос о причинах успеха антикрестьянской политики сталинского режима в крестьянской стране на рубеже 1920–1930-х гг. Попытки объяснить его исключительно мощью административно-репрессивного аппарата государственной власти хотя и верны, но, на наш взгляд, несколько упрощают проблему. Главный недостаток данного подхода состоит в недостаточном внимании, а в ряде случаев и в игнорировании важнейших процессов, происходивших в предшествующий и рассматриваемый периоды в крестьянской общине, которые, с одной стороны, являлись продуктом «внутреннего развития» сельского мира, а с другой – его реакции на политику государства.

Первый из них традиционно трактуется в историографии как «раскрестьянивание» деревни в результате вовлечения крестьянских хозяйств в рыночную экономику. Этот процесс начался во второй половине XIX в. и был обусловлен индустриальной модернизацией страны. Его кульминацией стала столыпинская аграрная реформа как квинтэссенция государственной политики аграрной модернизации и раскрестьянивания деревни «сверху».

¹ ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 3683. Л. 244.

² *Кондрашин Виктор Викторович*, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru, Россия, г. Москва.

Общинная революция и крестьянское движение в годы Гражданской войны свели на нет все «достижения» столыпинской реформы. Произошла победа крестьянской революции над государственной властью, попытавшейся форсировать индустриальную модернизацию страны за счет общинного крестьянства посредством его «раскрестьянивания» с помощью ставки на «сильных» крестьян. В результате в годы нэпа возродилась подвергнутая ранее ломке община и произошла «архаизация» деревни, т.е. превращение сельского хозяйства России в «океан» мелких, ориентированных в первую очередь на внутреннее потребление крестьянских хозяйств, а не на потребности государства.

Но это была «пиррова победа» сельского мира, поскольку советское государство после окончания Гражданской войны продолжило курс царизма на «раскрестьянивание» деревни, но только теперь с опорой на «слабых» (бедноту) и молодых крестьян (по переписи населения 1926 г., 67 % крестьян были моложе 30 лет) во имя форсированной индустриализации и подготовки к войне.

В годы нэпа имел место постоянный конфликт между государством и крестьянской общиной на почве взятого большевистским режимом курса на ускоренную индустриализацию, который предусматривал принятие крестьянством роли «данника» государства, главного источника индустриализации. В этом направлении строилась вся аграрная политика советской власти, «тянувшая жилы с мужика», причем все сильнее с каждым годом, вызывая естественное недовольство основной массы крестьян. Политика насильственной коллективизации формировалась под влиянием кризиса хлебозаготовок второй половины 1920-х гг., а также в результате осознания сталинистами факта антигосударственного, антигородского и антикоммунистического настроения основной массы крестьян, который, по их мнению, противоречил национальным интересам.

Кризис хлебозаготовок 1927/28 г. продемонстрировал нежелание крестьян поступиться своими интересами во имя «общегосударственных» целей (форсированной индустриализации). В подавляющем большинстве они отказались продавать хлеб государству по заниженным ценам. В результате в городах СССР

возникла реальная угроза голода, потребовавшая от советской власти принятия чрезвычайных мер.

В 1927 г. проявились неожиданные для сталинистов «пораженческие настроения» значительной массы крестьян, когда ОГПУ повсеместно зафиксировало факты (7269 случаев) нежелания крестьян (особенно в казачьих районах), в том числе бывших «красных партизан», защищать советскую власть.

«Пораженческие настроения» охватили сельский мир на фоне все более укоренявшейся в крестьянской среде идеи создания крестьянской партии или крестьянского профсоюза в виде «Крестьянского союза» как противовеса Коммунистической партии, защищавшей интересы рабочих и городского населения. По данным ОГПУ, за период с 1 января 1924 г. по 1 января 1928 г. в советской деревне произошло 4670 выступлений за Крестьянский союз.

В этом же ряду было активное сопротивление крестьянской общины политике советской власти по ее отстранению от контроля над сельскими советами в ходе избирательных кампаний периода нэпа, особенно второй половины 1920-х гг., когда община, несмотря на лишение избирательных прав наиболее влиятельной ее части (зажиточных крестьян), противопоставляла выдвинутым коммунистам и комсомольцам («безбородым депутатам») своих кандидатов.

Противостояние крестьянства и государства в годы нэпа увенчалось успехом последнего не только благодаря административно-репрессивным мерам, но и существованию в советской деревне «социальной базы» «революции сверху» в лице многочисленных активистов из бедноты и деревенской молодежи, поддержавших антикрестьянскую политику, поскольку она открывала им многочисленные «социальные лифты».

Созданию этой базы способствовали изменившиеся в годы нэпа, по сравнению с дореволюционным периодом, отношения между беднотой и кулацко-зажиточной частью общины, которые характеризовались фактом усиления социальной розни между ними. Особенно этому способствовал голод 1924–1925 гг. В большинстве случаев во время этого голода советский кулак, в отличие от дореволюционного, вместо помощи голодающим односельча-

нам усиливал их закабаление, толкая многих из них в ряды сторонников будущей «революции сверху».

Но данный факт и традиционно имевшие место в крестьянской общине «антикулацкие настроения» были катализированы в годы нэпа политикой советского государства по материальной и политической поддержке бедноты («слабых»): льготным налогообложением, кредитованием, передачей в пользу активистов части имущества раскулаченных и репрессированных в ходе хлебозаготовок и т.п. Фактически бедноту и активистов «натравливали» на основную массу односельчан. В результате значительная часть бедноты и часть середняков стали инструментом выколачивания налогов и ресурсов из деревни для нужд индустриализации, а также создания удобного в этом плане колхозного строя. Они смогли действовать успешно в условиях кризиса хлебозаготовок и сплошной коллективизации благодаря мощной поддержке государства.

Этому способствовал и тот факт, что основная масса крестьян в результате изъятия из деревни в годы нэпа оружия активистов крестьянского протеста, отсутствия политически оформленных структур (партии), поражения «правой оппозиции» была уже не способна переломить ситуацию, несмотря на активные попытки на рубеже 1920–1930-х гг. организовать массовые стихийные выступления. Крестьянская община, расколотая и ослабленная властью, в отличие от периода Великой российской революции, не смогла защитить свои коренные интересы.

И.В. Гончарова, Г.С. Чувардин¹

Эволюция социального мира черноземной деревни в процессе коллективизации (1930–1932 гг.)

Коллективизация изменила социальную структуру и практики социального взаимодействия деревни. Колхозники явились новой социальной категорией. В современной историографии нет одно-

¹ *Гончарова Ирина Валентиновна*, доктор исторических наук, Орловский государственный университет, 89066610166@yandex.ru, Россия, г. Орел; *Чувардин Герман Сергеевич*, доктор исторических наук, Орловский государственный университет, wodantag@mail.ru, Россия, г. Орел.

значного мнения относительно статуса колхозника и его сравнения с крепостным крестьянином.

Новый бюрократический институт на селе – колхоз – не мог быстро разорвать с общинным прошлым. Преемственность была как в общности территории, так и в посреднических функциях между крестьянами и государством. Организационно-административная практика колхоза основывалась на общинных традициях работы по трудодням и скопом, а также уравнивания дохода в зависимости от размера семей, а не личного производственного вклада.

В то же время колхоз как ассоциация сельских землепользователей отличался от общины, которая владела землей, а ее участники были собственниками произведенной продукции. Колхозники были лишены права распоряжаться результатами своего труда на земле, находящейся в государственной собственности. Управленческая практика мирского схода переводилась в компетенции районных партийных органов.

В коллективизированной деревне государство активно реализовывало различные социальные проекты: ликвидация неграмотности, кампании по рекрутированию колхозников в бюрократическую пирамиду, партию и т.д. Эти лестницы социальной мобильности власть использовала в качестве аргумента для поддержки нового устройства. На местах была развернута сеть курсов для подготовки полеводов, животноводов, бригадиров, учетчиков, трактористов и др. Для подготовки управленческих и специализированных колхозных кадров существовали постоянные школы трех уровней.

Логичным следствием вмешательства большевиков в сельскохозяйственное производство стало внедрение промышленных принципов организации труда в деревне, в том числе нормированного рабочего дня, жесткой дисциплины, соцсоревнования и др.

Реакция со стороны колхозников на эти нововведения по большей части была негативной, так как нарушала «трудовую этику» общинного прошлого. Ударники меняли гендерные роли, противопоставляли себя коллективу, но самое главное – власть манипулировала инициативой для увеличения норм производительности

труда. Основанная на насилии политика противоречила созданию в деревне обновленной высококвалифицированной кадровой базы. Отсюда апатичное отношение колхозников к труду и отток сельских жителей на работу в города.

Колхозники жили в условиях дефицитной экономики. Ее характерными чертами являлись игнорирование вопросов пропитания крестьян, высокие налоги, произвол и бесхозяйственность. Необходимость постоянной отправки зерна на экспорт на фоне низкой урожайности и падения производительности труда, а также катастрофическое сокращение поголовья скота в результате коллективизации привели к обнищанию села. Систематическое недоедание, местами переходящее в голод, сыграло большую роль в обострении межличностных противоречий и роста конфликтности.

В доколхозной деревне роль регулятора социального взаимодействия выполняла община. Новая, подверженная ротации, партийно-административная система на местах не могла в этом плане стать ее преемником. К тому же большевики иллюзорно полагали, что после раскулачивания исчезнет неравенство и вызванные им конфликты. Но спровоцированная коллективизацией дефицитная экономика породила жесткую конкуренцию за средства существования. Прежние представления о легитимности, справедливости и другие морально-этические нормы были трансформированы, что дает основание говорить о формировании в 1930-е гг. «моральной экономики». Ее важнейшими чертами стали пассивное сопротивление и воровство в колхозе.

Коллективизация и раскулачивание резко осложнили социально-психологический фон на селе, спровоцировали сведение межличностных счетов за участие в этих процессах. Незначительная часть раскулаченных, но не сосланных крестьян искала способы выживания в новых условиях. Местная власть пыталась выгодно это использовать, поэтому «разоблачение» бывших кулаков стало привычным ритуалом и одним из способов держать в напряжении деревенских жителей. Категория раскулаченных была опасна не только претензиями к тем, кто незаконно экспроприировал их имущество, но и асоциальным пове-

дением. Лишенные средств производства и жилья, фактически поставленные вне закона, бывшие кулаки вынуждены были его постоянно нарушать.

Советская власть позиционировала колхозников как социально однородную общность. Но в жизни деревня была расколота. Катализатором конфликтов выступали непрозрачность в распределении доходов, не устоявшиеся производственные отношения, груз межличностных противоречий общинного прошлого.

Средняки вели себя высокомерно по отношению к беднякам, считая их неспособными трудиться в полной мере. Бедняков возмущало сохраняющееся имущественное неравенство. Проводившаяся в конце 1920-х гг. политика фаворитизации бедноты внушала надежду, что социально значимый статус «бедняка» даст преимущества перед остальными в колхозной работе. Но после проведения коллективизации, когда необходимость в люмпенах для борьбы с зажиточными крестьянами отпала, колхозное крестьянство трактовалось как единая социальная группа. На начальном этапе становления коллективных хозяйств бедняки столкнулись со многими проблемами. Они получали менее ответственные участки работы, редко назначались на руководящие должности, их упрекали в меньшем объеме материального вклада в общий фонд и т.д.

Крестьяне противились основному принципу колхозной жизни – коллективизму, порождая внутреннюю напряженность колхозного существования. Вместо политики сглаживания противоречий в разобщенной деревне власть конструировала новые способы разрушения социального мира, манипулируя «тенью кулака» или, например, поощряя жалобы крестьян на местное руководство.

Газетные заметки местной печати пестрели фактами проникновения в колхоз «вредных элементов», разваливающих его изнутри. Как правило, эти заметки строились по одному принципу: на одном полюсе находились члены правления, разваливающие колхоз в сговоре с кулаками, на другом – образцовые колхозники-ударники, выполнявшие план с опережением. По аналогии с ситуацией в партии такой подход к колхозам провоцировал многочисленные чистки.

Еще одна «линия фронта» проходила между колхозниками и единоличниками. Борьба велась за отводимую землю. Раздражающим фактором были двойные стандарты налогообложения и альтернативная стратегия выживания.

Таким образом, на эволюцию социального мира в черноземной деревне влияли особенности проведения политики форсированной коллективизации и раскулачивания, сохранение общинного наследия, внедрение новых производственных методов из арсенала промышленности, новые лестницы социальной мобильности, разрушение горизонтальных и формирование вертикальных социальных связей. Деревенские жители были поставлены в условия «дефицитной экономики», балансируя на грани выживания. Фоновые изменения повлияли на моральные принципы, были деформированы представления о законности, собственности и т.д.

О.Б. Мозохин¹

Новые источники по делу «Трудовой крестьянской партии»

В Архиве Президента РФ впервые изучены материалы следственного дела так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП), ставшей одним из символов сталинских репрессий против крестьянства в годы насильственной коллективизации. Данные документы показывают методы ведения следствия по делу этой мифической организации, дают возможность определить общее количество осужденных членов ТКП в Москве и на периферии.

Материалы следственного дела ТКП свидетельствуют, что процесс, инициированный Политбюро ЦК ВКП(б), преследовал цель нейтрализовать критически настроенную к планам коллективизации интеллигенцию. Вводимые в научный оборот архивные документы следующим образом характеризуют механизм фальсификации следствия по делу ЦК ТКП.

17 июня 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и помощник начальника экономического управления (ЭКУ) М.И. Гай сообщили И.В. Сталину о деятельности контрреволюционных и

¹ *Мозохин Олег Борисович*, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, mozohin@bk.ru, Россия, г. Москва.

вредительских организаций в сельском хозяйстве. В докладной записке указывалось, что политическим центром «контрреволюционных вредительских организаций на аграрном фронте» являлось Московское Общество сельского хозяйства во главе с Н.Д. Кондратьевым, А.Н. Макаровым, А.В. Чайновым и др.¹

23 августа 1930 г. всем полномочным представителям и начальникам областных Отделов ОГПУ был направлен циркуляр ОГПУ, в котором сообщалось, что по результатам проведенного следствия был установлен факт создания «Трудовой крестьянской партии» в Москве в 1925 г. Во главе ее стоял «центральный комитет» в составе: профессоров Н.Д. Кондратьева (председатель ЦК), А.В. Чайнова, Н.П. Макарова, А.Г. Дояренко, А.А. Рыбникова, Л.Н. Литошенко, члена Коллегии Наркомфина СССР Л.Н. Юровского, заместителя председателя Сельскосоюза П.А. Садырина. Ячейки организации якобы были построены преимущественно по системе пятерок и были строго законспирированы. ТКП имела целую сеть организаций на периферии: в Центрально-Черноземной области, на Северном Кавказе, в УССР, в Ленинграде, Омске, Самаре, Нижегородском крае, Иваново-Промышленной области и других областях СССР². Для ликвидации ТКП ОГПУ предложило принять срочные меры к выявлению на местах низовых ячеек этой организации. Следствие предлагалось вести ускоренным темпом.

21 сентября 1931 г. председатель ОГПУ В.Р. Менжинский утвердил обвинительное заключение по делу ЦК «Трудовой крестьянской партии». Лица, проходившие по нему, были признаны виновными в том, что входили в состав этой нелегальной организации, которая ставила своей целью свержение советской власти и создание буржуазно-демократической республики.

26 января 1932 г. Коллегия ОГПУ постановила заключить в концлагерь сроком на 8 лет Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова, Л.Н. Юровского, сроком на 5 лет – А.В. Чайнова, А.Г. Дояренко,

¹ Кампания по борьбе с вредительством в сельском хозяйстве СССР: сборник документов. М., 2018. С. 93–99.

² Центральный архив ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 208. Л. 433 об.–434.

А.А. Рыбникова. Срок в 3 года с заменой этого наказания высылкой на тот же срок предназначался Л.Н. Литошенко, С.К. Чайнову, Л.Б. Кафенгаузу. К сроку на 3 года с заменой этого наказания ограничением в месте жительства на тот же срок приговаривались А.В. Тейтель, И.Н. Леонтьев, а к сроку на 3 года с последующим освобождением от наказания – А.О. Фабрикант.

В связи с делом ТКП 25 июня 1932 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР о революционной законности и одновременное обращение ЦК ВКП(б) ко всем партийным организациям, в которых было подчеркнуто, что революционная законность является «одним из важнейших средств управления пролетарской диктатуры». В них отмечалось «наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения», намечалась система мер по ее укреплению¹.

Учитывая выход в свет этих документов, осужденный по делу ТКП Л.Н. Юровский из Суздальского политизолятора ОГПУ отправил 4 июля 1932 г. прошение в Коллегию ОГПУ о пересмотре дела, а копии – в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и в СНК СССР В.М. Молотову.

Он сообщил, что ему было предъявлено абсурдное обвинение во вредительстве, а затем в принадлежности к контрреволюционной организации ТКП. В частности, в прошении говорилось: «Вопреки данным мною показаниям, я никогда не принадлежал ни к какой контрреволюционной партии, группе или группировке и не имел иных сведений о таких группировках, кроме тех, которые я мог получить из советских газет. Из членов ЦК ТКП, в состав которого я якобы входил вместе с 7 другими лицами, как сказано в моих же собственных показаниях, я одного (а именно, А.Г. Дояренко) вообще никогда не видел до 11 февраля 1932 г., когда я был отправлен вместе с ним в Суздальский политизолятор, а ряд других (А.В. Чайнова, А.А. Рыбникова, Н.П. Макарова и П.А. Садырина) встречал в течение последних пяти лет до ареста два-три раза»².

¹ Правда. 1932. 25 июня.

² Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 398 Л. 1.

Выявленные документы ОГПУ свидетельствуют, что для того, чтобы побудить Л.Н. Юровского давать нужные следствию показания, его лишили свиданий и переписки с женой, затем бумаги и чернил, которыми он пользовался в камере для своей работы. Помощник начальника ЭКУ ОГПУ М.И. Гай воздействовал на него угрозами ареста жены, а старший уполномоченный Н.Ф. Гарнич подтверждал, что такая мера представляет собой следственный метод получения показаний. Заместитель начальника ЭКУ ОГПУ А.Л. Молочников указывал, что Л.Н. Юровскому не забудут его сопротивление во время следствия и что он сам себе готовил участь лиц, расстрелянных по делу пищевиков¹.

17 ноября 1932 г. из Суздальского политизолятора направил заявление председателю Коллегии ОГПУ В.Р. Менжинскому Н.Д. Кондратьев о том, что все его показания, которые он дал во время следствия, от начала и до конца не соответствовали действительности².

О своей реабилитации в вышестоящие инстанции неоднократно обращался с ходатайствами Н.П. Макаров, но каждый раз получал отказ. Заслуживает особого внимания его обращение на эту тему генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко от 14 ноября 1966 г. В нем Н.П. Макаров в очередной раз писал, что ни в какой «Трудовой крестьянской партии» не состоял, в контрреволюционной или вредительской деятельности не участвовал.

В этом обращении он следующим образом объяснял, почему был вынужден подписать ложные показания по делу ТКП: «В 1930 году, через несколько дней после моего ареста (июнь 1930 г.), на одном из ночных допросов начальник экономического отдела Гай, после грубых ругательств и угроз в присутствии следователя Газова, в ответ на мое требование очной ставки с теми 10–12 лицами, которые только что были арестованы и дали ложные показания о том, что будто бы я возглавлял контрреволюционную и вредительскую деятельность, инициировал арест моей жены, оставшейся с двумя малолетними сыновьями – трех и шести лет. Гай подписал

¹ Там же. Л. 6.

² Кондратьев Н.Д. Суздальские письма. М., 2004. С. 100.

приказ об аресте жены и здесь же при мне отослал его для исполнения. При этом он кричал: «этот гад требует очной ставки, мы ему покажем очную ставку» и т.д. Жестокость работников ГПУ, в то время искалечивших не одну семью, достаточно известна. Я понял, что справедливого следствия быть не может. Ложные показания зачитывались мне устно и в руки не давались. Отчаявшись в возможности отстаивать истину, я сдался под этим нажимом и на следующих допросах не мог сопротивляться. Так началась бесконечная цепь ложных показаний»¹.

Дело ЦК ТКП было пересмотрено только в 1987 г., а лица, проходившие по нему, реабилитированы.

*В.А. Ильиных*²

Организация статистического мониторинга сельского хозяйства в 1930-е гг.³

Одной из наиболее значимых проблем современной отечественной историографии являются социально-экономические последствия коллективизации. Базовым источником для изучения параметров и структуры сельского хозяйства в 1930-е гг. служат материалы опубликованной статистики, которые, в свою очередь, являются результатом обработки массовых источников, полученных в результате статистического мониторинга аграрного сектора экономики. К числу интегральных показателей развития сельского хозяйства относятся площадь посева и численность скота, позволяющие репрезентативно определить не только динамику аграрного производства, но и его организационно-производственную структуру.

Регулярный мониторинг базовых количественных показателей крестьянских хозяйств в 1920-е гг. осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей, которые проводились под руководством специалистов, имеющих доре-

¹ РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–2.

² *Ильиных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00031.

волюционный опыт статистической работы, и на основе наработок земской статистики. Основным методом переписей являлся личный опрос дворохозяев.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства и народного хозяйства в целом сопровождалась радикальным реформированием системы государственной статистики. В январе 1930 г. ЦСУ СССР и региональные статорганы упразднили. Их функции передавались плановым комиссиям, в составе которых образовывались экономико-статистически сектора. Реформа статорганов определялась комплексом политико-идеологических факторов. Методология земской статистики, на основе которой в условиях нэпа функционировали статистика в СССР, была признана «вредительской». Ожидаемая скорая победа социализма, по мнению большевистских теоретиков, делала ненужным внешний статистический мониторинг, полностью заменяемый ведомственным учетом.

Основным источником сведений о количественных параметрах развития аграрного производства должны были стать оперативные и годовые отчеты колхозов и совхозов. Фиксацию параметров оставшихся единоличных хозяйств планировалось осуществлять в рамках налогового учета.

Форсированная коллективизация привела к кризису сельского хозяйства, а проведенное в этих условиях реформирование государственной статистической организации – к кризису сельхозстатистики. Ведомственный учет в колхозах в начале 1930-х гг. наладить не удалось. Финансовые органы, на которые возложили учет не только единоличных хозяйств, но также личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) и колхозов, не были готовы к расширению своих функций. Увеличились масштабы сокрытия облагаемых объектов учета. Этому способствовал спровоцированный коллективизацией хаос в землепользовании. Нередкими были и приписки. Некоторые категории сельхозпроизводителей отдельно не учитывались и при презентации статистического материала объединялись в более крупные группы.

Нужда в объективной информации о развитии экономики вынудила руководство страны начать восстановление системы государственной статистической организации. В декабре 1931 г. было

образовано Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР при Госплане СССР. ЦУНХУ подчинялись региональные управления, а также районные инспектуры.

Несмотря на создание ЦУНХУ, до начала 1934 г. в СССР преобладал ведомственный статистический мониторинг сельского хозяйства. В совхозах был налажен внутриведомственный учет, в колхозах и индивидуальных хозяйствах динамика посевных площадей фиксировалась в рамках ведомственного учета земельных органов, а поголовья скота – налогового учета. Органы ЦУНХУ занимались общим методическим руководством деятельности учетно-статистических органов ведомств.

В начале 1934 г. советское руководство признало качество сельхозстатистики неудовлетворительным, обязав ЦУНХУ принять непосредственное участие в организации ведомственного учета, а также на регулярной основе проводить самостоятельные обследования аграрного сектора экономики.

С 1935 г. на органы нархозучета возложили осуществление заключительного учета посевов во всех категориях хозяйств. В начале 1935, 1936, 1937, 1938, 1940 и 1941 гг. ЦУНХУ провело всесоюзные сплошные переписи скота. Учет посевов и переписи скота приобрели характер хозяйственно-политических кампаний. После их завершения осуществлялись представительные выборочные контрольные обходы хозяйств и обмеры. Основным методом мониторинга в колхозах и госхозах стала регистрация. Опрос как метод статистического обследования сохранился лишь в несоциалистическом секторе (единоличных хозяйствах и ЛПХ).

Советская статистика второй половины 1930-х гг. в части определения динамики посевных площадей и поголовья скота, по нашему мнению, была в целом достоверной и репрезентативной. Утайка субъектами учета части своего хозяйства от органов госстатистики, а также приписки в полной мере искоренить не удалось, но их масштабы существенно снизились и в достаточной степени учитывались при обработке первичных данных. Величины поправок на недоучет постоянно снижались. Был налажен учет ранее не фиксируемых статистикой категорий хозяйств.

Таким образом, отказ советского руководства в начале 1930-х гг. от основанной на принципах земской статистики государственной статистической организации привел к существенному ухудшению качества мониторинга сельского хозяйства. Систему статистического учета посевных площадей и поголовья скота, которая могла достаточно объективно отразить их динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг.

В.Б. Лапердин¹

Районные органы власти Западно-Сибирского края в хлебозаготовительных кампаниях 1930-х гг.²

Районные организации оказывали определенное влияние на краевые органы власти, тем самым воздействуя на ход заготовительных кампаний. Можно выделить несколько моделей поведения представителей районных властей. Позитивно оценивая хозяйственные возможности своих районов, они могли принять план и выдвинуть встречный, а также сократить сроки его выполнения (как правило, к очередной годовщине Октябрьской революции). В зависимости от размеров данного задания и состояния сельского хозяйства районов планы либо выполнялись, что зачастую приводило к изъятию не только товарных излишков, но и необходимого семенного и продовольственного зерна, либо районным властям приходилось менять модель поведения и отстаивать местные интересы, прося снизить планы, увеличить сроки окончания кампании и предоставить семенные и продовольственные ссуды.

На стадии принятия заготовительных планов, а затем во время их выполнения райкомы сообщали краевым организациям об их «напряженности», что на практике нередко означало невыполни-

¹ *Лапердин Вячеслав Борисович*, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, laperdin2011@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-09-00031.

мость. За этим могла следовать просьба о снижении задания. Зачастую ее обосновывали данными о производственных возможностях районов, а также ссылками на неурожай.

Достаточно часто встречались обращения к краевым организациям с просьбой прислать уполномоченных. Они помогали в организации работы или, понимая нереальность требований, могли встать на сторону райкомов, отстаивая их интересы перед крайкомом. В таком случае местные власти ссылались на мнение представителя региональных органов власти.

В отдельных случаях райкомы самовольно снижали планы, а также разрешали бронировать колхозные фонды до выполнения заданий, предоставляли отсрочки при обмолоте и сдаче зерна. Районное руководство, столкнувшись с продовольственными проблемами, могло пойти по пути бронирования местных фондов. Подобные действия разрешались только после выполнения районного плана. Создание собственных фондов угрожало ходу кампании и снижало темпы поступления хлеба государству. Вышеперечисленные действия пресекались, а виновные в срыве хлебозаготовок наказывались.

Если районные руководители практически не участвовали в установлении хлебозаготовительных планов, то при его распределении по секторам их влияние было заметно. Крайисполком рассылал на места заготовительные задания, примерно намечая, сколько необходимо заготовить хлеба колхозам и единоличникам. Утверждение плана в посекторальном разрезе осуществлялось на бюро райкомов, при этом конечный план района оставался неизменным. Местные власти зачастую старались уменьшить план колхозам за счет единоличных хозяйств и включить значительную их часть в число зажиточных или «кулацких» с целью обложения твердыми заданиями. Были и противоположные случаи, когда завышенные задания налагались на колхозы. В октябре 1931 г. выявилось, что Западно-Сибирский край имел в посекторальном разрезе три заготовительных плана: установленный Наркоматом снабжения, крайисполкомом и утвержденный на местах районными властями. Фактически выполнялся последний из них. Подобные действия районных организаций создавали статистическую путаницу и препя-

твовали сбору информации, вместе с тем они оказывали значительное влияние на ход заготовительной кампании.

От райкомов во многом зависела работа заготовительной сети. Они должны были следить за деятельностью приемных пунктов и не допускать перебоев в их работе. На местах регулярно ходатайствовали об открытии новых глубинных пунктов, расширяя таким образом заготовительную инфраструктуру. Центр запрещал учитывать зерно, сконцентрированное в «глубинках», так как подобный хлеб находился в распоряжении не столько государства, сколько районных властей, либо же хранился под «сохранные расписки» в колхозах, использовавших его для формирования собственных фондов. Однако не всегда объективные условия позволяли быстро перевезти зерно из отдаленных колхозов. Крайкому, несмотря на установки Центра, приходилось мириться с существованием глубинной сети.

Действия районных властей оказывали определенное влияние на занимаемую Западно-Сибирским крайкомом позицию в ходе хлебозаготовок. Региональное руководство отстаивало местные интересы, прося у Центра снизить заготовительные задания, увеличить сроки кампании, предоставить семенные и продовольственные ссуды. Мнение членов крайкома формировалось в том числе под воздействием поступавших с мест донесений, при личном общении с районным руководством, а также в ходе командировок в сельские районы края. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе зачастую использовал те же формулировки, что и представители районных властей при обращении к Центру. Он ссылаясь на неблагоприятные климатические условия, отмечал невыполнимость требований при установлении заготовительных заданий.

Таким образом, будет ошибочно сводить роль районных властей до уровня простых исполнителей. Они занимали различные позиции в отношении крайкома, корректируя ход заготовительных кампаний. И хотя краевому руководству удавалось сохранить контроль над районным начальством, оно все же оказывало воздействие на ход заготовок, а также влияло на позицию региональных властей, ведущих переговоры с Центром.

П.П. Полх¹

Формирование сельского социума в восточных районах Калининградской области во второй половине 1940-х гг.

Процесс заселения Калининградской области, образованной на землях немецкой провинции Восточная Пруссия, переданных по решению Потсдамской конференции Советскому Союзу, начался после выхода постановления Совета Министров СССР № 1522 от 9 июля 1946 г. В течение первых шести послевоенных лет большинство новых жителей самой западной области РСФСР были переселенцами, направленными по оргнаборам специальными эшелонами из центральной части РСФСР и востока БССР. Другую часть населения составляли обширные воинские контингенты 11-й Гвардейской армии, Краснознаменного Балтийского флота, некоторая часть демобилизованных из воинских частей, направляемые в область специалисты для подъема промышленности и социально-культурного обустройства, а также немецкие жители, выселение которых в основном закончилось к концу 1948 г.

Несмотря на то, что территория области невелика (15,1 тыс. кв. км), отдельные ее части все же обладали некоторой спецификой. Восток Калининградской области существенно удален как от областного центра, так и от морского побережья. Здесь менее развита дорожная сеть, нет больших городов. Значительная часть поселений не пострадала от военных действий, что сделало именно восточные районы местом размещения сельских переселенцев.

В условиях послевоенной неустроенности ни центральные, ни местные власти не ставили задач по созданию принципиально новой системы социальных отношений и управления на новых землях: предполагалось, что сложившаяся колхозно-совхозная система сама себя воспроизведет в районах переселения и область (по крайней мере, ее сельская часть) к середине 1950-х гг. превратится в обычный среднероссийский регион. Именно поэтому правления будущих колхозов могли образовываться еще в эшелонах, как и назначения руководителей сельсоветов, которые лишь по

¹ *Полх Павел Петрович*, кандидат исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, г. Калининград.

прибытии на новые места знакомились и с территориями, и с людьми, которыми им предстояло управлять.

Организация новой жизни в восточных районах области оказалась во многом завязанной на их географических особенностях. Большая часть земель здесь стала пригодной для сельскохозяйственного освоения в XVII–XVIII вв., когда стараниями отдельных «энтузиастов» осуществлялось мелиоративное обустройство территорий, прилегавших к лесам и болотам. В соответствии с европейской традицией большинство поселений представляло собой хутора, на которых проживали одна–две семьи. Новоселов, уже ставших колхозниками, нужно было размещать, и хутор, находившийся в 7–8 км от центральной усадьбы колхоза, также использовался для этих целей. Поэтому не должно удивлять большое (к 1949 г.) количество колхозов на территориях относительно небольших районов (0,8–1,3 тыс. кв. км): 46 – на территории Озерского, 38 – Краснознаменского, 31 – Нестеровского, а также 27 – Железнодорожного и 32 – Гусевского районов, имевших площадь до 0,7 тыс. кв. км. Правда, большая часть этих колхозов, насчитывавших до 50 дворов, были объединены в результате проведенного по всей стране в 1950 г. укрупнения, однако проблему территориальной удаленности (теперь уже не от правления, а от бригады) это не решало.

Относительно небольшие по площади колхозы тем не менее превосходили среднероссийские показатели количества сельскохозяйственных угодий на одного колхозника. Организованное переселение продолжалось, и уже обжившиеся поселяне должны были готовить жилье для вновь прибывающих сельских тружеников, специалистов и управленцев. И, помимо этого, заниматься налаживанием колхозного животноводства и земледелия. Все это порождало неизбежные в таких ситуациях проблемы: как распределять жилье, каким образом выселять семьи, не имевшие отношения к колхозу, как оприходовать «трофейное» имущество (прежде всего мебель и утварь), как взыскивать задолженности по ссудам Сельхозбанку за выбывших в неизвестном направлении.

Проблемы, характерные для колхозной жизни вообще, воспроизводились на новых местах: невыход на работу отдельных членов

колхоза, превышающие норму размеры приусадебного хозяйства (благо земли для этого хватало), выделение лошадей для вспашки приусадебной земли (особенно, если домохозяин ушел на работу в МТС, лесхоз или воинскую часть) и, безусловно, доступ к выписываемым через колхоз продуктам. Последнее традиционно опиралось на социально-родственные связи (так называемое кумовство) с руководством колхоза. Несмотря на то, что длительных кумовских отношений по известным причинам быть не могло, сохранившиеся старые связи и браки, заключенные на новом месте, способствовали формированию «кланов», о чем свидетельствуют жалобы в партийные органы и работа контрольных комиссий. При этом репрессивный механизм отнюдь не раскручивался на всю мощь: пребывание в сельских районах области многими рассматривалось как своего рода спецпоселение и большинство дел о растратах и хищениях до судов не доходило.

Вместе с тем наличие паспортов у калининградских колхозников (режим пограничной зоны) способствовало активным миграциям из мест нового обустройства. И если ушедших на предприятия области могли в колхозы вернуть, то выбывших за пределы региона особо и не искали.

Процессы формирования сельского социума, на которые в других условиях могли уходить десятилетия, в Калининградской области, особенно на востоке, протекали стремительно: часть прибывшего населения так и не вписалась в новую социальную систему, сравнительно небольшая доля селян закрепились в новых поселках. Их потомки и сейчас составляют население достаточно депрессивной восточной части региона.

О.Н. Аргунов¹

Борьба с голодом в курских колхозах в 1946–1947 гг.

Голод, постигший нашу страну в первые послевоенные годы, имел преимущественно естественные, объективные причины. С одной стороны, он был следствием крупнейшей в XX в. засухи,

¹ *Аргунов Олег Николаевич*, кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, argunovoleg-poet@mail.ru, Россия, г. Курск.

охватившей практически весь Европейский континент. С другой – сельское хозяйство СССР не было готово бороться со стихией; оно находилось в кризисном состоянии, еще не оправившись от последствий Великой Отечественной войны. Для Курской области данная ситуация была и вовсе катастрофической.

Она относилась к регионам, наиболее пострадавшим от войны. На долю области приходилось около 1/18 всего ущерба, причиненного войной аграрной отрасли страны. Курская область не могла в короткие сроки восстановить свой экономический потенциал. Настигшая стихия уничтожила урожай не только на колхозных полях, но и, что важно, на приусадебных участках колхозников и прочих селян.

И если значительная часть неколхозного населения сел снабжалась в рамках карточной системы, которая обеспечивала продовольственный минимум для человека, то абсолютное большинство населения Курской области (колхозники составляли около 70 % населения региона в 1946 г.) было вне данной системы. Немаловажным обстоятельством также являлось то, что основным источником продуктов питания для колхозного населения были приусадебные участки. Именно неурожай на них стал одной из главных причин последовавших катастрофических и фатальных последствий.

Недостаток продуктов питания у колхозников стал заметен еще летом 1946 г., но он был отчасти нивелирован выделенной Правительством СССР так называемой Сталинской помощью: беспроцентной зерновой ссудой, предназначавшейся исключительно для питания сельского колхозного населения. По своим объемам она была даже больше выданного на трудодни зерна в относительно благополучном 1945 г., но голодовки в тот период в регионе не наблюдалось, так как приусадебные участки дали достаточно неплохой урожай. Выделение централизованной государственной помощи помогло отодвинуть начало массового голода на три-четыре месяца, тем самым уменьшив его последствия.

В дальнейшем государством были выделены еще несколько траншей с продовольствием, которые распределялись между кол-

хозниками, но в отличие от «Сталинской помощи» они не носили общерегионального характера. Чаще всего подобные зерновые ссуды выделялись отдельным районам области, наиболее пострадавшим от засухи. Так, продовольственная помощь в марте 1947 г. (в период пика голода) была предоставлена Ракитянскому району. А в мае 1947 г. помощь получили уже все районы, но в зависимости от количества нуждающегося населения, численность которого перевалила к этому времени за полмиллиона человек.

Помимо выделения продуктов питания и зерна нуждающемуся населению в районах организовывались централизованные пункты питания, в которых размещались люди больные дистрофией, а прочие граждане могли получить горячую еду. Однако на практике эта мера оказалась недостаточно эффективной: в некоторых случаях, как, например, в Суджанском питательном пункте, условия содержания были нечеловеческими: «В комнатах на полу положена солома, на эту солому кладут пришедших опухших от голода: мужчин, женщин, детей рядом <...>, одни умирают, на их место кладут других, солома не меняется, постельного белья никакого, вшей развелось столько, что впечатление такое, как будто бы солома ожила и ворошится», а продукты питания разворовывались его работниками.

Еще одним достаточно эффективным способом борьбы с голодом было оказание точечной помощи конкретным людям. Однако далеко не во всех районах данная практика применялась. Так, в Беловском и Фатежском районах райисполкомы неоднократно выделялась помощь как отдельным семьям, имевшим серьезные проблемы с продуктами питания, так и группам семей в отдельных сельхозартелях. В ряде случаев помощь оказывалась молодым матерям, только что родившим детей, чтобы поддержать здоровье и самой женщины, и новорожденного.

Однако, на наш взгляд, наиболее эффективным методом борьбы с голодом была организация общественного питания в колхозах: колхозники, выходя на работу, в поле могли получить горячее питание для себя и своих близких, которые не могли заниматься физическим трудом из-за состояния здоровья. Такие «полевые

кухни» стали активно организовываться в колхозах в период весеннего сева, что в значительной степени содействовало преодолению последствий голода 1946–1947 гг.

Таким образом, борьбой с голодом, постигшим Курскую область в 1946–1947 гг., занимались не только на всех уровнях власти, начиная от правительства и заканчивая сельсоветами, но и сами колхозы, борющиеся за возрождение своего хозяйства в послевоенное время.

В.В. Бабашкин¹

Социальные аспекты коллективизации крестьянского хозяйства в СССР в 1930-е гг. и «второй коллективизации» в 1950-е гг.

Известно, что, когда в начале 1930-х гг. государственная политика в отношении многоукладного нэповского сельского хозяйства оформилась в четкую и жесткую партийную линию, острые на словцо жители русских деревень шутили: ВКП(б) можно смело расшифровывать как «второе крепостное право». Пожалуй, это одна из тех шуток, что попадают «в десятку», фиксируя сложную общественную реальность. Другой вопрос, как сами крестьяне, организованные при нэпе в сельские общества (по сути – возрожденные общины), относились к этому возвращению крепостного права. Весьма примечательно то обстоятельство, что данный вопрос и с позиций советской историософской догматики (научный коммунизм), и в системе координат либеральной историографии (антикоммунизм) решительно отнесен к аксиоматике: конечно, отрицательно – что же хорошего в возвращении рабства?

Пора проникнуться спасительным сомнением по этому принципиальному вопросу. Очень интересно пишет в последнее время Р.Р. Вахитов о крепостном праве как системе взаимных формальных и неформальных обязанностей всех сословий России, лежащей в основе исторически сложившегося народнохозяйственного комплекса страны. Большое внимание уделяется этому в т. 1

¹ *Бабашкин Владимир Валентинович*, доктор исторических наук, РАНХиГС при Президенте РФ, vbabashkin@ranepa.ru, Россия, г. Москва.

«Социальной истории России» Б.Н. Миронова. Специалисты по экономической истории убедительно доказывают, что во второй половине XIX в. существовал огромный потенциал развития на данной основе народного хозяйства России в целом (В.Т. Рязанов) и сельского хозяйства в частности (М. Kopsidis).

В аграрной историографии имеет место давний спор на тему: была ли колхозно-совхозная система окончательными похоронами крестьянской сельской общины или это, напротив, было ее возрождение? Вопрос остается открытым и очень актуальным. Появляется все больше авторов, которые пишут о появлении в 1930-е гг. таких социально-хозяйственных единиц, как «колхоз-деревня» (т.е. колхозов, совпадающих по размерам с прежней простой общиной), как о возвращении во многом к общинно-крестьянскому типу хозяйствования на земле. На месте исторически существовавших отдельных или составных общин могли появляться два и более колхозов в одном сельском поселении, либо колхоз, объединяющий две и более соседних деревень. Исследователи обращают внимание на большое разнообразие типов сельской общины, существовавших в стране в первые десятилетия XX в. – от только складывающихся крестьянских обществ до находящихся на стадии разложения (П.Н. Зырянов, Б.Н. Миронов, А.В. Островский). Соответственно и советские колхозы 1930-х гг. лишь теоретически относились к единому типу социально-экономической организации деревни. На деле же слово «колхоз» объединяло достаточно многообразные уклады сельской жизни и труда.

Однако существовало и некое единство, оправдывающее это единое словоупотребление. Это прежде всего касается положений Примерного устава сельхозартели (1935 г.) о личных приусадебных хозяйствах (ЛПХ) колхозников, фиксирующих необходимый компромисс в вечном противостоянии между крестьянством и государством и свидетельствующих о способности последнего вернуться от идеологических утопий к учету исконного интереса сельских жителей. Это касается и образовательной политики государства. Наконец, отметим государственное поощрение деятельности колхозной администрации по развитию социаль-

но-культурной сферы колхозной жизни. Об этом интересно пишет А.П. Скорик в отношении довоенной казачьей колхозной станицы Юга России. Сравнительное исследование, которое провел О.Г. Буховец, свидетельствует о том, что социальное положение белорусских крестьян, объединенных в советские колхозы, выгодно отличалось от того, как приходилось жить их собратьям на белорусских территориях, отошедших к Польше.

В современной аграрно-исторической литературе стали появляться размышления о том, насколько обоснованной или, напротив, ошибочной была политика укрупнения колхозов и совхозов, которую А.Д. Билимович остроумно называл «второй коллективизацией». По сути, это был решительный шаг в направлении огосударствления советских сельхозпредприятий, но одни исследователи полагают, что этот шаг осуществлялся в развитие аграрной политики 1930-х гг., другие рассматривают это как принципиальное отклонение от сталинского курса (С.И. Толстов, О.В. Усольцева). В первом случае это следование парадигме теории прогресса (неважно, в так называемой марксистско-ленинской или антисоветской либеральной ее ипостаси), когда считается, что чем крупнее предприятие, тем больше оно соответствует идеалам общественного прогресса. Второй вариант, как правило, связан с необходимостью взглянуть на эти вещи с теоретических позиций современного крестьяноведения, т.е. посмотреть, насколько закономерной была реакция сельских жителей на решительность хрущёвских аграрных реформаторов, с точки зрения концепций «моральной экономики» крестьянства, чаяновского трудо-потребительского баланса, «оружия слабых» и др.

Например, концепция «оружия слабых» описывает и систематизирует скрытые, по возможности незаметные для властей, но очень эффективные формы повседневного сопротивления жителей общинной деревни политическим мероприятиям сверху, которые им представляются если не абсурдными, то нецелесообразными, слабо учитывающими коренной крестьянский интерес. Обращение к этой теории, возможно, помогло бы реформаторам 1950-х гг. лучше осознать судьбы задуманных «агрородоров», последствия поли-

тики наступления на ЛПХ и провозглашения множества исторических сельских поселений «неперспективными». Однако сослагательное наклонение для историка подходит только как метод познания. Хотя в совсем недавнем прошлом наша историография увлеченно эксплуатировала тему исторических альтернатив.

О.В. Горбачев¹

**Личные подсобные хозяйства в российской деревне
во второй половине 1930-х – 1980-е гг. в контексте теории
семейного крестьянского хозяйства А.В. Чаянова²**

Устойчивость семейного сельскохозяйственного производства в разных частях мира является одной из основных причин сохраняющегося интереса к теории крестьянского хозяйства А.В. Чаянова. Несмотря на широкую востребованность теории для характеристики современных форм семейной организации сельскохозяйственного производства, схожие структуры, сложившиеся в аграрной сфере СССР после коллективизации, в таком контексте до сих пор не рассматривались.

Сталинская модель кооперации деревни коренным образом отличалась от чаяновских представлений об этом процессе. Такая ситуация, казалось бы, менее всего располагает к применению чаяновских характеристик к формам семейного аграрного производства, сложившимся в рамках колхозной и совхозной экономики в последующие советские десятилетия. Однако, если чаяновская теория оказалась актуальной не только для понимания нэповской деревни, но и современных реалий, то неизбежно возникает ощущение лакуны, недоисследованности советского сельского мира. Мы исходим из того, что описанное Чаяновым крестьянское хозяйство было не вполне уничтожено коллективизацией и продолжило существование в рамках колхозной экономики в новом, сильно реду-

¹ *Горбачев Олег Витальевич*, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, og_06@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00592.

цированном качестве, в виде «личных подсобных хозяйств» (ЛПХ). Несмотря на строгие ограничения, ЛПХ оказались довольно устойчивыми и сохранялись до конца советского периода, постепенно трансформируясь в современные формы семейных домохозяйств.

Для установления степени соответствия личных подсобных хозяйств колхозно-совхозной эпохи чаяновским представлениям о семейном крестьянском хозяйстве были выделены наиболее значимые критерии для сравнения:

- 1) размеры хозяйств;
- 2) их устойчивость во времени;
- 3) демографическая дифференциация;
- 4) организация труда;
- 5) трудопотребительский баланс в семейном бюджете.

В числе дополнительных значимых показателей – внехозяйственная занятость членов хозяйства и вытекающая из нее степень автономности ЛПХ.

1. С точки зрения размеров, ЛПХ можно рассматривать как форму существования семейного производства в условиях малогибкого аграрного режима¹. Резкое ограничение площади землепользования предполагалось компенсировать альтернативной занятостью крестьян в общественном секторе, но вследствие низкой его доходности работники сельского хозяйства были вынуждены прибегать к крайнему напряжению труда на личных участках, либо искать иные источники дохода.

В 1960–1970-е гг. была обнаружена зависимость между профессиональной занятостью в общественном секторе и размерами ЛПХ: животноводы и механизаторы имели участки больших размеров. Другим дифференцирующим фактором являлись жилищные условия. Вариативность размеров в наибольшей степени определялась вспомогательной ролью ЛПХ в этот период.

2. Феноменальная *устойчивость* ЛПХ в 1930-е – начале 1950-х гг. определялась необходимостью физического выживания

¹ *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 230.

сельской семьи, а впоследствии – стремлением разнообразить ассортимент доступных продуктов в ее рационе.

3. Идея *демографической дифференциации* в применении к ЛПХ была малореализуемой. Причина видится в начавшейся нуклеаризации сельской семьи в рамках демографического перехода. Процессу нуклеаризации в большой степени способствовали уставные ограничения размеров участков и подушное налогообложение. Выведенная Чаиновым зависимость между размерами семьи и площадью землепользования присутствует (большие семьи стремятся к прирезкам), но не реализуется в полной мере. С другой стороны, занятость женщин в общественном секторе ориентировала их на малодетность, а снизившиеся трудовые затраты в ЛПХ уменьшили крестьянскую потребность в детях.

4. Прямое соотнесение чайновской теории *организации труда* в семейном крестьянском хозяйстве с производственными практиками ЛПХ невозможно из-за кардинальных организационных изменений в системе сельскохозяйственного производства. Главное, что сближает ЛПХ с семейным крестьянским хозяйством – фактор энерговооруженности, а точнее, абсолютное доминирование в них ручного труда. В приусадебных хозяйствах консервировались архаичные производственные практики, предполагавшие крайнее физическое напряжение и связанный с ним низкий уровень трудопотребительского баланса.

5. На протяжении всего времени существования подсобных хозяйств сохранялась возможность регулирования с их помощью *трудопотребительского баланса* сельской семьи как принципа формирования бюджета, несмотря на упрочение новой функции семейных хозяйств как вспомогательных.

Таким образом, чайновская теория крестьянского семейного хозяйства вполне применима к характеристике личных подсобных хозяйств колхозников и рабочих совхозов прежде всего с точки зрения их устойчивости, трудопотребительского баланса и преобладания немеханизированного ручного труда.

Возможность применения положений теории крестьянского хозяйства А.В. Чаинова к анализу личных подсобных хозяйств колхоз-

ников и работников совхозов помогает глубже понять роль, которую они играли в советском сельском социуме, их экономическое значение, а также механизмы и закономерности их функционирования. Поскольку ЛПХ не имели рыночного характера, они естественным образом дополняли систему советских социально-экономических отношений. Очевидная архаичность хозяйственной организации приусадебных хозяйств оказалась органичной общественному сельскохозяйственному производству. «Чаяновский» взгляд на ЛПХ позволяет увидеть в них не столько пример экономической эффективности, сколько колоссальный потенциал выживаемости при жестко ограниченных возможностях – территориальных, технологических, отраслевых, демографических, требовавших от владельцев приусадебных участков полной самоотдачи и колоссального напряжения сил.

А.Г. Галлямова¹

**Социальный мир в колхозной деревне:
от открытой конфронтации к скрытому фрондерству
(на примере Татарской АССР)**

После короткой «передышки» 1920-х гг., примирившей крестьян с советской властью, наступила эпоха коллективизации. Кампания по ее осуществлению напоминала крестьянству подрывчатку времен Гражданской войны. Так же, как и в 1920 г., многие крестьяне были готовы решительно отстаивать свои интересы. По всей Татарской АССР, как и в стране в целом, в той или иной форме происходили открытые столкновения, обусловленные конфронтационностью крестьян к насаждавшейся колхозной системе. В конечном счете прямое противостояние крестьянства и государства, нарушившего социальный мир в селе, закончилось установлением в нем колхозного строя.

Но о таком ли переустройстве деревни мечтало сталинское руководство? Об определенном разочаровании и признании нена-

¹ Галлямова Альфия Габдульнуровна, доктор исторических наук, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

дежности колхозной системы свидетельствовало то, что она была частично дезавуирована в чрезвычайной обстановке Второй мировой войны. Чтобы более эффективно использовать колхозные землю и скот, они нередко передавались в частные руки. Кроме того, идеологический ригоризм был отброшен в отношении тех, кто был заклеен как кулак, имел судимость или не то социальное происхождение. Многим из них в годы военного лихолетья были доверены посты председателей и другие руководящие должности.

Факты послевоенной реальности в аграрной сфере свидетельствуют о ревалвации процесса коллективизации, а со стороны крестьянства – о скрытом вызове колхозной системе, причем конфронтационные проявления наблюдались на всех уровнях сельского социума. Со стороны местного руководства были распространены случаи злоупотреблений служебным положением, незаконного распоряжения имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов. Рядовые колхозники были полны решимости отстаивать свои права на землю, на пользование плодами своего труда. Не имея возможности получения справедливого вознаграждения за него в колхозе, они становились на путь самовольного захвата колхозных земель, хищений общественной собственности, уклонялись от работы в колхозе. Различного рода нарушения в республике приобрели настолько массовый характер, что в октябре 1950 г. ЦК ВКП(б) на основании комплексной проверки, проведенной Комиссией партийного контроля, принял постановление «О фактах нарушения советской законности в отдельных районах Татарской АССР».

В период хрущевских реформ фрондерство, которое вполне вписывается в конфронтационный паттерн поведения республиканского руководства, наиболее явно просматривается в связи с реализацией курса «Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока» и кампанией по ликвидации личного подсобного хозяйства. В письмах-жалобах крестьян, мемуарной литературе описываются трагикомические и драматические ситуации, связанные с изъятием стельных коров с личных подворий, отправкой животных под видом больных на мясокомбинат в счет выпол-

нения плана поставок, принуждением председателями колхозов сдавать в счет выполнения планов купленную на базаре животноводческую продукцию.

Широко распространенный в сельском мире «эпистолярный жанр» показывает, что оппозиционные настроения в нем стали носить вполне конвенциональный характер. Письма-жалобы, письма-разоблачения, хотя и представляли собой в определенной степени протестную модель поведения, поскольку в них выражались боль, стыд за проводившуюся политику, негодование на несправедливые действия властей, одновременно свидетельствовали о разрушении социальности в крестьянстве, об атомизации сельского мира. Прежде всего потому, что все эти письма апеллировали к вышестоящим органам, а не к конкретному социуму, частью которого писавшие себя ощущали. В этих письмах прочитывается наивная вера в локальный характер «отдельных» недостатков, в их быстрое преодоление при наличии справедливой местной власти. Большинство писем не содержат размышления о причинах изложенных фактов и событий, они были написаны с целью призвать виновных к ответу, прислать комиссию и т.п. Иными словами, наказание виновных, пресечение беспорядков рассматривалось исключительно как удел власти, которая, чем сильнее, тем лучше может справиться со своей миссией.

Жалобы, сигналы наверх, как правило, имели незначительный эффект. В большинстве случаев проверки по письмам подтверждали факты, изложенные в них, однако принятые по конкретным нарушителям меры не были адекватны тяжести их проступков. Нередко в ситуациях, когда дело подлежало рассмотрению в судебных органах, руководители отделялись выговорами. В случае наиболее очевидных злоупотреблений виновных или понижали в должности, или переводили в другой район. Когда же дело доходило до судебных органов, партийные власти нередко вставали на защиту подсудимых.

Попустительское отношение к казнокрадству, взяточничеству, хищению общественной собственности, которые к концу советской эпохи стали типичным явлением, создавало прецеденты вседозво-

ленности для широких масс (падение дисциплины, рост хищений, нарушения в использовании колхозного транспорта) и вело к внутреннему разладу. В позднесоветский период за ширмой внешнего благополучия сельского мира, как и в начале колхозной эры, часто скрывался «крик души». Он проявлялся в насмешках над властями, в профанации общественного труда и других формах циничного социального поведения. Те же, кто не смог адаптироваться к общественным реалиям посредством включения механизма самозащиты, выбирал в лучшем случае бегство из сельского мира, в худшем – пьянство и другие проявления личностной деградации.

Е.Е. Темникова¹

Влияние целинной кампании на аграрные технологии традиционных земледельческих районов СССР

Прошло более полувека после завершения целинной кампании Н.С. Хрущева, но интерес к ее изучению не угасает. Вводятся в научный оборот архивные документы, появляются новые оценки, уточняются традиционные позиции. В новейшей истории данная проблема нашла отражение в трудах И.Е. Зеленина, Г.Е. Корнилова, В.В. Наухацкого, В.А. Ильиных, В.А. Шестакова, С.Н. Андреевкова, Е.Н. Пахомовой, В.Н. Томилина и др. Представляется, наиболее перспективный аспект исследования данной проблематики заключается в комплексном изучении аграрной политики Советского государства периода освоения целины и ее влияния на сельское хозяйство традиционных земледельческих районов.

В начале 1950-х гг. в стране обострилась зерновая проблема: слабость материально-технической базы сельского хозяйства, нехватка финансовых и трудовых ресурсов, просчеты государственной политики в аграрной сфере определяли действительное положение дел.

Недостаток материально-технических и финансовых ресурсов не позволял эффективно использовать уже апробированные агротехнологии (нехватка ресурсов материально-технической базы, невозможность выполнения работ в оптимальные агротехничес-

¹ Темникова Елена Евгеньевна, магистрант, Липецкий государственный педагогический университет, E.Temnikova16@yandex.ru, Россия, г. Липецк.

кие сроки, нарушение севооборота и т.д.). При решении зерновой проблемы руководство страны сделало ставку на «дешевый хлеб», полученный в результате расширения посевных площадей. При реализации такого подхода требовалось перераспределение материально-технических, финансовых и людских ресурсов в пользу освоения целинных земель.

Широкомасштабное освоение целинных и залежных земель в короткий срок потребовало перераспределения сельхозтехники и привело к снижению общего уровня технической оснащенности сельского хозяйства старопахотных районов. Очень остро стоял вопрос нехватки тракторов, почвообрабатывающих орудий, зерновых сеялок, зерноуборочной техники и как следствие этого – недобор хлеба и его потери на колхозных полях. В период целинной кампании реальная нагрузка на тракторы, комбайны и прочую сельскохозяйственную технику в несколько раз превосходила нормативную. Это приводило к увеличению сроков выполнения основных земледельческих работ и в ряде случаев противоречило основам агротехнологий, обесценивая земледельческий труд.

Огромные территории, нуждавшиеся в интенсивном освоении, диктовали потребность в большом количестве рабочей силы. Значительную часть целинников составляла комсомольская молодежь, не имевшая опыта работы в сельском хозяйстве. Отсутствие производственной инфраструктуры, а также тяжелые условия труда и быта заставляли многих вернуться обратно. Таким образом, нехватка трудовых и технических ресурсов способствовали выводу из сельхозоборота значительной части старопахотных земель.

Целинная эпопея – это составная часть аграрной политики государства. Поэтому оценивать ее следует с учетом всех результатов и последствий. На фоне освоения целинных земель и рекордных урожаев традиционные земледельческие районы испытывали «кислородное голодание». Полевые работы в колхозах и совхозах выполнялись без соблюдения агротехнических условий. На целину направлялись материально-технические и людские ресурсы, которые были необходимы для развития традиционных районов земледелия. Только в 1954–1958 гг. на освоение целинных и залежных земель госуда-

рством было израсходовано 30,7 млрд руб., что составило 31,6 % всех средств, направленных на развитие всего сельского хозяйства.

Несомненно, освоение целинных и залежных земель дало существенный прирост валового сбора зерна, но одновременно шло запустение центральных земледельческих районов России. Некоторые хозяйства старопахотных районов ухудшили свои показатели. По сути, руководство страны в погоне за «дешевым хлебом» отказалось от интенсификации сельского хозяйства. Кампания по освоению целины затормозила развитие аграрного сектора центральных районов страны.

А.И. Шевельков¹

Экономика колхозов Нечерноземной зоны РСФСР в 1960-е гг.

Концентрация государством денежных, материальных и трудовых ресурсов для освоения целинных и залежных земель в 1954–1964 гг. в ущерб сельскому хозяйству других регионов страны особенно негативно отразилась на экономическом состоянии колхозов Нечерноземной зоны РСФСР. В результате недофинансирования и недопоставок техники в ряде областей региона нагрузка на трактор превышала среднюю нагрузку по РСФСР, хотя по условиям производства она должна быть ниже. Так, на один 15-сильный трактор в среднем по РСФСР в 1964 г. приходилось 88 га пашни, а в Мордовской АССР, Удмуртской АССР, Пермской области – 107, 109 и 110 га соответственно. Многие колхозы Нечерноземья не были электрифицированы. В результате незначительных капитальных вложений и низкого уровня механизации недостаточно эффективно использовались сельскохозяйственные угодья, сохранялась низкая урожайность зерновых культур, высокая себестоимость производства основных видов сельхозпродукции. Если средняя урожайность зерновых культур в 1964 г. в РСФСР составляла 10,6 ц/га, то в Нечерноземной зоне – 6,8 ц/га.

Как следствие – только во второй половине 1960-х гг. здесь было восстановлено довоенное производство зерновых. Высокая себесто-

¹ *Шевельков Анатолий Иванович*, кандидат исторических наук, Shevelkov51@mail.ru, Россия, г. Коломна.

имость продукции растениеводства и животноводства не покрывалась существующими закупочными ценами, в результате чего колхозы несли большие убытки от ее реализации государству. Низкий уровень рентабельности хозяйств региона отражался на уровне заработной платы колхозников, которая была ниже, чем у сельских тружеников других регионов страны. Недостаточная материальная заинтересованность колхозников в результатах своего труда, убыточность многих отраслей производства не только тормозили развитие сельского хозяйства Нечерноземья, но и усиливали миграцию трудоспособного населения. Что, в свою очередь, вело к обострению проблемы с трудовыми ресурсами, росту численности мелких населенных пунктов, распыленности производства.

С приходом к власти нового руководства страны во главе с Л.И. Брежневым (октябрь 1964 г.) были предприняты попытки изменить экономическое состояние убыточных колхозов страны в целом и Нечерноземья в частности. На 1 января 1965 г. в РСФСР было 4124 экономически слабых колхозов, большая часть из которых находилась в Нечерноземье. Чтобы поправить экономическое положение этих хозяйств, с них была списана значительная часть денежной задолженности по долгосрочным и краткосрочным ссудам Госбанка СССР. Кроме того, были повышены закупочные цены на отдельные виды зерновых культур, а на государство возложено полное финансирование мелиоративных работ на землях колхозов зоны.

Однако из-за нехватки у государства финансовых ресурсов для выполнения решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК в годы восьмой пятилетки колхозы Нечерноземья недополучили запланированные денежные средства, сельхозтехнику. В то же время, введение гарантированной оплаты труда колхозников вынудило хозяйства вновь обратиться за банковскими кредитами, что усугубило их экономическое положение. В 1966–1970 гг. на эту цель экономически слабым колхозам было предоставлено кредитов в объеме 547,5 млн руб. Многие хозяйства за счет банковского кредита выплачивали 40–50 % гарантированной заработной платы колхозников. В 1970 г. у отстающих хозяйств около половины

основных фондов сформировались за счет кредитов, тогда как в экономически устойчивых хозяйствах участие кредита не превышало 25–27 %.

Не имея возможности обеспечить стабильное финансово-экономическое положение всех колхозов, государство активизировало практику их преобразования в совхозы. За период 1965–1970 гг. в совхозы было преобразовано около 2500 экономически слабых, убыточных колхозов. По данным ЦСУ РСФСР, на 1 января 1971 г. в республике насчитывалось только 1086 экономически слабых хозяйств. Однако, по мнению Российской республиканской конторы Госбанка СССР, это не соответствовало реальности. С точки зрения его специалистов, к экономически слабым колхозам следовало отнести не только колхозы, закончившие 1970 г. с убытком (708), но и те хозяйства, которые работали с рентабельностью до 15 % (2753). Исходя из этого, в РСФСР в действительности имелось около 3500 экономически слабых колхозов, которые в годы восьмой пятилетки не имели возможности выделять средства для расширенного производства и были вынуждены обращаться за кредитами.

Таким образом, с учетом преобразованных в совхозы колхозов численность экономически слабых хозяйств против предшествующего пятилетия возросла. Занимая 21 % сельхозугодий и располагая 19 % основных фондов, убыточные и низкорентабельные сельхозпредприятия произвели в 1970 г. в РСФСР лишь 16 % сельскохозяйственной продукции и получили 13 % валового дохода от общереспубликанского. Издержки производства продукции в таких хозяйствах были значительно выше, чем в рентабельных.

В этих хозяйствах по-прежнему была высокая себестоимость производства продукции, низкий уровень товарности. Очень медленные темпы роста производительности труда не обеспечивали гарантированную оплату труда, являлись причинами того, что экономически слабые колхозы в расчете на одного колхозника получали валовой доход в 1,5 раза меньше, чем экономически крепкие хозяйства. Эти хозяйства не производили отчислений на пополнение неделимого фонда. По заключению Российской республиканской конторы Госбанка СССР, большинство экономи-

чески слабых хозяйств не имели в перспективе реальных источников для возврата кредитов.

Среди основных причин убыточной и низкорентабельной деятельности колхозов российского Нечерноземья являлись: менее благоприятные природно-экономические условия для развития сельского хозяйства; недостатки в планировании заготовок и определении специализации производства, в организации производства, труда, его оплаты; бесхозяйственность, дефицит кадров и др.

В.Н. Томили¹

Эксплуатация машин как фактор эффективности агротехнологий в СССР (1960–1970-е гг.)²

Нерешенность задач обеспечения населения страны продовольствием побудила советское правительство пойти на радикальную аграрную реформу 1958 г. по реорганизации МТС и продаже техники колхозам. Идеологи реформы рассчитывали на более эффективное использование сельскохозяйственных машин в колхозах вследствие перемены отношений собственности. Это была попытка за счет более эффективного использования сельхозмашин и орудий поднять на новый уровень агротехнологии и увеличить объемы производства товарной продукции.

Сложная машинная техника в колхозах лучше работать не стала. Она нуждалась в грамотной эксплуатации, профилактическом обслуживании и качественном ремонте, чего колхозы обеспечить не могли. В начале 1960-х гг. была создана система предприятий Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» как производственная инфраструктура по снабжению колхозов и совхозов машинами, удобрениями, запчастями, а также по применению передовых технологий и индустриальных методов при ремонте тракторов, автомобилей, комбайнов, двигателей и других силовых машин и узлов к ним.

¹ *Томили¹ Виктор Николаевич*, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, tomilin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00386.

Одной из главных задач новой структуры являлось поддержание в рабочем состоянии сельхозмашин вплоть до их полной амортизации за счет регулярно проводимого восстановительного ремонта. В середине 1960-х гг. в систему «Союзсельхозтехники» входило более 300 ремонтных заводов и около 4 тыс. ремонтных мастерских, освоивших поточную круглогодичную технологию ремонта. В начале 1980-х гг. объемы восстановленных сельхозмашин в 4–5 раз превышали поставку новой техники. Отремонтированная техника по своим потребительским характеристикам значительно уступала заводским аналогам.

Фактором, сдерживающим рост производительности труда в земледелии и не позволяющим в полной мере использовать аграрные технологии, стало низкое качество поставляемой сельскохозяйственной техники. В отечественном машиностроении сложилась практика, когда при производстве машин и механизмов для села постоянно вносились технологические и конструктивные изменения, понижающие их потребительские характеристики. Особенно это касается производства запасных частей. В 1971 г. из проверенных деталей, поставляемых сельскому хозяйству заводами Минсельхозмаша и Минавтопрома, 76 % не соответствовали требованиям ГОСТов и ТУ. С серьезными недостатками выпускались заводами тракторы. В 1970 г. контрольные работы в различных машинно-испытательных станциях страны проходили 46 тракторов основных типов, из них только 7 тракторов, или 15 % от числа испытываемых, не вызвали нареканий, а 8 тракторов было забраковано.

Проблема повышения качества выпускаемой сельхозтехники стала серьезной государственной задачей. С целью предотвращения поставок сельскому хозяйству некачественной техники по решению правительства в системе Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» была создана служба приемки, которая забраковала в 1966 г. 25,6 тыс. произведенных в стране тракторов, а в 1970 г. – 28,6 тыс. При этом проверялись не все выпущенные машины ввиду малочисленности кадров приемщиков.

Флагманом советского сельскохозяйственного машиностроения являлся завод «Ростсельмаш», основную линейку которого со-

ставляло производство зерноуборочных комбайнов. С 1962 г. на заводе серийно производился самоходный комбайн СК-4, получивший высокие оценки на международных ярмарках и выставках за оригинальность конструкции и высокую производительность. СК-4 стал основным зерноуборочным комбайном в стране.

Передовые инженерные решения, заложенные в конструкцию комбайна, промышленность не смогла реализовать при серийном производстве. При массовом производстве машины технические условия и стандарты часто не соблюдались. На контрольных испытаниях 1970 г. в Кубанском НИИТиМ комбайном СК-4 при уборке зерновых культур и подсолнечника произошло более 30 поломок и случаев отказа, из-за чего простой недавно сошедшего с заводского конвейера комбайна составили 68 часов.

В развитии сельскохозяйственного производства и эффективности аграрных технологий важную роль играют человеческих фактор. Наряду с оплатой труда – это условия и гигиена труда механизатора. Причиной значительного количества несчастных случаев со смертельными исходами является опрокидывание тракторов из-за низкой динамической устойчивости, ненадежности тормозных систем и отсутствия каркасных кабин. Серьезным недостатком отечественных тракторов выпуска 1960–1970-х гг. являлся повышенный шум в кбинах, который не только приводил к утомлению механизаторов и снижению производительности труда, но и к потере слуха и расстройству нервной системы.

Тракторные кабины рассматриваемого периода не имели термоизоляции и терморегуляции, поэтому микроклиматические показатели на рабочем месте определялись в значительной степени условиями погоды. В летних условиях температура воздуха в кабине оказывалась выше наружной на 10–15°C и достигала 45–50°C. Это вызывало у тракториста нарушение терморегуляции организма, сильную потливость, головную боль и усталость. В зимних условиях кабина плохо защищала водителя от воздействия низкой температуры. При температуре наружного воздуха –12°C температура воздуха в кабине на уровне головы водителя составляла +4°C, на уровне пола – +2°C (при санитарной норме +14°C).

Тяжелые условия труда механизаторов, наряду с ненормированностью и низкой оплатой, обусловили его непрестижность и высокую текучесть кадров. В рассматриваемый период в большинстве колхозов и совхозов ушли от двухсменной работы механизаторов; в первой половине 1970-х гг. для обеспечения двухсменной работы основного парка машин во время уборочной страды в стране не хватало 700 тыс. трактористов-машинистов. Недостатки в эксплуатации машин и технической оснащенности не позволяли в полной мере реализовать потенциал отечественного сельского хозяйства.

Н.А. Серогодский¹

**Личные подсобные хозяйства населения
в советский и постсоветский период на Юге России:
проблемы и тенденции развития (1970–1990-е гг.)**

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ), начиная с 1930-х гг., играли важную роль в производстве сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем отношение к ним со стороны государства в разные периоды было неодинаковым. В сентябре 1977 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве»². В нем отмечалось, что среди части руководителей хозяйств существует недооценка возможностей ЛПХ, допускаются факты необоснованного запрещения содержания скота и птицы в личной собственности граждан в небольших городах и поселках городского типа. В постановлении указывалось на необходимость отменить существующие запреты и увеличить нормы содержания скота в личной собственности граждан там, где имеется возможность предоставить им земельные участки, необходимые для выпаса скота. Было намечено увеличить продажу населению поросят и

¹ *Серогодский Николай Александрович*, доктор исторических наук, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru, Россия, г. Славянск-на-Кубани.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 104–111.

молодняка птицы в количестве, полностью удовлетворяющем потребности. Колхозам и совхозам рекомендовалось обеспечивать ЛПХ граждан грубыми и сочными кормами.

Это постановление сыграло положительную роль в развитии хозяйств населения. Так, в Ставропольском крае за три года, прошедших после его принятия, объем валовой продукции в ЛПХ вырос на 21 %, в том числе производство мяса увеличилось на 46 %, а яиц на 12 %. В Ростовской области в среднем на один двор в 1981 г. было закуплено 53 кг мяса и 260 шт. яиц.

Вместе с тем значительная часть сельского населения не занималась выращиванием скота на личных подворьях. Это во многом было связано с проблемой обеспечения животных кормами. Колхозы и совхозы сами испытывали дефицит кормов для общественного животноводства, поэтому неохотно выделяли их для личных подворий. Кроме этого было много других причин, сдерживающих развитие ЛПХ. Прежде всего не решались вопросы обеспечения населения средствами малой механизации, а это приводило к большим затратам ручного труда и требовало много времени. Поэтому труд на личном подворье приводил к усилению самоэксплуатации сельских тружеников. А к этому были готовы далеко не все. Негативно сказывалось на развитии ЛПХ отношение к ним многих руководителей хозяйств, которые считали, что подсобные хозяйства отвлекают тружеников от работы в общественном производстве и усиливают частнособственнические амбиции у части сельского населения.

Вместе с тем снижение эффективности производства в общественном секторе заставляло государство все больше внимания уделять крестьянскому подворью, которое играло важную роль в продовольственном снабжении страны. Тем более, что ЛПХ не требовало из государственного бюджета капитальных вложений и кредитов. Так, в Краснодарском крае в хозяйствах граждан в 1988 г. было произведено мяса в живом весе 28 %, молока – 12, картофеля – 82, овощей – 26, ягод и плодов – 17 % от общего их производства в крае.

В период перехода к рыночным отношениям в 1990-е гг. роль хозяйств населения значительно возросла. Этому способствовала ли-

берализация цен, снятие ограничений на размеры приусадебных участков. В связи с резким спадом производства в общественном секторе хозяйства граждан стали играть большую роль в самообеспечении населения продовольствием. Таким образом, ЛПХ из категории подсобных превратились в товарную отрасль сельского хозяйства.

Хозяйства населения в отличие от сельскохозяйственных предприятий не имеют кредиторской задолженности и задержек с выплатой заработной платы. Не претендуют они и на высокие технологии, вполне обходясь простыми орудиями труда. При этом трудоемкость производства в ЛПХ в несколько раз выше, чем в сельскохозяйственных предприятиях при практически равных, а то и более низких ценах на производимую продукцию. В результате произошел рост удельного веса ЛПХ в производстве сельхозпродукции.

Однако в условиях кризиса 1990-х гг. подсобные хозяйства граждан оказались не в состоянии восполнить спад производства в крупных сельхозпредприятиях. ЛПХ не могут полностью заменить крупное производство, тем более, что по данным социологических исследований, значительная часть владельцев подсобных хозяйств не ставит перед собой задачи наращивать производство сельхозпродукции. Главной причиной этого является слабая материально-техническая база и отсутствие необходимых финансовых ресурсов.

Ресурсы для дальнейшего роста личных подворий в значительной степени исчерпаны. Для существенного увеличения производства в ЛПХ необходима серьезная финансовая и материально-техническая помощь как со стороны государства, так и крупных сельхозпредприятий. Личные подсобные хозяйства, оставаясь в большинстве случаев мелкими производителями, всегда будут нуждаться в надежном экономическом партнере, сотрудничестве с которым смогло бы решить многие проблемы, как в производстве, так и в переработке и реализации выращенной продукции.

ЛПХ помогло выжить в условиях кризиса миллионам жителей села. Все это было сделано при отсутствии государственной поддержки. При изменении государственной политики в отношении аграрного сектора хозяйства населения смогут в полной мере проя-

вить тот потенциал развития, который изначально в них заложен. Это позволит не только решить проблемы сельской безработицы, но и значительно улучшить продовольственное снабжение страны.

С.Н. Андреенков¹

**Социально-экономические последствия
аграрного реформирования 1990-х гг.
в Новосибирской области²**

Аграрное реформирование 1990-х гг., в ходе которого кардинально поменялась система землевладения и землепользования, является важной тематикой аграрно-исторических исследований современности. Актуальным и плодотворным направлением ее изучения представляется анализ последствий преобразований на материалах отдельных регионов России, в частности Новосибирской области.

Становление в аграрном секторе экономики региона рыночных отношений и многоукладности проходило болезненно, имело существенные социально-экономические издержки. Созданные на базе колхозов и совхозов сельскохозяйственные акционерные общества, кооперативы, товарищества, крестьянско-фермерские хозяйства и их объединения действовали в условиях острого финансового кризиса, обусловленного низкими закупочными ценами на сельхозсырье. Предприятия пищевой промышленности минимизировали их для того, чтобы снизить себестоимость своей продукции и сделать ее конкурентоспособной в условиях резкого падения покупательной способности населения и конкуренции с иностранными производителями продовольствия.

Дефицит финансовых средств не позволял сельхозтоваропроизводителям платить достойную зарплату своим работникам, покупать новую технику и другие материальные ресурсы, резко возросшие в цене. Машинный парк крупных хозяйств (крупхозов) со-

¹ *Андреенков Сергей Николаевич*, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, andreenkov_sn@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области, проект 18-49-540001.

крашался, деградировали семенные фонды, уменьшалось использование средств агрохимии. Резко ускорилось сокращение поголовья скота. Не могли наращивать производственные мощности и крестьянско-фермерские хозяйства.

В 1992–1993 гг. активисты профсоюза агропромышленного комплекса Новосибирской области вывели аграриев на акции протеста, которые заставили верховную власть принять антикризисные меры: предоставить льготные кредиты, компенсировать часть расходов на энергоресурсы и т.д. Однако в декабре 1993 г. реформаторы пошли в «контрнаступление» и отменили обязательные государственные закупки зерна – единственный гарантированный источник доходов хозяйств. Сельхозтоваропроизводители были поставлены в большую финансово-экономическую зависимость от региональных властей и местных предприятий пищевой промышленности.

Бывшие колхозы и совхозы использовали разные стратегии выживания в неблагоприятных экономических условиях. Одна из них – бартерные сделки. С начала 1990-х гг. многие крупхозы накапливали сырье для самостоятельной переработки и продажи готовых изделий на рынке по собственным расценкам. Для этого они обзаводились маломерными элеваторами, мельницами, пекарнями, молокозаводами, колбасными и сырными цехами, магазинами. Развитие в деревне малой переработки и торговых сетей хозяйств привело в упадок сельскую потребительскую кооперацию. Крупные профильные пищевые предприятия не получали необходимого количества качественного сырья, что способствовало снижению объемов производства. Потребительский рынок региона завоевывали иностранные торговые кампании.

В середине 1990-х гг. в области вернулись к идее развития крупных агропромышленных объединений. Некоторые нерентабельные крупхозы фактически переходили в подчинение к предприятиям-переработчикам сельхозсырья и торговым организациям. В 1995 г. крупнейшим покупателем продукции бывших колхозов и совхозов стала созданная руководством области государственная «Новосибирская продовольственная корпора-

ция». НПК предоставляла хозяйствам услуги по развитию производственных мощностей, хранению и переработке продукции. Предприятия покупали у компании современную, главным образом импортную, технику. Дорогостоящие сельхозмашины поступали в машинно-технологические станции, специально созданные в 1997–1999 гг. в ряде районов для обеспечения техникой малодоходных хозяйств. Не без помощи региональных властей к концу 1990-х гг. сельхозтоваропроизводителям удалось поднять качество семенного фонда. Однако предоставлявшиеся хозяйствам материально-технические ресурсы стоили недешево.

С 1991 до 1999 г. включительно финансово-экономические показатели деятельности сельскохозяйственных организаций Новосибирской области оставались низкими. Тяжелыми для сельхозтоваропроизводителей оказались 1996, 1997 и особенно 1998 гг. Удельный вес убыточных крупных хозяйств достиг в эти годы соответственно 79, 86 и 89 %.

В 1998 г. из 583 сельхозпредприятий региона половину всего объема валовой сельхозпродукции производили 100 наиболее крупных организаций. На сотню лучших предприятий приходилось 60 % всей выручки от реализации продукции. Средняя рентабельность составила 5 %. В группе лидеров – преимущественно хозяйства пригородных районов. В 1998 г. помимо финансового кризиса причиной роста задолженности хозяйств была сильная засуха, погубившая около 400 тыс. га посевов зерновых и кормовых культур и обернувшаяся почти 300 млн руб. убытка. Большое количество сельскохозяйственных организаций имели кредиторскую задолженность перед «Новосибирской продовольственной корпорацией».

Проблемы в финансово-экономической деятельности сельхозпредприятий отчасти обуславливались существенным ослаблением кадрового потенциала. С 1991 по 1997 г. в области сменилось 2/3 глав крупхозов. В 1997 г. высшего образования не имели здесь 40 % руководителей и 50 % главных агрономов. Численность тружеников аграрного сектора экономики, занятых во всех отраслях производства, в том числе в сельскохозяйственном, за 1995–2000 гг. уменьшилась почти на четверть. При этом удельный

вес работников, задействованных в сельхозпроизводстве, почти не изменился. Оставшимся в этой сфере селянам приходилось работать более интенсивно.

Таким образом, в Новосибирской области проведение аграрной реформы сопровождалось множеством негативных социально-экономических последствий. Стабилизация ситуации, наметившаяся в середине 1990-х гг., стала возможной благодаря реализации антикризисных мер региональных властей.

О.М. Вербицкая¹

Аграрная реформа 1990-х гг.: настроения в сельском социуме

По мере осуществления аграрной реформы социально-психологическая обстановка на селе все больше накалялась. Она отражала не только перемены, происходившие в земельных и производственных отношениях, но и общую неготовность селян к реформе. По существу, ее исходным пунктом стала «шоковой терапия», либерализация цен на товары и услуги, что вызвало резкое подорожание продуктов питания и предметов первой необходимости. И хотя главной целью реформирования был объявлен подъем уровня жизни сельского населения на основе роста эффективности сельского хозяйства, на деле его положение лишь ухудшалось, заработки резко упали, началась безработица и массовая бедность. Издержки рыночной реформы были столь тяжелы, что ни о какой массовой поддержке ее рядовыми селянами не могло быть и речи.

В 1990-е гг. в селах разных регионов РФ проводилось большое число социологических исследований и опросов, которые отразили реальную обстановку на селе и отношение жителей к реформам. Они в основном показали, что крестьянство не понимало ни их сути, ни будущей выгоды для них. Не знали, в какую форму собственности будет преобразован их колхоз, какой земельный пай им причитается и др. Выяснилось, что жители села в целом не ожидали и такого форсирования событий, надеясь, что преобразования будут спокойными и постепенными. Довольно скоро сельский

¹ *Вербицкая Ольга Михайловна*, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, verb-olga@yandex, Россия, г. Москва.

социум осознал и диаметральною разницу между обещаниями и реальными результатами от реформ (банкротство и роспуск сельскохозяйственных предприятий (СХП), отсутствие свободных рабочих мест на селе, развал сельской социальной сферы и пр.). Жители села поняли, что реформа лишила их работы, не пощадила колхозы, которые всегда обеспечивали им стабильный заработок, поэтому вряд ли она сможет и в будущем реально им дать что-то хорошее. И это стало их основным аргументом против аграрной реформы и всего, что с ней было связано. Целый ряд исследований села подтверждал, что большинство крестьян не верило в успех экономической реформы, не ожидало от нее добра. Опросы, проводимые в регионах РФ, показывали, что в 1992 г. лишь 42 %, а в 1993 г. – уже 31 % респондентов поддерживали куплю-продажу земли. Полностью в успех аграрной реформы верило совсем немного людей – 7 и 5 % соответственно.

Российские газеты публиковали много статей критического характера в основном с негативными оценками итогов аграрной реформы. Но они не содержали объяснений, почему крестьяне в основном не желали становиться мелкими собственниками. Газета «Российский фермер» писала, что навязывание властью того, что у нее не просят, у крестьян вызывало лишь настороженное отношение. Примерно половина опрошенных заявляла, что введение частной собственности на землю отвечает интересам не тружеников села, а городских коммерсантов. Еще 21 % селян были убеждены, что это выгодно и сельскому начальству. Следовательно, как минимум 70 % опрошенных выступали противниками частной собственности на землю. С «частниками» крестьяне ассоциировали и фермеров. Другие опросы селян (1995 г.) показывали, что даже спустя несколько лет после начала реформ почти 2/3 сельских респондентов были настроены против введения частной собственности на землю, а свыше половины считали, что проводимая государством аграрная политика окончательно разрушит отечественное сельское хозяйство. Иными словами, позиция значительной массы российских аграриев была вовсе не рыночной и подтверждала их нежелание радикальных перемен.

Очень важен вопрос: «Ощутили ли селяне себя хозяевами в итоге реформы?». Известно, что из 2 млн чел., лишившихся работы еще в начале реформы, большая часть вынужденно занялась своим подсобным хозяйством, которое было увеличено за счет полученного пая земли. И там, чтобы прокормить семьи, они работали день и ночь, рачительно используя каждый клочок земли. Объективно это подтверждало тезис, что сельские жители на своих подворьях вполне ощущали себя хозяевами. Но в сельскохозяйственных предприятиях нового типа (АОО, ТОО и т.п.) дело обстояло иначе. Там рядовые работники вновь оказались «не у дел», были отстранены от организации производства. В ходе проведенных исследований большинство опрошенных отмечало, что от приватизации на селе однозначно выиграли лишь руководители хозяйств нового типа и их главные специалисты, которые относились к рядовым акционерам пренебрежительно, не информировали их ни о доходах руководителей, ни о результатах коммерческой деятельности хозяйства и т.п.

В целом по России, по имеющимся данным, в 1999 г. число работников СХП, которым за последние годы все же удалось ощутить себя настоящими хозяевами земли, выросло на 17 %, а тех, у кого, наоборот, это чувство пропало, увеличилось на 24 %. Иными словами, в ответах людей преобладали отрицательные оценки. Так, по сравнению с 1992 г., когда аграрная реформа еще только началась, большинство селян не только не обрело, но, напротив, заметно утратило чувство хозяина земли. В наибольшей степени такая утрата была характерна для неквалифицированных рабочих СХП. Среди них доля ощущавших себя хозяином оказалась меньше, чем в прежние годы – 27 % против 12 % тех, у кого это чувство окрепло. Таким оказался реальный результат попытки создать в российской деревне класс собственников. Еще около 1/3 сельских респондентов ответило, что начинать реформы вообще «не стоило».

Естественно, тяжелые условия жизни, резкое ухудшение материального положения, осознание социальной несправедливости и неверие в положительные перемены в будущем формировали у жителей села горькое чувство социального дискомфорта.

Поэтому уже в первой половине 1990-х гг. вероятность развития протестного сценария событий очень беспокоила политиков. Но, как показала жизнь, в ответ на резкое ухудшение жизни российские аграрии прореагировали в целом довольно мирно – в форме пикетов, митингов, собраний, на которых выдвигались преимущественно экономические требования. И лишь в 1994 г., когда массовые акции протеста крестьян приобрели более организованный характер, благодаря участию Аграрной партии России, аграрии получили возможность выразить свое недовольство, которое к этому времени приобрело заметно большую, чем прежде, политическую окраску. Наряду с экономическими требованиями они высказались за смену власти и изменение курса реформ. И все же, несмотря на заметно повысившуюся социально-политическую активность, основная масса населения деревни, испытывавшая социальную усталость и апатию, занимала выжидательную позицию. Большинство селян со свойственным им здравым смыслом решение всех вопросов разумно искало не в протестных митингах и сборах, а в работе. Забастовочной борьбе и акциям протеста миллионы жителей села, оказавшиеся без средств, противопоставляли более конструктивный подход – собственный труд. Это был их единственный капитал, который они самоотверженно и сознательно вкладывали в свои хозяйства. И в 1999 г. на вопрос социологов: «Насколько вероятны в настоящее время массовые выступления сельского населения против бедности и нищеты?» 46 % респондентов ответили, что такие выступления маловероятны. Хотя глухой ропот и недовольство аграриев от проходивших на селе преобразований при определенных обстоятельствах могли проявиться иначе.

Оценкой аграрной реформы могут послужить ответы крестьян на вопрос, «считают ли они себя выигравшими или проигравшими от рыночных реформ?». Подавляющее большинство опрошенных в конце 1990-х гг. работников СХП заявили, что они проиграли. Подобное мироощущение свидетельствовало о полном несоответствии заявленных целей аграрной реформой ее фактическим результатам.

И.В. Логунова¹

«Псевдособственники» как явление аграрной реформы 1990-х гг.

Аграрная реформа 1990-х гг. повлекла за собой глубинную реструктуризацию сельскохозяйственного социума. Сельскохозяйственное население не могло не отреагировать на такие значимые процессы, как приватизация и перераспределение земель сельскохозяйственного назначения, изменение аграрной производственной структуры, выразившееся в появлении фермерства и реорганизации колхозов и совхозов.

В 1990-е гг. сельскохозяйственное население (т.е. лица, непосредственно занятые в сельхозпроизводстве и живущие за счет доходов от сельского хозяйства) составляло приблизительно 20–25 % всего сельского населения страны. Несмотря на относительную немногочисленность, именно сельскохозяйственное население было наиболее экономически и социально активным и разнородным. Оно включало в себя пять из восьми категорий сельского населения: руководители, специалисты, квалифицированные и неквалифицированные работники сельхозпредприятий, фермеры. Их жизнедеятельность основывалась на комплексе социально-пространственных взаимодействий: дом (местожительство) – место работы (сельхозпредприятие, фермерское хозяйство) – место извлечения ресурсов (территория сельскохозяйственных угодий) – производственное общение – культура, что дает основание говорить о существовании сельскохозяйственного социума.

Процесс трансформации сельскохозяйственного социума в пореформенный период носил двоякий характер. С одной стороны, появились качественно новые категории населения, такие как фермеры. С другой стороны, социальные группы, возникшие еще в колхозно-совхозный период, сохранив свое название и ряд внешних признаков, существенно изменили внутреннее содержание (это касается руководителей, специалистов и работников сельхозпредприятий).

¹ *Логунова Инна Викторовна*, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, inna.logunova.12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

Ключевое место в процессе реструктуризации сельскохозяйственного социума занимали отношения собственности. Они оказывали определяющее влияние на все сферы жизнедеятельности сельскохозяйственного населения и способствовали изменению структуры доходов, формированию правового статуса, изменению психологии и сознания, определяли место в производственных отношениях.

Процесс складывания новых социальных классов был осложнен и в то же время смягчен попыткой власти создать видимость наделения правом собственности всех участников производственного процесса (т.е. представителей всех категорий сельскохозяйственного населения) путем декларирования этого права в законах и подзаконных актах и выдачи правоустанавливающих документов всем членам трудовых коллективов сельхозпредприятий. На деле это обернулось появлением огромной группы «псевдособственников», которые, формально являясь владельцами земельных долей и имущественных паев, в действительности распоряжаться ими не могли (по причине несовершенства земельного законодательства, психологической неподготовленности и правовой безграмотности).

Состояние «псевдособственника» выступило в роли своеобразного преобразователя социальной структуры сельскохозяйственного населения. В результате прохождения через это состояние все представители сельскохозяйственного социума, по сути, разделились на два социальных класса – класс сельскохозяйственных собственников и класс наемных сельскохозяйственных работников. Данный процесс развивался постепенно, медленными темпами и не был завершен вплоть до 2010-х гг. Причина неспешности крылась в том, что значительная часть сельскохозяйственного населения надолго задерживалась в состоянии «псевдособственников». Дольше других в этом состоянии оставались представители тех социальных групп, которые впоследствии пополняли ряды класса наемных сельскохозяйственных работников. Пути быстрого выхода из него, обеспечивавшие переход в социальный класс сельскохозяйственных собственников, сводились к образованию

фермерских хозяйств и участию в процессе концентрации собственности, начавшемся в ходе второй волны реорганизации. Переход из состояния «псевдособственников» в социальный класс наемных сельскохозяйственных работников происходил в случаях, когда владельцы земельных долей продавали их либо передавали в уставные фонды сельхозпредприятий.

В пореформенный период правовой статус каждой социальной группы был обусловлен ее местом в отношениях собственности. В результате все сельскохозяйственное население в 1990-е гг. в зависимости от правового статуса распределилось на четыре группы:

- 1) «собственник»;
- 2) «псевдособственник с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности»;
- 3) «псевдособственник»;
- 4) «наемный работник» (т.е. «несобственник»).

Статус «собственник» принадлежал фермерам, руководителям и главным специалистам сельхозпредприятий. Данный статус при благоприятных условиях могли приобрести и те представители специалистов и руководителей среднего звена, которые были наиболее приближены к руководству сельхозпредприятия, поэтому их условно можно называть «псевдособственниками с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности». Поскольку для квалифицированных и неквалифицированных работников сельхозпредприятий переход в социальный класс наемных работников был практически неизбежен (это было делом времени), то их правовой статус обозначается как «псевдособственники». Наконец, статусом «наемный работник» (т.е. «несобственник») были наделены те работники, специалисты, руководители среднего звена сельхозпредприятий, которые перестали быть владельцами земельных долей по причине их продажи либо передачи в уставной фонд сельхозпредприятий. Иными словами, правовые статусы «собственник» и «наемный работник» соответствовали вновь формировавшимся социальным классам, а статусы «псевдособственник с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности» и «псевдособственник» носили временный, переходный характер.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.Б. Свердлов</i> Землевладелец и земледелец на Руси X–XII вв. Антропологический фактор . . .	3
<i>А.А. Горский</i> Вервь и погост (XI–XIII вв.)	7
<i>Ю.В. Селезнёв</i> Количество сельского населения в Новгородской земле в конце XIV – XV в. . .	9
<i>А.Л. Грязнов</i> Монастыри на Белоозере, в Пошехонье и Вологде. Причины возникновения и выбор расположения	12
<i>Е.Н. Швейковская</i> Роль сервитутов в землевладении и землепользовании российской деревни XVI – первой четверти XVIII в.: к постановке вопроса	15
<i>Ю.В. Степанова, П.В. Гаврилов</i> Локализация землевладений Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г.	19
<i>С.С. Кутаков</i> Развитие землевладения в Тверском уезде в XVI в. по данным писцовых книг	21
<i>Д.Е. Гневашев</i> К истории ямского строения в Вологодском уезде во второй половине XVI в.	23
<i>М.С. Черкасова</i> Севернорусские порядные XVI–XVII вв.: социально-правовые аспекты	27
<i>А.Н. Гуслистова, А.Л. Грязнов</i> Эволюция сети сельских храмов в Белозерско-Вологодском регионе в XVI–XVII вв.	30
<i>Д.А. Хитров</i> О размещении поместного фонда Московского уезда в 1620-х гг.	33

П.В. Чеченков

Светское землевладение и земледельцы Нижегородского уезда 1620-х гг.
в свете иерархии служилого «города» 35

И.В. Пугач

К вопросу о критериях устойчивости социально-экономического развития
на Русском Севере (по материалам сметных списков
первой половины XVII в.) 37

А.И. Папков

Кадастровый учет церковных земель в Воронежском уезде
в первой половине XVII в. 40

В.Н. Глазьев

Дворовладельцы Воронежского уезда
по материалам переписной книги 1646 г. 44

Н.В. Башинин

Обмен землями как источник роста вотчины Вологодского
архирейского дома во второй половине XVII в. 47

А.И. Савинова, Ю.В. Степанова

Взаимоотношения «корелян», землевладельцев и государственной власти
на территории Верхневолжья в XVII в. 49

В.М. Брезгунова

Черкасы в Воронежском крае в XVII в.: демографический аспект 52

И.Л. Манькова

Церковное землевладение в Сибири XVII в. 55

Э.Л. Дубман

Пространственные особенности сельского расселения и формирования
сети поселений Южного Средневолжья в XVII в. 58

Н.В. Соколова

Сельский мир монастырской вотчины в Дмитровском у.
на рубеже XVII–XVIII вв.: система расселения и структура общины 61

С.В. Черников

К вопросу об устойчивости фамильного состава дворянства
в уездах Европейской России в XVII – начале XVIII в. 65

Ю.А.Мизис

Сельские населенные пункты в бассейнах рек Цны и Воронежа
в XVII – первой половине XVIII в. (характер расселения) 68

А.И. Комиссаренко

Роль Вятского края в поставке сельскохозяйственной продукции
на всероссийский и европейские рынки в XVIII в. 72

А.Г. Иванов

Социальный мир государственной марийской деревни (по материалам
крестьянских наказов в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.) 74

Д.А. Черненко

Земли городов Курской губернии в конце XVIII в.:
население, размеры, структура. 78

В.В. Канищев

Особенности расселенческих процессов на завершающей стадии
освоения (Тамбовская губерния, конец XVIII – первая половина XIX в.) 81

Л.Г. Степанова

Освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII –
первой половине XIX в.: структуроформирующие факторы расселения 84

А.И. Акманов

Землевладение башкир в период Генерального межевания
Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. 87

А.А. Даутов

Сенаторская ревизия Оренбургской губернии в 1799–1800 гг.
(по материалам межевых учреждений Оренбургской губернии). 90

Ю.Н. Смирнов

Вопрос о землях башкир в Степном Заволжье
в конце XVIII – первой половине XIX в. 93

А.Н. Долгих

Дворовые люди дореформенной эпохи
глазами российского дворянства (1796–1855 гг.) 96

Л.М. Артамонова

Мероприятия по наделению крестьян-переселенцев землями
Ставропольского калмыцкого войска в середине XIX в. 99

Р.Б. Зайтунов

Башкирские родословные в контексте земельных отношений XVI–XIX вв.:
контуры геоинформационного анализа 102

О.В. Смурова

Вклад крестьян-отходников в развитие деревенской инфраструктуры
во второй половине XIX – начале XX в. (микроисторический подход) 106

А.В. Перепелицын

Аренда и покупка земли в крестьянских хозяйствах
Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX в. 109

И.У. Минлебаев

Правовое обеспечение башкирского землевладения в 60–70-х гг. XIX в. 112

В.Н. Фурсов

Земельные отношения в деревне центрально-черноземных губерний
в пореформенный период 115

Н.М. Александров

Крестьянские отхожие промыслы и сельский социум
во второй половине XIX – начале XX в. 117

Н.А. Жиров, В.В. Каницев

Влияние миграций на повседневную жизнь крестьянского населения
Орловской и Тамбовской губерний в начале XX века 120

Г.А. Николаев

Влияние трудовых миграций на сельский социум Среднего Поволжья
во второй половине XIX – начале XX в. 122

Д.В. Ковалев

Крестьянская промысловая миграция и деревенский социум
Подмосковья в период столыпинской реформы 125

Н.В. Токарев

Тамбовские крестьяне-дарственники в период столыпинских
преобразований: опыт микроисторического исследования 128

М.Д. Книга

Сельскохозяйственное просвещение и изменения в воронежской деревне
в период проведения столыпинской реформы 131

<i>М.И. Роднов</i>	
Крупный агробизнес в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	134
<i>В.Н. Никулин</i>	
Землевладение дворян Новгородской губернии во второй половине XIX столетия	136
<i>Е.П. Баринова</i>	
Проекты «насаждения частного землевладения» в Сибири и их судьба	139
<i>Е.М. Чигирева</i>	
Состояние землевладения и финансовое положение дворянства Воронежской губернии в 1890-х – 1900-х гг.	142
<i>Н.В. Башкирева</i>	
Институт земских участковых начальников как орган административно-судебной власти в русской деревне рубежа XIX–XX вв.	145
<i>А.А. Соловьев, А.А. Иванов</i>	
Административный фактор в реализации выкупной операции государственных крестьян Вятской губернии в 1887–1906 гг.	148
<i>Ю.Б. Будкина</i>	
Кредитная кооперация в российской деревне накануне Первой мировой войны (по материалам губерний Центральной России)	151
<i>Т.Н. Сидоренко</i>	
Сельскохозяйственная кредитная кооперация кубанского казачества в начале XX в.	153
<i>А.А. Кухаренко</i>	
Роль ипотечного кредита в решении аграрного вопроса на территории Беларуси (1883–1917 гг.)	156
<i>М.Д. Карпачев</i>	
Социальный мир русской деревни и проблема ее продовольственной безопасности во второй половине XIX – начале XX в.	159
<i>И.А. Шевченко</i>	
Российская деревня и винная монополия С.Ю. Витте	162

<i>С.В. Букалова</i>	
Первая мировая война как фактор трансформации гендерной роли крестьянки.	165
<i>П.П. Щербинин</i>	
Отставные солдаты в социальном строе русской деревни в XIX в.	168
<i>П.С. Кабытов</i>	
Аграрные «беспорядки» в России 1902–1905 гг.: истоки, поводы и смысл. . .	171
<i>С.В. Беспалов</i>	
Социальный кризис русской деревни на рубеже XIX–XX вв. в восприятии представителей дворянства.	174
<i>Е.А. Зверков</i>	
Воронежская деревня в Февральской революции 1917 г.	177
<i>Л.Н. Мазур</i>	
Эволюция российской крестьянской семьи в XX веке: этапы и факторы трансформации.	180
<i>Д.А. Сафонов</i>	
Аграрная революция: российское прочтение.	183
<i>В.А. Саблин</i>	
Европейский Север России в аграрной революции 1917–1921 гг.	186
<i>В.М. Рышков</i>	
Власть и волость: взаимоотношения правительственной власти и локальных крестьянских сообществ в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)	189
<i>Н.Н. Кабытова</i>	
Социальная дифференциация крестьян в Великой российской революции . . .	192
<i>И.Е. Кознова</i>	
«Праздник урожая»: деревенская тема в журнале «Огонек» (1923–1991 гг.). . .	195
<i>О.М. Семерикова</i>	
Судьбы крестьянок в уральских сельскохозяйственных коммунах (1918–1924 гг.)	197

<i>В.Ф. Зима</i>	
Государственный бюджет СССР в период новой экономической политики и аграрный сектор экономики.	200
<i>О.В. Бершадская</i>	
Особенности землепользования и землеустройства в Черноморском округе в 1920-е гг.	203
<i>В.В. Наухацкий</i>	
Эволюция социальных структур села в период нэпа (на материалах Северо-Кавказского края).	206
<i>А.В. Берлов</i>	
Ученые русской эмиграции в Европе в 1920-е гг. об экономических аспектах поведения крестьянства.	209
<i>В.Б. Безгин, В.П. Николашин</i>	
Крестьянство и аграрная модернизация на рубеже 1920-х – 1930-х гг.	212
<i>О.А. Сухова</i>	
Итоги общинной революции и перспективы аграрной модернизации в СССР в конце 1920-х гг.: стадия термидора или ребрендинг мобилизационных проектов?	215
<i>В.В. Кондрашин</i>	
Крестьянская община и насильственная коллективизация: к вопросу о причинах успеха в советской деревне сталинской «революции сверху»	218
<i>И.В. Гончарова, Г.С. Чувардин</i>	
Эволюция социального мира черноземной деревни в процессе коллективизации (1930–1932 гг.)	221
<i>О.Б. Мозохин</i>	
Новые источники по делу «Трудовой крестьянской партии».	225
<i>В.А. Ильиных</i>	
Организация статистического мониторинга сельского хозяйства в 1930-е гг.	229
<i>В.Б. Лапердин</i>	
Районные органы власти Западно-Сибирского края в хлебозаготовительных кампаниях 1930-х гг.	232

<i>П.П. Полх</i>	
Формирование сельского социума в восточных районах Калининградской области во второй половине 1940-х гг.	235
<i>О.Н. Аргунов</i>	
Борьба с голодом в курских колхозах в 1946–1947 гг.	237
<i>В.В. Бабашкин</i>	
Социальные аспекты коллективизации крестьянского хозяйства в СССР в 1930-е гг. и «второй коллективизации» в 1950-е гг.	240
<i>О.В. Горбачев</i>	
Личные подсобные хозяйства в российской деревне во второй половине 1930-х – 1980-е гг. в контексте теории семейного крестьянского хозяйства А.В. Чайнова	243
<i>А.Г. Галлямова</i>	
Социальный мир в колхозной деревне: от открытой конфронтации к скрытому фрондерству (на примере Татарской АССР)	246
<i>Е.Е. Темникова</i>	
Влияние целинной кампании на аграрные технологии традиционных земледельческих районов СССР.	249
<i>А.И. Шевельков</i>	
Экономика колхозов Нечерноземной зоны РСФСР в 1960-е гг.	251
<i>В.Н. Томилин</i>	
Эксплуатация машин как фактор эффективности агротехнологий в СССР (1960–1970-е гг.)	254
<i>Н.А. Серогодский</i>	
Личные подсобные хозяйства населения в советский и постсоветский период на Юге России: проблемы и тенденции развития (1970–1990-е гг.)	257
<i>С.Н. Андреенков</i>	
Социально-экономические последствия аграрного реформирования 1990-х гг. в Новосибирской области	260
<i>О.М. Вербицкая</i>	
Аграрная реформа 1990-х гг.: настроения в сельском социуме	263
<i>И.В. Логунова</i>	
«Псевдособственники» как явление аграрной реформы 1990-х гг.	267

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ДЕРЕВНИ X–XXI вв.:
ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ / ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ
И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ**

XXXVII СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Тезисы докладов и сообщений

Ответственные редакторы
*Горский Антон Анатольевич
Кондрашин Виктор Викторович*

Подписано в печать 29.08.2020. Формат 60x84¹/₁₆
Усл. печ. л. 16.16 Тираж 100 экз. Заказ